

98

Космёр
7
июль
1973



Костёр

7
июль
1973

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР
Издаётся с 1936 года

**СЧАСТЬЕ НАРОДОВ,
СВЕТЛОЕ ЗАВТРА
В НАШИХ РУКАХ, ДРУЗЬЯ!**

Мне довелось побывать на многих Всемирных фестивалях молодежи: в Праге, в Будапеште и в Берлине, в Москве и в Хельсинки, в Вене и в Софии.

Помню всякую малость —
И улыбки, и песни.
Жизнь моя поднималась
С фестивалями вместе.

Трудно коротко объяснить, что такое фестиваль. Но, вероятно, ничего более красочного, яркого и звонкого я не видел.

Фестиваль, разумеется, — это не только песни и танцы. Это и жаркие дискуссии. На фестивали приезжают юноши и девушки из самых разных стран, разное любящие и в разное верящие. Но все они неизменно объединены одним: ненавистью к поджигателям гравитационных войн, нетерпимостью к нищете, которой еще так много в мире, жаждой учиться и жить счастливо.

На нынешний Берлинский фестиваль вы еще не поедете. Но, конечно, на одном из следующих фестивалей будет немало сегодняшних читателей «Костра».

Вспомните тогда об этих нескольких строчках. И никогда не забывайте о том, что надо уметь по-настоящему дружить и помогать друзьям.

Лев Ошанин,

лауреат Государственной премии,
автор текста
„Гимна демократической молодежи мира“

**НА СЛЕТЕ
В ГОРОДЕ
ДРЕЗДЕНЕ**

2

Самое
опасное дело
поручили
Жемчужинке

6

„Чудо наутро,
в десятую
часу“

11

**ПАРАГРАФ,
КОТОРЫЙ МОГ
СТОИТЬ ЖИЗНИ**

24

Эту историю
продолжишь ты!

48

Мачты срубили...
Надели
спасательные
жилеты...

52

На обложке
рисунок С. Острова

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Вот и настал фестивальный месяц, июль.

Посланцы молодежи планеты едут в Берлин ради и во имя того, чтобы мир восторжествовал во всем мире, чтобы угнетенные ныне народы вздохнули свободно, чтобы радостно и счастливо жили все дети Земли.

В нашей пионерской организации есть замечательная традиция: и большими торжественными событиями готовить подарию.

В своих дружинах и отрядах вы подвели итоги первого года Всесоюзного пионерского марша «Всегда готов!», определили, кто правофланговым, на кого надо равняться.

И, конечно, вы обязаны: о при этом учти все, что сделано вашим коллективом на встрече X Всемирному фестивалю. С праздником вас!

Г. Захарова
секретарь Ленинградского ОК ВЛКСМ



Оформление Г. Никеева

Ровно год назад пионерская делегация Москвы, Ленинграда, Уфы и Казани побывала в ГДР.
В феврале этого года пионерская дружина 161 ленинградской школы приняла у себя пионеров-дрезденцев.

ДРУЖБА · FREUNDSCHAFT · ДРУЖБА · FREUNDSCHAFT · ДРУЖБА



Море поднятых над головой рук. «Фройндшафт — дружба!» — повторяют все участники Слета.

Это плакат Слета пионеров в Дрездене, на который были приглашены ленинградские ребята из поезда «Дружба».

НАЧАЛА БЫЛ ПАПСДОРФ

Кругом высокие стволы сосен. Где-то вдали смутные силуэты гор.

В лагере юных тельманцев встретились друзья со всех концов Земли.

— Ува, — шупленький мальчишка с восторженными черными глазами протягивает руку белокурому паренку в светлых очках.

— Валера, — улыбается тот. Пауза. Оба подыскивают слова. Кажется, в школе добросовестно изучали кто немецкий, кто русский. А тут куда-то все улетучилось.

Но через несколько дней Валера напишет своему брату Николаю: «Моего друга зовут Ува Итке. Он неплохо говорит по-русски. Вместе ходили в горы. Ува ловок, как ящерица. Здесь, в Саксонской Швейцарии, много растений, которые я вижу

первые. Мне понравились один лиловый цветок. Сорвал его — и к Уве. А он нахмурился: «Не надо было рвать. Очень полезный цветок. Убивает вредных насекомых. Нельзя его рвать...»
Знает, надо же! Природный ботаник...»

ОБЕД В ГОРАХ

Жили ребята в маленьких домиках (прозвали их избушками). В избушках было весело, хотя тишину после обеда и

после отбоя приходилось соблюдать.

Только один раз жесткий режим нарушился: у немецких ребят началась своя «Зарница», очень похожая на нашу, и они пригласили гостей в горы, на солдатский обел.

Вот небольшая поляна, а на ней «бойщик» — кто в каске, кто с автоматом. Тут же кок в белом подкрахмаленном колпаке. Из трубы его походной кухни вылетает дымок.

КРЕПНЕТ ДРУЖБА

— К нашему походу надо было — зовут хозяева.

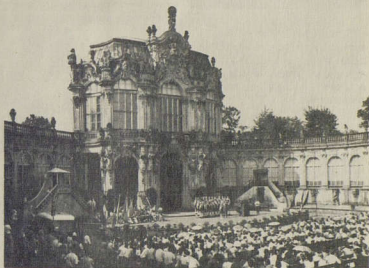
Пожалуй, только Леша Есипов не спешил подставить свой котелок. Он решил сперва взять интервью у командующего магневыми лейтенанта Клауса Шнейдера.

Леша разыскал командующего и засыпал его вопросами. Оказалось, что тельманцы сегодня ходили в разведку, педонгольвали по раши, проодлевали пренятствия (местность нелегкая: горы, поросшие ле-

сом), стреляли по воздушным мишеням.

Вечером все любовались красочным фейерверком. В темном летнем небе вспыхивали то красивые, то зеленые звездочки...

Из Папсдорфа отправились в Дрезден. Ребята из дрезденской школы № 73 имени Ханса Ротбарта с нетерпением ждали гостей из города-побратима, юных ленинградцев. Свои добрые чувства к гостям они выражают песней...



ИЗ „ДЕТСКОЙ ПРОГРАММЫ ФЕСТИВАЛЯ“

Среди делегатов Десятого Всемирного фестиваля молодежи будут, как всегда, и представители молодежных организаций — те, кто работает с детьми.

Для этих делегатов составлена целая программа действий. Из чего она состоит? В клубе «Друзья детей» пройдет обсуждение СЕРЬЕЗНЫХ ДЕЙСТВИЙ В БОРЬБЕ ЗА ПРАВА ДЕТЕЙ, запланированы Национальные дни разных стран.

В клубе можно будет узнать все о жизни, учебе, отдыхе пионеров-тельманцев, о достижениях первого немецкого государства рабочих и крестьян — Германской Демократической Республики — в деле воспитания молодого поколения.



ИЗ „ДЕТСКОЙ ПРОГРАММЫ ФЕСТИВАЛЯ“

Открывается международная «Галерея дружбы» — выставка детских рисунков, вышивок, декоративных игрушек.

Фотоэкскурсия «Мир крепнет на дорогах дружбы» расскажет о деятельности детских и юношеских организаций мира.

Будет оформлена большая карта мира, вокруг которой найдут место открытки и письма, присланные в адрес фестиваля детьми и подростками разных стран.

Есть еще на земном шаре народы, которые страдают от империалистических войн.

На фестивале будет организована выставка и продажа сувениров, изготовленных руками детей





В дни Слета у памятника Советской Армии в центре Дрездена в почетном карауле советские и немецкие воины, советские пионеры и пионергетельманцы.

НА ЯРМАРКЕ

В парке города Дрездена открылась необыкновенная ярмарка. Здесь не было ни зевак, ни любопытных зрителей. Здесь каждый показывал, на что способен.

— Умеешь рисовать? Вот бумага, краски, рисуй.

— Любишь мастерить? Вот клей, ножницы, материалы. Делай сумочку. Можно сделать

себе на память и платок с эмблемой Слета.

— Хорошо знаешь геологию? Участвуй в викторине.

— Увлечен космосом? Назови имена первых покорителей космоса.

— Нравится профессия официанта? Зачислим в штат детского кафе. Поработай, покажи себя.

— Любишь спорт? Покажи, как прыгаешь в высоту! Вот тут, прямо на зеленом ковре.

С непривычки разбегаются глаза. Куда пойти сначала?

Лена Шипунова слегка даже растерялась. А потом мастерила забавную деревянную куклу, сделала ей модную прическу, как в лучшем салоне. Затем Лену привлекла викторина: «Знаете ли вы ГДР?» И тут удача — набрала много очков и получила приз.

РИСУНКИ НГУЕН

Однажды в столовую, где обедала советская делегация, пришли ребята в широкополых зеленых шляпах — вьетнамцы. Они, оказывается, наши соседи по столикам. Как тут не познакомиться! И переводчик сразу отыскался: Нгуен Ти Хен — студентка берлинского университета. Она помогла нам поговорить с маленькими вьетнамцами, которые только что приехали с родины.

Правда, с виду это малень-

кие мальчики и девочки. Робкие, несмелые в разговоре. Но на курточке у Хо Кика несколько орденов. Хо Кик у четырнадцатилет, а он уже четыре года отвоевал в Народной Армии.



В «Галерее дружбы», на международной выставке детского рисунка, мы с волнением глядели на работы вьетнамской девочки Нгуен Дхи Нуа. Какие яркие краски! Девочка любила жизнь. Но ее уже нет в живых. Ее убили агрессоры. И Нгуен никогда не узнает, что на ее родной земле настал мир.

Едва переступив порог КИДа 161-й школы, Марнетта Бромберг радостно воскликнула: «Ой, наш вымпел!» Белоснежный, с синим голубем — вымпел дрезденцев теперь хранится здесь, в интернациональном Клубе «Ладога».

В Клубе состоялись незабываемые встречи. И все-таки за-



и подростков разных стран. Вырученные деньги перечислят в фонд помощи детям — жертвам империализма.

Во время фестиваля состоится конференция на тему: «ЗА УГЛУБЛЕНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА ДЕТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ИНТЕРЕСАХ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЛУЧШЕГО БУДУЩЕГО ДЕТЕЙ».

В палаточном лагере «Пионерская республика имени Вильгельма Пика» отдохнут друзья гетельманцев — представители зарубежных детских организаций 40 стран мира.

Гости пионерского лагеря примут участие в празднике «ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ СОЛНЦЕ».



один-два дня обо всем не пере-
говоришь! Друзья обещают
приехать снова.

Т. Сергеева



Немецкие пионеры-тельман-
цы — гости школьного клуба
«Ладога»



В августе 1926 года немецкие пионеры — члены «Союза юных спартаковцев» отдыхали во Всесоюзном пионерском лагере Артек.

Летом этого года в Артеке в международную смену отдохнут представители детских и юношеских организаций 50 стран мира.

О приезде в Советский Союз немецких пионеров летом 1926 года вспоминает Владимир Алексеевич Окуньков, ветеран пионерского движения.

НЕМЕЦКИЕ ПИОНЕРЫ В АРТЕКЕ

Пионеры Седьмого отряда Бауманского района Москвы весной 1926 года обсуждали на своем сборе, как готовиться к пионерскому лету.

Именно на этом сборе и решили они пригласить к себе в гости немецких пионеров. Письмо-приглашение было послано на имя «Союза юных спартаковцев» — так называлась тогда детская коммунистическая организация Германии.

Московские пионеры написали так: «Дорогие товарищи! Мы приглашаем в Москву трех пионеров с первого июля по пятнадцатое сентября. Дети проведут лето в Крыму у Черного моря в самых лучших условиях. От наших отрядов туда поедут 150 человек, и все будет заранее подготовлено. Ответьте нам как можно скорее! Будьте готовы!»

Передаю вам, внукам Ильича, горячий привет от парагвайских коммунистов и молодежи.

Моя родина, Парагвай, расположена в самом сердце американского континента. Природа не обделила Парагвай. В его недрах все есть — железная руда, марганец, цинк, медь, уран, нефть. В тропических лесах растут четыреста ценных пород деревьев. Богатейшая страна! А между тем уровень жизни в ней — один из самых низких в Латинской Америке. Ежегодно от голода и болезней умирает две трети новорожденных. Один врач приходится на несколько тысяч человек. Многие мальчики и девочки не учатся и вынуждены с ранних лет работать.

Парагвай называют большой тюрьмой. Лучшие сыны народа — коммунисты объявлены вне закона. Их преследуют, сажают за тюремную решетку, убивают. Но никакие репрессии не сломили мужества и воли патриотов.

В стране ширится движение сопротивления кровавой диктатуре. Говорят «Нет!» диктатору Стресснеру и дети коммунистов. Парагвайские мальчики и девочки вместе со взрослыми ведут борьбу за свободу, за счастье. В их рядах и Перлита, о которой вы сейчас прочтете.

Она выполнила много партийных поручений: охраняла явочные квартиры подпольщиков, была их связной, доставляла политзаключенным весточки с воли... Она рисковала жизнью; только за подпольные в принадлежности к коммунистам в Парагвае, без скидок на возраст, пытаются и расстреливают.

Учитывая заслуги Перлиты, ее, тринадцатилетнюю, в порядке исключения приняли в партию.

Я рад, что советские юные читатели могут познакомиться с Перлитой и с ее боевыми друзьями.

Советские люди — взрослые и школьники — всегда поддерживали нас. Мы вам благодарны за братскую солидарность!

Член Центрального Комитета
Парагвайской
коммунистической партии
Феликс Хименес



ПЕРЛИТА

А. Петрухин



Перед парагвайским пограничником стояла, опустив голову, девочка. В правой руке она держала корзину.

— Куда едешь? — сурово спросил офицер.

— В Асунсьон¹.

— К кому?

— К бабушке.

— А что в корзине?

— Мыло.

Офицер стал рыться в корзине. Вытащил один из кусков, повертел в руках. Окинул

¹ Асунсьон — столица Парагвая.

Рисунки Н. Флоренской

девочку взглядом с головы до ног. Больше, чуть раскосые, нависшие глаза, круглый подбородок, две беззубые косички. Совсем еще ребенок.

— Как зовут тебя?

— Перлита!

— Какое красивое имя! — воскликнул офицер. — Смотри не запятай его.

— Постарайся, сынор офицер.

Пограничник приказал солдатам пропустить девочку, и она вприпрыжку вдалеке остановилась. Автобус подошел через пять минут. Перлита вышла в самый его угол.

ПЕРВЫЙ РАССКАЗ ЖЕМЧУЖИНИ

Я дочь рабочего. Этим все сказано. Не учусь. И не потому, что не хочу. Нет средств. Мой отец — строитель. Почетная профессия. Но ему трудно найти работу. В Парагвае безработица. Моим родителям не на что купить мне учебники, тетради. Наше семейное еленье сводит концы с концами. И таких, как мы, в Парагвае сотни тысяч.

У меня сестры братишек и сестренки. Семья большая, но сплоченная, дружная. И все благодаря отцу. Я горжусь им. Он сильный, волевой. Его любимые слова: «Никогда не унывай!»

Наш дом находится на окраине Асунсьона. У дома два выхода. Один на улицу, другой, запертый — во двор. Это очень важно: порой у нас собираются подпольщики.

Когда они приходят, отец говорит

¹ Перлита в переводе с испанского — жемчужина.

мне: «Иди, дочка, на улицу. Смотри в оба. Появятся пиратские¹ — предупреди!»

Я радуюсь: мне, десятилетней, доверят.

Как-то спросила отца: «Чем отличаются коммунисты от других людей? Он ответил: «Коммунисты — защитники бедных, люди богатых. Они хотят установить в Парагвае счастливую жизнь для рабочих и крестьян, как это сделано в Советском Союзе».

Чаще всего подпольщики расходились далеко за полночь. Чтобы не вызывать подозрений у соседей, всегда в комнате не зажигали. Перед уходом пели песню, которую мне сразу понравилась. Такие в ней сильные, звонкие слова:

Вставай, проклятый заклябанный,
Весь мир голодных и рабов!

Однажды, стоя на посту, я заметила маленькую вдалеке тень. Человек шел не по середине улицы, а краем. Это было подозрительно. Вот тогда пригодился запасной выход! Предупрежденные подпольщики вовремя ушли.

Вобщем с некоторыми пор мы заметили, что за нашим домом ведется наблюдение. Наверное, соседи достигли: люди они не надежные. Собрания у нас отменяли. Отец скрывался. Мы объясняли любознательным, что он ищет работу. Время от времени получали от него записки. Он сообщал, что под черной фланжировкой нивает у одного верного товарища, просил у него денег. «Ты старшая», — обращался он ко мне, — помоги маме, смотри за сестренками и братишками. Ты моя надежда».

Прошел почти год. Как-то ночью раздался стук в дверь. Успокоенный. Я открыл. Кто-то спросил маму: — Открой, родная, — постыжешься знакомым голос.

Мать отинула крючок. Дверь распахнулась. Так и есть, — отец!

Спрятая с постели, я побежала к нему, повисла на шее, прижавшись к нему.

¹ Пиратские — «люди с волосатыми ногами». Так презрительно называют в Парагвае подпольщиков.

и кололеч бородо. Проснувшись все наше многоличное семейство.

— Как я соскучился по вам, — говорил отец, — дайте на вас помыслить.

Не заметил, как за разговором прошло два часа. Отец прилег на кровать. Устал с дороги.

Я вышла на улицу посмотреть, нет ли полицейских. Как сердце чужестранца! К нашему дому подвезла машина; что есть мочи я крикнула: «Папа, спасайся!»

Но было уже поздно. Полицейские окружили дом. Нескольким человек небросились на отца. Захватили сакетку. Однако силы были неравные. Один против десятих. Отцу скрутили руки и увезли.

Потом мы узнали, что отец бросился в тюрьму. Там над ним учинили жестокие пытки. Его сонмид расстреля. Однако товарищи спели его: устроили ему побег.

Партия помогла отцу перебраться в соседнюю страну. Аргентину. Туда же позднее подпольщики переправили и нас — его семью.

За окном автобуса потянулись росы апельсинных деревьев. Плоды их красивые, но не съедобны: дикие, горькие и кислые. Зато из листьев этих деревьев получают ценное эфирное масло.

Еще несколько минут — и показались окраины Асунсьона. Перед въездом в город автобусу преградили путь полицейские. Они тщательно осмотрели вещи пассажиров. Перлита, сжавшись в комочек, дремала. Вид у нее был такой безобидный, что полицейские решили ее не беспокоить.

Автобус тронулся дальше и вскоре остановился на одной из центральных улиц — Теньете Фаринья. Здесь Перлита сошла.



встрече в газете немецких коммунистов «Красное знамя». «С. М. Бугенный хорошо знает и о жизни немецкого рабочего класса, и о «Союзе спартаковцев». Русские придают этому большое значение. В Красную Армию, когда они вырастут».

Первого августа мы провели нашу встречу в Крэм.

В Азупке, в пивоваренной Наркомзупке, немецкие ребята встретили несколько людей, а с 16 августа их пригласили в Артек. О своем житье-бытье Артеке гости рассказали в газете «Июньская правда», когда вернулись из Артека в Москву.

В Крэмку много санаториев и домов отдыха, но больше о здоровых трудящихся и их детей».

В одном из Отрядов, посвященный 2 сентября состоялось собрание вожатых звеньев московских школьников, посвященное Межгосударственной летней школе. Центром внимания выступили, рассказывали о жизни немецких пионеров, делились впечатлениями о пребывании в Артеке.

Бабушка жила на окраине. Туда автобусы не ходят. Закончилась ярко освещенная улица, и девочка вступила в темноту. Это уже район бедноты. Дорога здесь не асфальтирована, вся в ухабах. По обеим ее сторонам разбросаны обветшалые глиняные домики. К одному из них подошла Перлита.

— Бабушка, — позвала она негромко.

Бабушка — она во дворе склонилась над очагом — от неожиданности даже присела.

— Девочка, какими судьбами?

— На крыльях прилетела, — крикнула радостно Перлита, — все наши по тебе соскучились!

Тут Перлита осеклась: она увидела на пороге дома двух мальчиков. Им было не больше шести лет. Они смотрели испуганно.

— Узнаешь? — спросила бабушка. — Это твои двоюродные братья.

Перлита бросилась обнимать ребят. Она знала, что их мать Исабель де Ортис, коммунистка, несколько лет сидит в тюрьме.

Всмотревшись в Перлиту, бабушка всплеснула руками.

— Ты совсем усталая и голодная. Сейчас же садись за стол.

Пока Перлита ела локро¹, бабушка рассказывала:

— С тех пор, как вы уехали в Аргентину, полиция не дает нам покоя. Не проходит дня, чтобы она не навевдалась.

¹ Локро — традиционное в семьях бедняков кушанье из овощей и кукурузы с острой приправой.

Спасу от нее нет. Могут и ночью нагрянуть. Если у тебя что недозволенное, — спрячь от греха подальше.

Перлита пожала плечами:

— Что у меня может быть? Мыло...

ВТОРОЙ РАССКАЗ ЖЕМЧУЖИНКИ

Однажды меня вызвал товарищ Рамон, член Центрального Комитета нашей партии.

Он сказал:

— Хочу с тобой посоветоваться. Видишь, на stole куски мыла. В них спрятаны письма нашим товарищам, которые томятся в асунсонской тюрьме. Это мыло надо доставить узникам. Сама понимаешь, как это трудно сделать. Граница охраняется, а в Парагвае на каждом шагу полицейские. Взрослому не выполнить такое поручение. Его могут в любой момент арестовать — и тогда все пропало. Другое дело — ребенок. К нему не станут придираться.

Посмотрев на меня внимательно, он продолжал:

— Это еще не все. Надо передать подпольщикам текст листовки, которую они размножат. Ты понимаешь, Перлита?

Без колебаний я сказала товарищу Рамону: «Готова выполнить задание партии».

— Листовку зашей в ремешок. В случае опасности — уничтожь ее. А текст постарайся запомнить. Передашь его тогда устно. Если останутся на границе, — скажи, что несешь подарок бабушке.

Эта версия выглядела правдоподобной. Дело в том, что в Аргентине живет много парагвайцев. В свое время в поисках работы они покинули родину, да так и остались на чужбине. Но им разрешается без всяких виз посещать своих родственников, живущих в Парагвае. Разумеется, на границе таких путешественников обыскивают.

На прощание товарищ Рамон сказал, что меня будет ждать через три дня и что меня встретит на берегу реки Парагвай проводник.

Утром Перлита предупредила бабушку, что вернется не скоро, и вышла на улицу. Осмотрелась: так и есть — агент! Идет следом за ней. Теперь не отвязаться. Что же предпринять?

Ускорила шаг, быстрее пошел и агент. Скрыться некуда. Как некуда? А площадь Независимости? Площадь Независимости, которая начинается за углом?! По площади носятся машины, преимущественно военные джипы. Не каждый решится пробежать перед их носом: водители джипов не соблюдают правил езды, если они даже собьют человека, им ничего не будет, ведь военные у диктатора в милости!

Агент оторопел: юркая фигурка девочки замелькала между машинами. Он не ожидал такого. Бегал по краю площади, размахивая руками, но броситься в поток машин не решился.

Перлита тем временем села в автобус. Сошла на третьей остановке. Прошла дворами, свернула в переулок, пересекла улицу, вторую и только тогда направилась по нужному адресу.

Вошла во дворик-патно. Ни одной живой души. Постучала в дверь, еще раз, настойчивее.

— Тебе кого?

— Вам привет от дяди Рамона.

Теперь оставалась тюрьма. Свидания с политзключенными начинались в одиннадцать часов.

В приемной тюрьмы уже бы-



В заключение этого «Вечера смывки» немецкие пионеры торжественно вручили московским пионерам Красное знамя, на котором золотом вышел девиз: «Будь готов!»

Возвратившись домой, Эрна, Вилли и Рихард часто рассказывали на собраниях юных спартаковцев о своей поездке, но не всегда эти встречи проходили благополучно. Германские социал-демократы пытались помешать правдивым рассказам о советских пионерах. В октябре 1926 года во время «Дня рабочих детей», организованного Коммунистической партией Германии, был арестован Вилли Герр. Демонстрация детей в городе Штутгарте была разогнана полицией.

С возмущением рассказывала об этом факте своим читателям «Пioneerская правда» 14 ноября того же года...

В. Окуньков, бывший пионервожатый Артека



ло несколько посетителей. Тучный сержант записывал в толстую книгу всех присутствующих.

— А ты к кому? — спросил он Перлиту.

— К Исабель де Ортис.

— Есть такая. Кем ей приходишься?

— Племянницей.

— Жди своей очереди.

И, обращаясь к полицейским, приказал:

— Проверьте корзинку.

Те бросились выполнять приказание. Высыпали содержимое корзинки на стол.

— Нельзя ли поосторожнее! — крикнула Перлита.

— Много захотела, — ухмыльнулся один из полицейских.

Сержант громогласно предупредил:

— Можете говорить о чем угодно, только не о политике.

Перлиту вызвали самой последней. Ее провели в соседнюю комнату, разделенную на две половины железной решеткой. По обе стороны решетки стояли полицейские.

Наконец, в противоположной стене открылась дверь, и на пороге появилась тетя Исабель.

— Тетя Исабель! — бросилась к решетке Перлита.

У той от удивления расширились глаза. Она никак не ожидала увидеть здесь Перлиту.

— Зачем ты сюда пришла? Случилось что-нибудь с бабушкой?!

— Не беспокойтесь, тетя Исабель. Бабушка чувствует себя хорошо. И Хосе и Торес тоже.

НЕДЕЛЯ СОЛИДАРНОСТИ

прошла в каждой пионерской дружине, в каждом пионерском отряде нашей страны с 1 по 8 февраля нынешнего года.

С огромной радостью миллионы ребят узнали о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме. «Победила солидарность!» — такую подпись под плакатами самих ребят можно было прочесть во многих школах во время недели солидарности. Четвероклассники и пятиклассники 155-й школы Смольнинского района Ленинграда подготовили антивоенные фотомонтажи. Старшеклассники этой же школы устроили выставку антивоенных плакатов.



Полицейский предупредил:

— Осталось две минуты.

Перлита заспешила:

— Присили (это слово она произнесла с особым ударением, и Исабель понимающе закивала головой) передать вам мыло.

Выйдя из тюремных ворот, девочка увидела в конце улицы толпу: что-то случилось. Все смотрели на стену, на которой были приклеены белые листочки.

Текст был Перлите знаком. Не зря она путешествовала по окраинным улицам, не зря убежала от агента: листовка, которую она доставила товарищам, уже была размножена.

«Боль и ненависть стучатся в наши сердца. В нечеловеческих условиях содержания в тюрьме руководители Коммунистической партии, патриоты страны, борцы за счастье народа — Антонио Майдана, Хулио Рохас, Альфредо Алькорта. Они объявили голодовку. Их жизнь — в опасности. Граждане! Требуем освобождения узников! Долой кровавую диктатуру!»

За окном автобуса вновь мелькал знакомый пейзаж: железная дорога, апельсиновые деревья, зеленые пастбища. Перлита сошла, не доезжая одной остановки до границы.

Тут начиналась саванна. Взрослый человек в ее зарослях скроется, а девочка и по-прежнему. Пробиравшись около часа, а зарослям не видно конца. И присесть негде. Колько. Потом заблестела гладь небольшого озера, окаймленного светло-зелеными камышами. Девочка на ходу сбросила санда-

лии-альпаргаги, вошла по колено в воду. Приятная прохлада как рукой сняла усталость.

Небо заволокло тучами. Не ровен час — пойдет дождь. Спешить надо. Лучше прийти к месту встречи с проводником раньше, чем опоздать.

Девочка шла по саванне. Кричали попугаи. С дерева на дерево перелетали неумные белки. За озером Перлита заметила стройную розовую птицу с необычайно длинной шеей — фламинго — и помахала ей рукой.

Впереди послышались голоса. Перлита бросилась на землю. Притаилась, сдерживая дыхание. Почти рядом с нею прошли пограничники. Когда голоса стихли, девочка поползла. Конечно, это не совсем приятно. Земля неровная, да еще наткнешься на ядовитых змей, которых здесь множество... Ползла минут двадцать. Потом поднялась и побежала.

Проводник уже ожидал ее. Обрадовался, помог сесть в лодку. Плыли медленно по извилистой реке со множеством песчаных островков. Хлынул ливень. Перлита выскочила на берег мокрая-премокая. Только теперь она почувствовала, что все опасности позади.

ТРЕТИЙ РАССКАЗ ЖЕМЧУЖИНКИ

За месяц до Первого мая отец сказал мне:

— Дочка, партийная ячейка решила принять тебя в члены партии. Готовься.

Я растерялась, не поверила. Как! Совсем зеленая девчонка — и коммунистка. Я этого не заслужила. Но отец не шутил.

В небольшой комнате собралось двадцать человек. Здесь были пожилые и молодые, закаленные в борьбе с диктатурой, революционеры. Обстановка была торжественной. Начал товарищ Рамон:

— Слушай редкий, — сказал он. — Сегодня мы принимаем в партию самого юного нашего товарища.

Потом говорили другие. Сколько теплых слов было сказано обо мне!

И когда поставили на голосование предложение о приеме меня в партию, все двадцать рук поднялись вверх.

— Перлита, — обратился ко мне товарищ Рамон, — хочешь что-нибудь сказать?

Голос мой дрожал:

— Вместе с вами буду идти до конца.

И не выдержала, расплакалась.

Спусти четыре дня в город, где мы жили, пришел Первоймай. Коммунисты устроили демонстрацию. Рабочие несли красивые знамена. Кто-то запел, и вот уже знакомую мелодию подхватили вся площадь. Я тоже подпевала:

Кипит наш разум возмущенный

И в смертный бой вестя готов!

Через несколько месяцев партия отправила меня на учебу в Советский Союз.

«Исполнилась моя мечта — я познакомилась с советскими пионерами. Среди них у меня много хороших друзей. Они всегда со мной, показывают Москву, приглашают к себе домой, помогают изучать русский язык. Живут они далеко от Парагвая, но, оказывается, отлично знают о нас и нашей борьбе. В школах Москвы, Ленинграда и других городов проводились многочисленные митинги солидарности с борющимися народом Парагвая. В них я участвовала. Мне хочется сказать детям страны Советов: «Спасибо вам за солидарность!»

Перлита».

В 271-й и 278-й школах Ленинграда наш фотокорреспондент побывал на митингах солидарности, посетил выставку школьного политического плаката и сделал снимки. Выставка проходила под девизом — «Юность обличает империализм».

Во всех школах Ленинграда и области прошел День труда: пионеры и комсомолы собирали металлолом, макулатуру, работали на спортивных площадках, помогали рабочим на предприятиях города.

За активное участие в проведении операции «Лекарства лесной аптеки — детскому госпиталю в Ханое» ленинградская областная пионерская организация награждена грамотой Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.





Шуркина стратегия

ПОВЕСТЬ

Игорь Нерцев

Рисунки Ю. Шабанова

Заказанные в городе красавцы автобусы одолели перевал и отсчитали пять асфальтовых петель головокружительного спуска. Теперь они разгружались на небольших ступенчатых площадках сбегающего к морю Ключевского пионерлагеря. Приехала вторая смена.

Здесь не только кожаные скользкие подметки, но, казалось, и деревья и дома с трудом удерживались на обожженной каменистой крутизне. Зеленые вершины гор из своей обманчиво-близкой выси снисходительно наблюдали, как все живое и рукотворное год за годом упорно цепляется за склоны, вместо того чтобы со свистом скатиться в море.

И дом с башней был с одного конца двухэтажный, а с другого — одноэтажный. На подъеме нижний этаж как бы уходил в землю.

У раскрытого окна в верхнем этаже стоял немолодой высокий мужчина в холщовой курт-

ке. Он глядел на ребят дружелюбно, но не без строгости.

Двое мальчишек, похожие на белых медвежат, деликатно отступили на шаг. Третий не двинулся с места.

— Пойдем, Шур... — позвал один из медвежат.

Шурка задрал голову, рассматривая незнакомого человека.

— Косая земля! — сообщил Шурка снизу, имея в виду основное свойство здешней местности. И для уточнения повел рукою вокруг себя.

— Очень косая! — с готовностью подтвердил незнакомец. — Прямой совсем мало, автобусы негде принимать...

Обе стороны помолчали.

— Ну, а из какого отряда? — спросил, наконец, мужчина.

— А мы забыли... — притворился Шурка.

— Замечательно!.. И кто же вы такие?



— Мы... — Шурка за-
пнулся. — Мы разведчи-
ки!

— Разведчики ведут на-
блюдение, используя есте-
ственные укрытия. Пере-
двигаются неслышно и не-
заметно! — четко опреде-
лил мужчина, будто про-
водил занятие. — А вы как
сюда явились? С воплем и
с грохотом. Остановились
на открытом месте. И вдо-
бавок налетели на самого
начальника лагеря.

Мужчина стукнул кост-
тяшками пальцев по подо-
швы.

Шурка не особенно ис-
пугался, уверенный, что в
день приезда лагерные
строгости никак еще не
могут быть в полной силе.
Руками изобразил два за-
хвата: обойти дом справа
и слева!

Дмитрий Игнатьевич,
начальник пионерлагеря,
не успел и глазом морг-
нуть, как уже не было
слышно даже отдаленного шлепая подме-
ток. Ветер дул по склону облачко пыли.

За домом ребята встретились в кустах.

— Не выскочит? — спросил Шурка, недо-
верчиво оглядывая двухэтажный конец дома.

— Делать ему нечего — за нами гонять
ся...

— Смотрите, башня! — сказал Шурка.

Башня была восьмигранная, белая, с кир-
пичными, обломанными кое-где зубцами под
самой кровлей. Одно из окошек было приот-
крыто, створку раскачивал ветер.

— Стекла недавно вымыты, значит, туда за-
лезть можно, — сообразил Шурка.

— Теперь вниз пойдем? — спросил млад-
ший из Шуркиных спутников.

— Надо идти мыться, — солидно ответил
старший, — еще провороним...

— Ребята, — затормозил Шурка, — вы там
место для меня подержите, я еще дальше сбе-
гаю и сразу вернусь.

Шурка помчался вниз. Бегом, бегом!.. Он
успел простором. Вот только взять еще ле-
вее, чтобы по другой тропинке спуститься. Не
по той, по которой поднимался.

Вдруг увидел стеклянный павильон с кры-
латой, словно взлетающей, крышей. У дверей,
прямо на стекле, на огромном листе бумаги
вывеска какая-то наклеена. Сейчас прочита-
ем:

ХРАМ НАУКИ

— это написано самыми крупными буквами.
Буквы уже немного поблекли. Тушь от жары
потрескалась. Следующая строка:

И ТЕХНИКИ

— буквы посвежее и чуть поменьше размером.
А последняя строчка:

И НЕКОТОРЫХ ИСКУССТВ

— совсем свежая, яркая.

На краях листа рожище изображены. Пер-
вая — в очках, на макушке знаки вопроса —
ученый. Вторая — растрепанная, чумазая, га-
ечный ключ в зубах — техник. А третья —
театральная, с мрачным выражением маска, а
под маской перекрещиваются рисовальная
кисть и флейта.

«Вот пираты!» — радостно удивился Шурка
и тут же разглядел, что стеклянная дверь за-
крыта, замотана изнутри толстой проволокой,
стало быть, настоящий вход где-то за углом.

Он повернул за угол. И там, как в сказке,
предстали перед ним... три живых пирата! За-
горелые даже не до черноты, а до какого-то си-
зоватого шелушенья. В выцветших плавках с
вышитыми якорями и штурвальными колеса-
ми.

Пираты прилаживали две небольшие короб-
ки — на двух столбиках, слева и справа от до-
роги, ведущей ко входу.

У левого столбика орудовал бритый пират,
с острым лицом и маленькими пронзительны-
ми глазами. Его наголо обритую голову спасал
от солнцезащитного бумажный шлем, сделанный из
иностранный газеты с броскими заголовками.
Шлем был маловат и все время сваливался.

Возле правой коробки колдовали двое.

У широкоплечего детины — с русыми кудря-
ми и спутанной рыжеватой бородой — по клю-
чицам и лопаткам змеилась рыболовная сеть
с мелкими ячейками.

В облике третьего проступало нечто артисти-
ческое. Он курил трубку; темные волосы его
были гладко зачесаны на пробор, а франтов-
ские усики подкручены кверху.

Бритый был, по-видимому, страшно доволен
собой и своей работой. Он испускал, с неболь-
шими перерывами, радостные звериные вопли.
Вдруг он поднял голову и увидел Шурку:

— Ага, Глазело пришло!

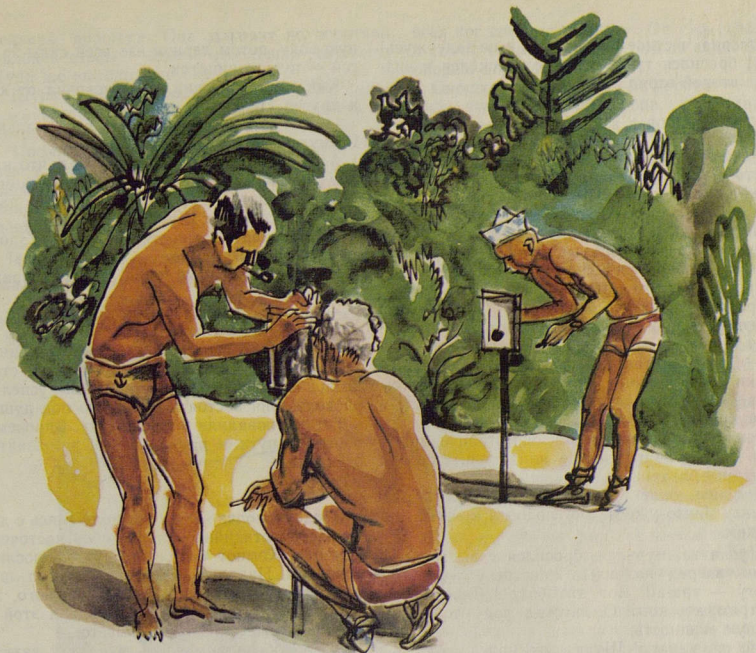
Бородатый обернулся, потом критически ос-
мотрел себя, своих приятелей и сказал:

— Братья-разбойники, а можно бы уже и
придаться...

— У меня готово! — крикнул бритый и с
треском захлопнул заднюю стенку своей ко-
робки.

И тогда усатый мягко попросил:

— Мальчик, пройди, пожалуйста, по доро-
ге между столбиками. Перед дверью остано-
вься.



Пытаюсь догадаться, в чем дело, Шурка двинулся по дороге. Прошел столбики. Ничего. Потом сзади, в коробочках, два раза щелкнуло. Шаг, еще шаг — опять ничего. Вдруг удверей что-то слабо зажужжало, как испорченный звонок, который хочет зазвенеть, да не может. Еще два шага. Шурка уже занес ногу на преддверную ступеньку — и только тогда, наконец, стеклянные створки разъехались направо и налево. В глубине павильона на столбах заманчиво поблескивала какая-то техническая всячина. Шурка вопросительно оглянулся.

— Нет, нет, дальше нельзя. Пока нельзя, — сказал усатый.

Стеклянные створки с присвистом захлопнулись.

— Ну, теперь почти то, что нужно! Почти то самое! — объявил бритый. — Срабатывает, но немного запаздывает. Я думаю — передвинуть на секунду раньше.

— Да... Ощущение преграды неприятно... Мне даже кажется — секунды на полторы... — сказал усатый.

Шурку опять перестали замечать.

Секунда — и его как не бывало.

Камни с грохотом катились из-под его ног, подметки трещали. Где же душевая? Вон где — и толпа почти вся исчезла, девчонок — никого, мальчишек — только один отряд остался. И чей отряд? Чужой, отсюда видно: все не те ребята, с которыми в автобусе ехал, ведь еще на вокзале по отрядам разделили. А вожатая?.. Вот она, вожатая — наверно, из-за Шурки только и стоит. Издали увидела, бумажку разворачивает, ясно: фамилию хочет вспомнить. Как же ее зовут-то, вожатую? Необыкновенное такое имя-отчество!

— Горюнов Александр!

Шурка с разгону не сумел затормозить, поскользнулся — трах! — и растянулся, прямо под ноги вожатой, — ой!

Вожатая перестала хмуриться, наклонилась к Шурке. Тончайший румянец проступил на ее лице, и светлые, как золотой дым, волосы рассыпались по щекам.

— Больно?... Входи скорее, ребята уже три минуты там... — она тщательно выговаривала каждое слово.

— Ничего, ерунда, я быстро, — забормотал Шурка, и вдруг вспомнил имя и отчество вожатой, — я быстрее всех постараюсь, Лайне

Антсовна, честное пионерское, я не задержусь!

И бросился туда, где уже плескался и визжал второй отряд.

Раздевалка, пустая и гулкая. Вот свободное место. Раз, два, три... — Шурка разделся, пробежал босиком, рванул дверь в душевую. Легкое облачко пара вылетело ему навстречу.

Шурка нырнул под освободившийся душ, ожесточенно заработал мочалкой, за несколько секунд покрылся с головы до пят белой шипящей пеной. Это самое главное, намылился — и сразу всех догнал. Теперь хоть мойся, хоть брызгайся, вода свое дело сделает, все мыло с тебя слижет.

— Тра-та-та-та-та! — раздался вдруг выкрик в подражание пулемету. Самые бойкие из ребят захватили толстые медные краны с разбухшими деревянными ручками.

Зажимая воду ладонями, они стали направлять друг в друга резкие кинжальные струи. Холодные, ледяные!

Наконец, один нахальный парень всех разогнал. Никто уже не мог подойти к соседним кранам.

Шурка зажмурился, бросился с выставленными вперед ладонями навстречу ледяному ожогу — ура-а!!! Вот это битва! Теперь посмотрим, кто кого! Он пустил воду тоже на полную мощность.

Ой, ой, караул! Шурка ужимался, подпрыгивал, словно его на сковороде поджаривали.

У того парня плечи — как две булки. Рот до ушей оскалил, уверен, что Шурку выгонит.

Шурка ухитрился сдвинуть струю выше, прямо в пасть жирному. Ага, сразу захлопнул, и глаза выпучил, чуть не захлебнулся...

Как же его фамилия? Брыкин — вот как, в автобусе еще говорили. Он уже там скалился и всех толкал. Полпачки печенья у одного мальчишки отнял и тут же слопал.

А на спуске с перевала, когда такие повороты начались, что дух захватывало — он своего тихого соседа сцапал за ухо, повернул лицом ко всем и завопил: «Смотрите, он боится, боится!» Сам, наверное, больше всех трусил.

Лайне Антсовна несколько раз говорила: «Брыкин, так нельзя! Брыкин, так нехорошо!» Потом подошла, взяла его за руку и пересадила на другое место, рядом с собой.

Ни в игре, ни в драке Шурка терпеть не мог, когда за волосы, за уши, за лицо хватают. Еще в автобусе подумал: придется устроить взбучку этому Брыкину, чтобы рук не распускал.

И теперь нельзя было Шурке отступить, проиграть бой.

А ребята вокруг кричат: «Да брось ты его, хвяти! Посинеет весь! Окоเลешь от холода!»

И тут Шурку осенило. Свободной рукой он крутанул сначала один кран — убавил холод-

ную воду, потом дернул изо всей силы за другой — пустил кипяток.

Как завыл Брыкин, как отскочил от крана к другой стене!

— Ты что, — кричит, — ненормальный?! Рехнулся, да?!

А Шурка весь до того заledenел, что в первые мгновения даже не почувствовал ничего. Только видит — пар пошел. Потом ладонь обожгло. Отбежал Шурка от крана.

— Молодец! — кричат ребята. — Здорово ты его! Мы уж думали — тебе крышка!

Подошел к Шурке один, говорит прямо в ухо:

— Ну, ты парень-гвоздь. Мы все за тебя болели. А меня Вовкой звать, Володей... Мой папа в лагере шофером работает, увидишь.

Шурка остудил руку под холодной струей до полной бесчувственности. И еще успел для удовольствия постоять немножко под душем.

Тут все повалили в раздевалку. Впрочем, на обратном пути ее правильной было назвать — одевалка.

Обедали молча — так проголодались с дороги. Потом стихийно начался сбор косточек от компота. Компот был густой — чернослив и абрикосы. Нахальный Брыкин утащил шесть косточек у своего соседа, розовощекого, медлительного, в очках — и, благодаря этой махинации, вышел на первое место.

После обеда помчались в палату захватывать койки.

Кто-нибудь может спросить: а зачем вообще их захватывать, если и так на всех хватает? К тому же, на этих совершенно одинаковых койках лежат совершенно одинаковые подушки, покрывала и простыни.

А смышленому человеку соображение подсказывает, что даже совершенно одинаковые койки все же не совсем одинаковы, например, в смысле их географического положения в палате.

Шурка бежал впереди всех.

Ребята уже знали, где их дом, по-здешнему — корпус. Но входить в палату до мытья и обеда Лайне Антсовна не разрешила, а все рюкзаки и чемоданы были пока оставлены в маленькой дежурной комнате.

Даже не взглянув на свой рюкзак, Шурка проскочил мимо дежурки и первым встал в дверях, упираясь руками и ногами — с твердым намерением не пропустить никого, пока не высмотрит для себя самое лучшее место.

Так. Койки стоят двумя длинными рядами. Правый — вдоль наружной, стеклянной стены, это — кто любит у окна! Левый — вдоль внутренней стенки, без окон.

Вдоль прохода раскатана полосатая сине-

зеленая дорожка. Она доходит до короткой дальней стены с одним небольшим оконцем. Куда же выходит это оконце?

Шурку уже хватили за руки и за ноги, пытались протолкнуть в двери, или выдернуть из дверей, или пролезть у него подмышкой.

Посыпались компотные косточки, принесенные в кулаках; зашелкали по полу. Подошедшая Лайне Антсовна сразу определила, кто виновник всей этой заварухи, и строго скомандовала:

— Горюнов! Не мешай!

Толпа, ободренная этим возгласом, поднажала и втолкнула Шурку в палату.

Шагов десять он пролетел от одного только этого толчка, но и потом не остановился, а со

всех ног помчался дальше. Он уже знал, куда: к самой последней койке, возле единственного окошка на дальней стене.

Окошко это оказалось не простое — цены не было этому окошку! Тропа, поднимавшаяся снизу вверх, от корпуса к корпусу, проходила под самым этим окошком. Прямо с койки можно было высунуться и посмотреть — кто там ходит-бродит, от взморья до взгорья.

А вся правая, стеклянная сторона была обрешена к другому спальному корпусу, точь-в-точь похожему на этот. И, кроме соседнего корпуса, ничего интересного оттуда не было видно.

Едва только он успел положить руку на кроватную спинку, как его уже тряс за плечо прибежавший следом за ним веснушчатый растрепанный мальчишка.

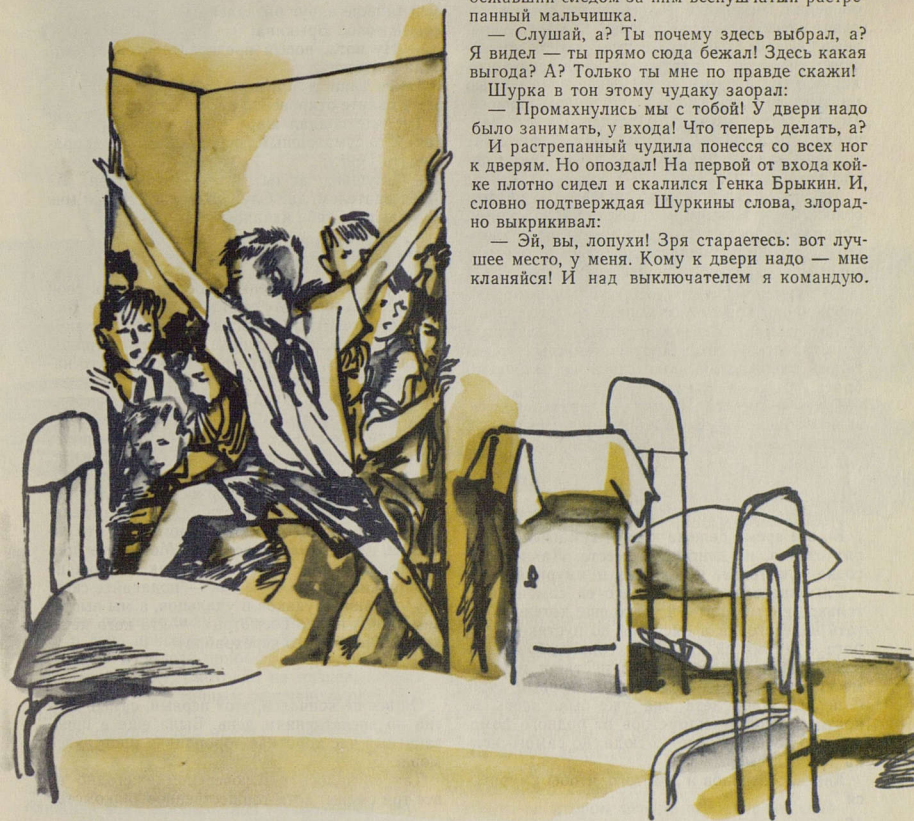
— Слушай, а? Ты почему здесь выбрал, а? Я видел — ты прямо сюда бежал! Здесь какая выгода? А? Только ты мне по правде скажи!

Шурка в тон этому чудаку заорал:

— Промажнулись мы с тобой! У двери надо было занимать, у входа! Что теперь делать, а?

И растрепанный чудила понесся со всех ног к дверям. Но опоздал! На первой от входа койке плотно сидел и скалился Генка Брыкин. И, словно подтверждая Шуркины слова, злорадно выкрикивал:

— Эй, вы, лопухи! Зря стараетесь: вот лучшее место, у меня. Кому к двери надо — мне кланяться! И над выключателем я команду.



Захочу — в потемках будете раздеваться. Захочу — спать при свете заставлю!..

Шурка усмехнулся. Это мы еще посмотрим — кто кому будет кланяться. И вообще — будет ли у нас заведено, чтобы кто-то кому-то кланялся...

Из-за тыбейки, позабытой веснушчатый, кровать по соседству с Шуркой так и осталась незанятой.

Суматоха «захвата владений» постепенно утихла, началось молчаливое освоение тумбочек. Шурка обернулся: кто из ребят устроился поблизости?

Двумя койками по ту сторону прохода за владели «белые медвежата» — уже знакомые Шурке братья-сибиряки, Арсений и Никифор. Степановичи — как они сами себя называли. Шурка в автобусе ехал рядом с ними.

Братья не были близнецами. Арсений на год опередил Никифора. Родители их совсем недавно перебрались из деревни в город. Деревенский опыт подсказал отцу и матери житейскую хитрость: придержать «старшенского» лишний год в семье, чтобы следующей осенью братья начали учиться в одном классе; вместе будут уходить в школу, вместе вернуться и пообедают, вдвоем быстрее раскусят трудную задачу, да, глядишь, и учебником одним на двоих обойдутся.

Арсений всегда был за старшего, но притом относился к Никифору с полным уважением. Сориситься, досаждать друг другу, выставлять друг друга на посмешище считалось в их семье верным признаком беспросветной дури.

Со временем выяснилось, что Никифор, освоенный братом от мелких тревог и забот, лучше учится, быстрее схватывает книжную премудрость. И тогда Арсений во всем, что касалось учебы, стал полагаться на младшего брата.

Третьим соседом Шурки — через никем занятую койку — оказался Володя, Вовка, сын здешнего шофера. С ним Шурка познакомился под душем.

Во все время дележа коек и тумбочек в дверях стояла, не двигаясь с места, Лайне Антсовна. Смотрела, улыбалась и хмурилась.

Улыбалась она потому, что ей самой было только девятнадцать, и часто еще хотелось бегать наперегонки и смеяться по пустякам. Работа с детьми ей нравилась, она выбрала, не раздумывая, педагогический институт и всего месяц назад сдала экзамены за первый курс. С первых дней лета она уже была здесь, за полторы тысячи километров от родного дома, и долго-долго не уедет отсюда, до самого конца третьей смены.

Хватало поводов и для того, чтобы хмуриться.

Вот двое ребят затеяли драку из-за самодельного деревянного пистолета.

Разнимал дерущихся неуклюжий мальчик, плотный и рослый, со свекольным румянцем во всю щеку и в очках с такими сильными стеклами, что иногда на его лице блистали сразу четыре темных глаза: два нормальных и два увеличенных.

Парень он был, судя по всему, добродушный. Просто по своему складу терпеть не мог возни и крика. Лайне Антсовна подошла к драчунам — они с опаской отскочили в разные стороны, и обратилась к мальчику в очках:

— Еще не запомнила... как тебя зовут?

— Петр... Павлов... — после некоторого колебания ответил он густым сумрачным голосом.

Ребята вокруг заулыбались — так солидно он себя называл. Лайне Антсовна улыбнулась тоже, ничего больше не сказала, и в ожидающей тишине вдруг раздался за ее спиной сварливый голос Брыкина:

— Ну вот... новый председатель совета отряда родился...

Такая зависть прозвучала в его словах, что все в палате откровенно рассмеялись.

Тут еще поддал жару сосед Брыкина. Он с каким-то суматошным сочувствием стал допрашивать Генку:

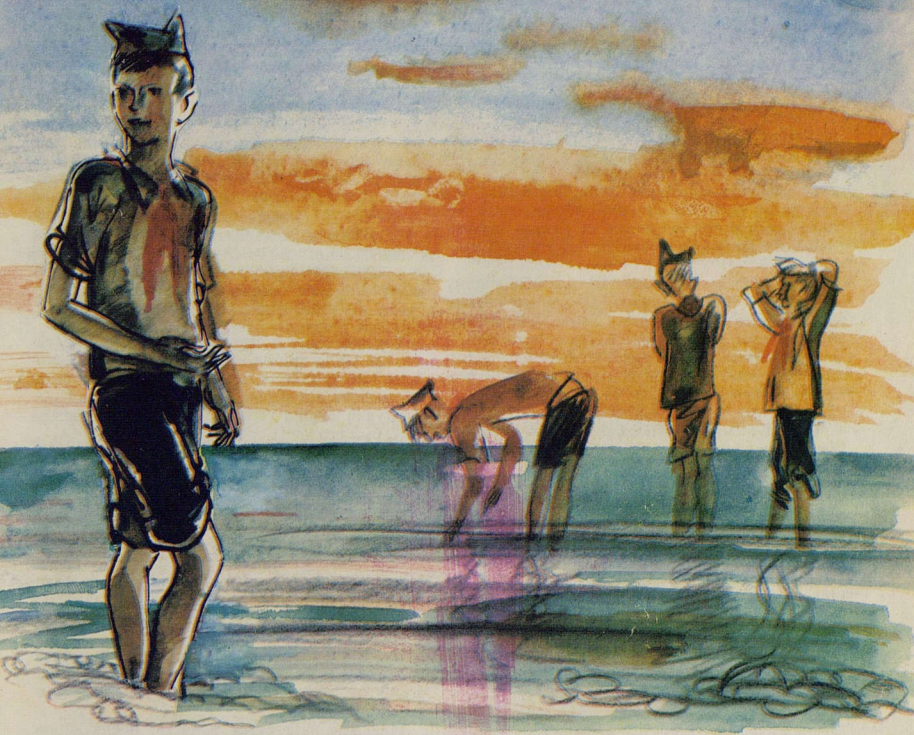
— Слушай, а ты хотел, чтобы тебя, да? Председателем, да? Слушай, только скажи мне по правде, а тебе какая выгода? А?

Не зря старался Генкин сосед, задавая свои вопросы. Вскоре его стали называть Саша-хитрый. А потом Петя Павлов получил прозвание Петропавловский, и ребята из других отрядов были уверены, что Петропавловский — его настоящая фамилия.

За несколько дней отличился чем-нибудь чуть ли не каждый в отряде. А отряд, в котором есть особенные люди — уже не просто скопление народа, по списку, от А до Я, — нет, это уже настоящий отряд — совместное соотношение и совместная зоркость, превосходящие ум и наблюдательность каждого в отдельности. Вот мы идем по этой дороге, — а кто такие вы, идущие нам навстречу? Может, вы просто толпа, и все одинаковые, как шарики из подшипника? А если не так — подавайте сюда скорее ваших чудиков и удалцов, а мы выставим своих, и еще посмотрим — кто кого переудачит и кто кого перехрабрит!

Он все не кончался, этот первый, самый долгий по впечатлениям день. Была еще в предзакатный час короткая торопливая прогулка к морю.

Так случилось в Ключевском ежегодно во все три смены: хотя торжественное знакомство



с морем происходило утром второго дня, все-таки в день прибытия каждый отряд выбегал на минуту к полосе прибоя — пробовали рукой темную воду, смотрели на низкое, огромное солнце — и с тайным разочарованием убежали ужинать.

Чудо совершалось наутро, в десятом часу. На берегу ласкал босые пятки прогретый, ослепительно белый галечник. А волны до горизонта были глубокого сине-зеленого тона; зато ближняя вода, пронизанная танцующими светлыми бликами, казалась прозрачной, как воз-

дух. Можно было сосчитать прожилки на каждом камне, чешуйки на каждой водоросли.

И кто-то уже вступал зачарованно в эту воду, по круто уходящему галечному дну, с намерением поднять рукой вон тот, совсем близкий камешек с оранжевой прожилкой. А глубина над камешком, на самом-то деле, была два с половиной метра, и «зачарованного» еле успевали схватить под мышки и вытащить на мелкое место.

Никто во втором отряде особенно не торопился в палату — но стоило только войти,

включить свет, скинуть одежку — и глубочайший сон навалился на каждого, кто успел прикоснуться к подушке.

Вскоре Шурка Горюнов оказался единственным неспящим человеком в палате.

...Были в городской жизни Шурки кое-какие обстоятельства, которые приучили его засыпать самым последним, когда в комнате, наконец, становится по-настоящему тихо.

Не очень благополучно складывалось все у него дома. После того, как с его помощью устраивались на ночь двухгодовалый Васька и пятилетняя Танюшка, ему приходилось тратить еще много нервов, чтобы их не разбудили, дали им по-человечески выспаться.

И сейчас, хотя Шурка знал, что целый месяц будет свободен от своей ежевечерней работы, хотя устал он ничуть не меньше других ребят — все же не удавалось ему уснуть сразу.

Брат и сестра доверяли Шурке как никому другому. К нему первому бежали со своими открытиями и волнениями. Даже если что-нибудь болело, Шурке докладывали прежде всего, уверенные, что он моментально определит, как тут быть. И какой рев поднимался, когда Шурка убегал поиграть во двор или отправлялся к товарищу готовить уроки!

Сейчас и Танька и Васька были за городом. Так повезло, что дача оказалась в одном поселке с Ясельной, дом от дома — полкилометра.

Шурка уже сегодня послал открытку с точным адресом. Велел сестре немедленно написать, как им там живется.

Буквы Танюшка знала, так что с письмом она должна была справиться, лишь бы только воспитательница написала на конверте адрес.

...И еще одна причина заставляла Шурку тараторить глаза. Сине-фиолетовым светом мерцала дежурная лампочка.

В душе он был страстный путешественник, а вот в жизни почти никуда не ездил.

И только два человека знали о его страсти: старичок школьный библиотекарь, у которого Шурка всегда спрашивал журнал «Вокруг света», и, конечно же, закадычный друг и одноклассник Леша Кузьмин.

С Лешей-то они не сидели сложа руки. С Лешей были разведаны и освоены два прекраснейших далеких маршрута — и притом совершенно доступных. Два трамвайных кольца! И всех-то дел — сесть в вагон на остановке у самого дома и ехать безвылазно тридцать пять или сорок минут. Главное — не упускать тех редких случаев, когда можно вдвоем, не вызывая дома особых подозрений, исчезнуть на два-три часа.

Первый путь лежал к одному из городских парков, а точнее — к его дикой половине. Деревья и кусты росли там группами, как будто собравшись для беседы, поляны переходили одна в другую и выводили к речушке, огивавшей весь этот заповедник. А еще там был маленький пруд с высокими берегами, кусок заброшенной мощеной дороги из никуда в никуда и разрушенный мост посреди одной из полян, когда-то соединявший два одинаковых бугра. От ручья, протекавшего между буграми, давно уже не осталось и следа.

Другой трамвай вызвал приятелей в старую пригородную зону, застроенную почерневшими, в большинстве — двухэтажными деревянными домами. Дом от дома отделяли огородные полосы, уходившие в сторону дикого поля. Само это поле, повышаясь, переходило в холмистую грядку, с которой отлично просматривались ближний край города и самые высокие из его дальних строений. Хорошо было куврыкаться, бегать и загорать на этих холмах.

Разумеется, и в огромном каменном квартале, где жили друзья, и на всем их бесконечно длинном проспекте, шумном и людном, было множество интересных мест и закоулков.

Шурка любил свой проспект, принадлежал ему, был его частью.

Что-то замирало и холодело в нем от восторга в те сумеречные мгновения, когда вот-вот зажгутся фонари, а пока светятся только витрины и неоновые надписи, и в стремительно несущемся потоке все лица, все голоса так загадочны и зовут за собой.

Набегая из мрака троллейбусы — светящиеся серо-сине-стеклянные зверюги, с шипением приседают на все четыре лапы, заглатывают огромную толпу на остановке и мчатся дальше...

Да, Шурка любил свой проспект. Но в душе его накопилась жажда простора, дальних горизонтов, голубого и зеленого раздолья природы.

Надежда набегаться влась, предчувствие надвигающихся открытий томили его еще в поезде. Не слыша дорожных разговоров, как глухой, метался он поперек вагона, от того окна к этому.

Потом, прилипнув к автобусному стеклу, жадно рассматривал медленно поднимающийся в гору однообразный суховатый лесочек. И вдруг вскрикнул: все осталось позади, словно обрушилось в бездну — глубоко внизу белели коробочки санаторных корпусов, кудрявились темно-зеленые комочки деревьев, сверкали между ними разноцветные кусочки земли — крыши легковых автомашин. А еще дальше, еще глубже — так, что сосущая пустота возникала где-то под ложечкой, — синело море.

И на эту новую планету автобус теперь плавно-плавно опускал путешественника Шурку.

Окно вагона, окно автобуса... Вся поездка стала для Шурки окном в другую возможную жизнь. Сегодня целый день он упивался простором. Даже сейчас, в сине-фиолетовом полумраке палаты царил простор — от стены до стены, и в длину, и до потолка.

Шурка поднялся, шагнул к окну, раскачал пальцами задвижку, тугую от масляной краски, и медленно открыл створку. Доносившееся все время в палату неумолчное стрекотанье сразу стало намного громче. Стрекотали, надрываясь до звона — нет, не кузнечики, а какие-то неведомые, неистовые существа.

Тут, однако, маленький легкий музыкант, прямо из темноты природы, прыгнул Шурке на руку, исполнил свою трель и в панике кувырнулся обратно на землю...

Чуть виднелась невысокая ограда, а за нею, в плотной листве, пересыпались золотыми искрами огни далекого курортного поселка. Со вздохами ветра обрывками долетала музыка.

Шурка закрыл окно, опустился на койку и, едва коснувшись головой подушки, заснул так же мгновенно, как полчаса тому назад заснул все остальные ребята.

Однажды утром, незадолго до купания, Шурка увидел ярко-красную легковую машину, промчавшуюся через лагерные ворота.

Толпа ребят бросилась за машиной, с удовольствием вдыхая на бегу едкий зловредный дымок пополам с пылью.

Когда Шурка с ребятами, уже заспорившими насчет марки автомобиля, подбежал к дому с башней, дверца машины открылась. Вышли двое: мужчина — водитель этого диковинного автомобиля, и мальчик, ровесник Шурки.

— Сергей, стой пока тут! — сказал водитель, весело оглядывая собравшихся ребят, и направился в дом, наверное, прямо к начальнику.

Мальчик кивнул головой, кашлянул и остался стоять у дверцы, держась за сверкающую ручку. Не зная, куда смотреть, он стал разглядывать светлые камушки у себя под ногами. Из глубины машины на мальчика сочувственно поглядывали две женщины и девочка лет шести.

Все это Шурка ухватил краем глаза, но главное его внимание было обращено на машину.

С пяти шагов все-таки было ясно, что машина — самодельная. Обтекаемые части кузова по гладкости уступали заводским, а ослепительно-красная, в затененных местах малиновая, поверхность — все же не так зеркально отполирована, как на машине с конвейера.

Но уже с десяти шагов — Шурка специаль-

но отошел, чтобы проверить — с десяти шагов машина-выглядела совершенно как заводская. Отлично были сделаны все хромированные детали, и фары необыкновенной формы, и ветровое стекло, по-особенному выгнутое.

Шурка уважительно спросил:

— Сами делали?

Новичок только кивнул головой.

Отец крикнул ему со второго этажа:

— Сергей! Давай сюда, сразу к врачу зайдем!

При этих словах Шурка испытал известное удовлетворение от того, что и опоздавшим не миновать медосмотра, что им тоже прижимают язык ложечкой и водят под лопатками холодный щекотной трубкой.

В каждой смене существуют общелагерные знаменитости. Шурка с безопасного расстояния показал Сереже одного парня. Запомнить его было нетрудно: длинная, нескладная фигура и реденькая, до самых глаз доходящая челка:

— Это тот самый Гошка Филимонов!

Гошка был жутким задирай из отряда старших пионеров. Они устраивали среди огромных валунов «партизанские засады».

Филимонов хватал младших за шиворот и с хохотом кричал:

— Ребята! Смотрите — кого поймал! У него еще все зубы молочные!

Между прочим, Шурка не догадывался, что и сам уже был знаменитостью.

По традиции, каждую смену, вечером второго дня, в гости к ребятам приходили пограничники. Заранее ничего не объявлялось, но в зеленых густеющих сумерках трубы внезапно трубили общий сбор.

Сначала выступал начальник заставы. Потом шли вопросы. Девчонки все спрашивали насчет овчарок — чем их кормят, играет ли с ними кто-нибудь в свободное время и где живут знаменитые овчарки в старости.

Мальчишек больше интересовала новая техника, и тут они без всякого злого умысла по минутно вторгались в область военной тайны. Начальник заставы с хитрой усмешкой говорил: «Вот подрастете, приходите к нам служить и все узнаете...»

И тут вдруг вылез вперед Шурка со своим ни на что не похожим вопросом:

— А вот я видел... далеко отсюда, у берега... Там в деревьях домик такой незаметный спрятан, зеленый... И, наверное, провода к домику подходят, потому что под крышей две белых штучки — изоляторы...

Начальник заставы, прищурившись, выслушал вопрос и спросил сам, будто размышляя вслух:

— Изоляторы, говоришь? Гм... Не думаю,

чтобы с лагерной территории можно было этот домик увидеть...

Со стороны казалось, что никакой особенной заминки не было, просто Шурка долго набирал воздух для ответа. Вот он слегка нахмурился и вско, не торопясь, вымолвил:

— Я с дерева видел, вон там, за оградой, по-
выше столовой...

Конечно, получалось не очень хорошо — в самом начале смены убежать за ограду да еще залезать там на какие-то деревья. Но вообще-то разрешалось выходить за ограду и футболистам — для тренировок, и духовому оркестру — для репетиций, и юннатам — по их научным надобностям.

— С дерева? — переспросил начальник заставы, еще раз внимательно оглядев Шурку, словно оценивая его возможность. — Ну, что ж... Очень может быть.

И, обедая взглядом снедаемых любопытством мальчишек и девочек, с улыбкой добавил:

— Есть такой домик, это верно. Зеленый, среди листвы. Когда-то, много лет назад, это был важный для нас пост. Ну, теперь совсем другая техника.

Обрадованный, что все обошлось благополучно, Шурка поспешил скрыться в толпе. Проводив его взглядом, начальник заставы сказал ребятам:

— А товарищ ваш — молодец. Увидеть — полдела, надо еще и соображение иметь. Вот он догадался, что к домику идут провода, хотя не мог их разглядеть на таком расстоянии.

Тут Шурку, очутившегося уже в последних рядах, все стали дружески подталкивать. Он обернулся, но не понял, что речь шла о нем, не расслышал.

Так Шурка и прозевал мгновение, когда прославился на весь лагерь...

Ведь на самом-то деле ни на какое дерево Шурка пока еще не залезал. И никаких нарушений совершать не хотел. А просто все само вышло.

На второй день, вскоре после завтрака, он отправился в дом с башней — к дежурной медсестре. У него распухла коленка, ушибленная еще вчера.

Но на втором этаже ему попалась на глаза приставная лесенка в три ступеньки, а над нею — дверь, несомненно ведущая в башню.

Всунутый в петли замок не был зашелкнут.

Моментально забыв про свое колено, Шурка подлетел к двери, беззвучно снял замок и повесил его на торчащий рядом гвоздь. Потом скользнул за дверь и плотно притворил ее за собой.

Два марша по шесть ступенек вывели его в залитую светом восьмигранную комнату с хлипким дощатым настилом.

Ему повезло — да еще как! Взгляд сверху, с башни, открыл и объяснил Шурке все, что было по соседству с лагерьем.

Словно летчик, идущий на посадку, он ясно разглядел кривые деревья за оградой, белесоватые валуны, пути и переходы, полянки и ложбины за кустарником; сообразил, где — скучно, где — интересно, куда и как лучше пройти. Потом перевел взгляд выше — и увидел самое главное. Перед ним открывался вид на верхнюю береговую тропу.

Тропа начиналась здесь, у самой ограды, и уходила вдаль, то поднимаясь над морем, то сбега ближе к нему.

Собственно, никакой нижней береговой тропы и не было. Полумесяцы галечных берегов окаймляли бухточки. Но их отделяли друг от друга врезанные в море скалистые мысы.

И тропа, объединившая берег и открытая теперь Шуркиному взору, была самым близким к морю из всех возможных для пешехода путей.

Зимой по тропе ходили только пограничники, совершающие обход, но летом ее утаптывали и расширяли неумолимые «дикие» туристы.

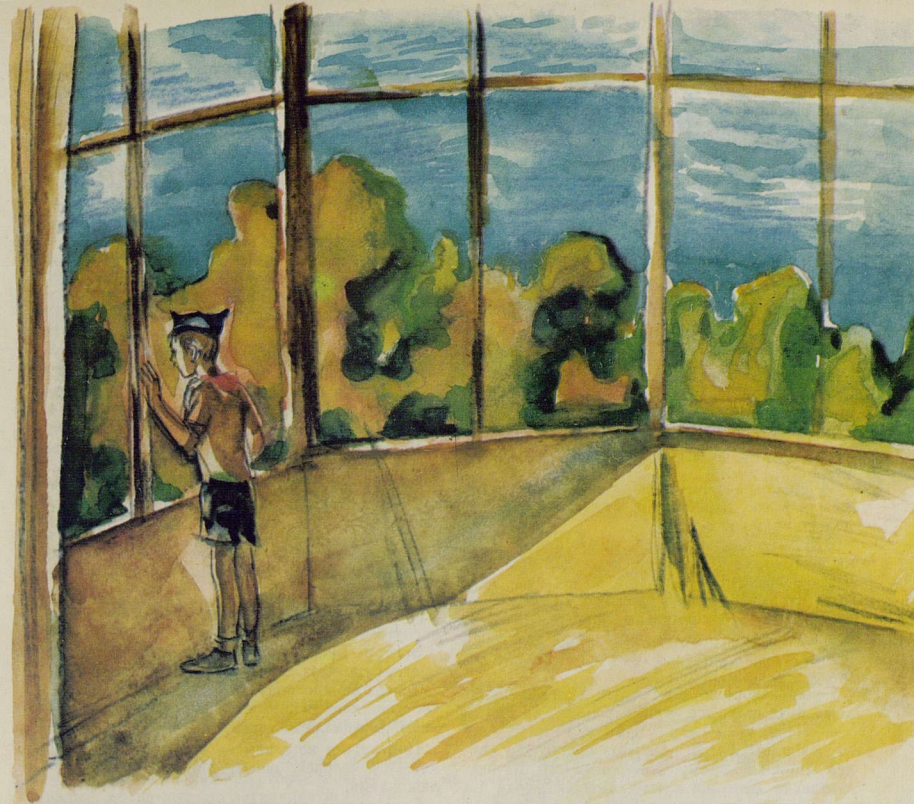
Шурка глядел, глядел... Какая-то мысль вертелась у него в голове, но никак не могла проясниться — и вдруг он понял, что эти самые вытопанные в траве песчаные пятачки, так ясно различаемые отсюда — как раз и обозначают местоположение четырех родников, или четырех ключей, от которых весь здешний берег получил название Ключевского.

Тропа обрывалась перед группой больших и пышных деревьев. И когда Шурка присмотрелся к этим деревьям повнимательнее — среди стволов проступил новый контур, словно в загадочной картинке, — ни дать ни взять избушка на курьих ножках — зеленый, под цвет листвы, дощатый домик на четырех опорных столбах. Зеленый домик с какими-то белыми штучками под крышей. Шурка догадался — это изоляторы для электрических проводов.

Позади домика поднимался обрыв — каменная стена высотой в пятнадцать или двадцать этажей. Граница земли и неба шла ровно, как ножом отрезанная, по верхнему краю стены, пока не обрывалась под прямым углом в море.

Ничего ласкающего глаз не было на этой ровной линии: ни дома, ни деревьев — только одна крохотная черная точка. Чем напряженнее Шурка всматривался в эту точку, тем хуже ее видел. Наконец у него в глазах зареяло, замерцало. Шурка отвел взгляд, моргнул несколько раз — точка снова вынырнула...

И тут он обратил внимание: точка на горизонте приходится как раз над самым домиком! И значит, отыскав ее глазами, Шурка наверняка будет знать, где домик! Ничего, что он скрыт за буграми, кустами, деревьями.



Кажется, какой пустяк — точка. Какая малость! Но для Шурки она приобрела теперь особое, новое значение. Она стала для него тем, что на языке географов и военных называется словом ориентир.

...Сколько времени он пробыл в башне? Пять минут или час? Шурка выскочил на приставные ступеньки, продел замок в петли, как было. Уфф! Кажется, обошлось!

Серēju Девятова определили во второй отряд. Между ним и Шуркой как будто почувствовалось взаимное притяжение.

Генка Брыкин ревниво прислушивался к их разговорам. За ужином нарочно сел рядом с новичком. Вертелся как на иголках. Наконец, по-приятельски толкнув Серēju в бок, выпалил:

— Слушай! А вот как ты думаешь: если взять пчел и все время скармливать им одно какао, будет у них получаться шоколадный мед?

Серēja на секунду округлил глаза, потом оглянулся и подвинулся к Генке. Генка с готовностью подставил ухо.

— А ты попробуй!.. — звенящим шепотом выдохнул Серēja.

Генка побагровел. Мысли его прыгали, как крышка на кипящем чайнике. Ну ладно, ладно... Ты у меня попомнишь... задавала... Ты у меня попомнишь Брыкина!

Он пыхтел и громко скоблил тарелку.

А выходя из столовой, орал и толкался сильнее, чем обычно. Видно было — сам себя разжигает. Он, как будто нечаянно, подставил ножку Пете Павлову, а тот, падая, схватился руками за Шурку, и оба повалились. Шурка

отлично видел, как все было подстроено, но тоже притворился, будто принимает этот случай за нечаянный. Поднялся с земли, не сказал ничего и стал долго отряхиваться, чтобы дать Генке уйти вперед.

Судя по всему, Брыкин «напращивался».

И вот, после отбоя...

Впрочем, сначала никто ни о чем не догадывался. Новенький занял койку, которая до сих пор пустовала — между Вовой Угловым и Шуркой. Сережа открыл чемоданчик, выложил на кровать мыльницу, зубную щетку, две книжки, ласты и маску.

Быстро, чуть подпрыгивая на ходу, деланно размахивая руками, подошел Генка. Лицо его изображало возмущение.

— Ты что, всегда так делаешь? — угрожающе крикнул он. — Пришел на чужое, не спросил и расклевываешься?

— Да ведь я... — хотел было объяснить Сережа.

— Не слышал, что я сюда перехожу? — повышая голос, перебил его Генка. — Тебе отдельно надо говорить?

Это было наглое вранье, ничего никому Генка не говорил о переходе. Но таков был расчет: ошеломить!

— Что, уже руки не действуют? Помочь? — издевательски допрашивал Брыкин, надвигаясь на Сережу. Тот, не понимая, в чем дело, пятился назад, пока не налетел на свою тумбочку.

Генка нехорошо усмехнулся и двумя взмахами руки смел все вещи с кровати на пол.

— Подними! — вдруг приказал кто-то у него за спиной. Генка не спеша обернулся, увидел по-воробыному взерошенного Шурку. Медленно двинулся к нему. Теперь Шурка пятился назад, выманивая Брыкина из прохода между койками на широкую «улицу», покрытую полосатой дорожкой.

Шурка отходил до тех пор, пока Брыкин не ступил на дорожку. Решали доли секунды. Шурка плотным комком метнулся вперед.

Не успев ничего сообразить, Генка грохнулся на пол. Он попытался тут же вскочить, но увидел перед собой еще Арсения, Никифора и Вовку. Сидя на полу и задрав лицо кверху, плаксиво спросил:

— Четверо на одного?

И вдруг с необычайным проворством, словно неизвестное науке ракообразное, переступая руками за спиной и отталкиваясь пятками, отъехал к середине палаты. Там он вскочил на ноги и крикнул:

— Ну, все, Горюнов! Только выйди завтра на улицу! Все, коней! Пиши завещание!

— Вернись, подними! — негромко, но внятно произнес Шурка.

Брыкин захлебнулся, не зная, какое из ругательств пустить в первую очередь.

— Подними, подними! — веско добавили Степановичи, а Вовка кивнул головой. Все они подвинулись в сторону Генки.

И тогда Брыкин вернулся. Шел он теперь без подскоков и не махал руками. Ребята расступились, чтобы не мешать ему. Больше всего не хотелось Генке поднимать треснувшую крышку от мыльницы. И только он взялся за нее, Арсений заметил:

— Ничего, свою отдашь...

Под взглядом всего отряда Брыкин вторично дошел до середины палаты. Остановился и сказал куда-то в потолок:

— Бандиты! Весь угол бандитский подобрался!

Тут он заметил рядом с собой Петю Павлова и грубо добавил:

— Протри очки, председатель! Бандиты людей избивают, а ты не видишь!

Петя улыбнулся и машинально протер очки.

Шурка, нарочно повернувшись спиной, бросил через плечо:

— Слушай, Брыкин! Забыл сказать. Если будешь хвататься за выключатель, когда не просит — без рук останешься. Понял?

Вместо ответа палату огласило невнятное урчание.

В этот вечер Шурка особенно долго не мог заснуть.

Завтра Брыкин полезет мириться, будет предлагать союз. Это — как пить дать.

Теперь можно подумать и обо всем другом. Он вздохнул. Вспомнил: береговая тропа, зеленый домик среди деревьев...

Пodelиться не с кем — кто беда! Если бы нашлся человек, понимающий Шуркины переживания!

Степановичи хорошие мужики, но уж очень серьезные.

Может быть, новенький? Но к нему надо еще присмотреться...

Сюда бы теперь из города Лешу Кузьмина. Эх, Лешка, Лешка, друг верный! Да, Лешке не надо было бы объяснять, что значит неисследованная береговая тропа...

И просто удивительно, что во всем Лешином доме, когда понадобилось, не нашлось одной необходимой вещи: бинокля!

Однако на ловца, говорят, и зверь бежит. Как-то в классе отзывает их в угол Мишка Сигаев. Открывает ранец, а там — большой настоящий бинокль. Только у него соединение испорчено, обе половинки вокруг оси болтаются.

Считая бинокль совсем сломанным, тетка отдала его Сигаеву. А он копил деньги на новый велосипед. И вот твердо объявил Шурке и Леше: пятерку, пять рублей.

Сначала была надежда на Лешиных родителей, но они только замахали руками, узнав, что бинокль сломан.

Счастье повисло на волоске.

Пришлось лихорадочно собирать деньги. Леша без конца выпрашивал на кино и на мороженое. А у Шурки дома часто бывало так: срок копеек на краю стола и записка: «Пообедай сам».

Копейки без остатка шли в общую кассу, но Леша заботливо подкармливал Шурку колбасой, булкой с маслом и пряниками.

И долгожданный день наступил. После уроков два приятеля забрались на чердак соседнего дома. Из чердачного окна, выхватывая друг у друга из рук пупырчатую на ощупь драгоценную тяжесть, они совершали открытие за открытием...

Решено. Завтра же отправить письмо — пусть высылают бинокль.

С этой мыслью Шурка и уснул.

Сочинение письма отняло неожиданно много времени. Когда писал открытку сестре — много не раздумывал. А тут заедали сомнения — то грамматические, то по существу дела.

Шурка вздыхал: вот бы можно было передавать мысли на расстояние, из головы в голову...

«Леша, здорово!» — написал он на самом верху страницы. После долгого размышления появилась вторая строка:

«Леша, тут здорово!»

Шурка прочитал обе строки и рассердился. Не успел начать, а уже не поймешь, где «здорово», а где — «здорово». Крупно, с нажимом он поставил ударения.

Однако, как тут здорово — Шурка выразить не умел. Великолепие мира стояло у него перед глазами, но не желало заталкиваться в письмо. Тогда он вздохнул и прибавил:

«Но я без тебя скучаю».

Это Лешка почувствует! Сам небось тоже скучает. Ладно, пора переходить к делу.

«Леша, пришли мне в посылке наш бинокль. Очень нужно. Тут не пропадет. Я назад привезу и не поцарапаю. Честное слово».

Шурка остановился, задумался. Посылка-то не письмо. Посылки по документам получают. Кажется, паспорт надо?

Шурка пошел искать Лайне Антсовну.

Как два серьезных человека, они обсудили со всех сторон возникшую трудность. Решили, что посылка должна идти на имя Лайне Антсовны. Так надежней. Она получит и отдаст Шурке.

Всегда бы так можно было говорить со старшими!

Генкино поражение оказалось важным событием в жизни второго отряда. Когда наутро, в виде опыта, Брыкин попытался обидеть Вадика, самого тихого и маленького во всем отряде — Вадик сжал кулачки, сощурил глаза и предупредил:

— Что, тебе мало было? Мы еще добавим!

Брыкин вздрогнул от этого неожиданного «мы». Он обожал слово «мы», когда с подчиненной оравой шел «брать за жабры» кого-нибудь. Но вот дело обернулось так, что «за жабры» могут взять его самого.

После целого часа тяжелых раздумий он подошел к Шурке, осторожно хлопнул его по руке и сказал, заглядывая в глаза:

— Слушай, хватит ерунды разводить, давай мириться! Уговор для начала такой: ты пока будешь командир, а я — твой адъютант...

В предложении была дипломатическая тонкость. Брыкин надеялся, что Шурка, по своему великодушию, предложит в ответ должность начальника штаба.

Шурка, однако, недоверчиво оглядел Брыкина и хмуро заметил:

— У адъютанта, знаешь, какая дисциплина должна быть? Во!

Генка скис.

— Да я — что? Разве я не могу? Я тоже могу — во!

Вечером, после отбоя, едва только ребята улеглись, Шурка внятно сказал:

— Гена, выключи, пожалуйста, свет!

Брыкин, без единого слова, выбрался из постели, щелкнул выключателем.

Продолжение следует

СООБЩЕНИЕ ПО ЭКСПЕДИЦИИ „ГИДРОГРАФ“

За постоянные и точные наблюдения погодных условий присвоить звание «Лучший синоптик экспедиции «Гидрограф»:

1. Коле Поповину, командиру отряда «Бриз-5» (АС-132), п/отд. Н. Березовец Костромской области.

2. Серее Соколову, командиру отряда «Альбатрос» (РШ-50), с. Юледур Марийской АССР.

Штаб экспедиции



Стачки, митинги, демонстрации, забастовки — как никогда частыми стали они в России к лету 1902 года. По всей стране возникло множество подпольных социал-демократических организаций. Все говорило об одном: приближалась революция.

В таких условиях социал-демократам надо было объединять свои силы, принимать единый план действий. Для этого Ленин и его соратники решили провести партийный съезд.

Подготовка к съезду была кропотливой и полной опасностей. Только следующим летом, в июле 1903 года, съезд смог собраться.

Нечего было и думать о том, чтобы устраивать его в России: могла разуться полиция и с радостью арестовать всех революционеров разом.

Безопаснее всею было собраться за границей. Например, в столице Бельгии, в Брюсселе.

Янка была назначена на квартиру Кольцова, социал-демократа, эмигрировавшего из России. «Но после того, как к нему пришла штука четыре россия, квартирная хозяйка заявила Кольцовым, что больше она этих хождений не потерпит и если придет еще хоть один человек, пусть они немедленно же съезжают с квартиры. И жена Кольцова стояла целый день на уду, перехватывая делегатов и направляла их в социалистическую гостиницу „Золотой петух“, — писала Надежда Константиновна Крупская.

Для заседаний сняли огромный мучной склад. Ораторам седали подобие трибуны. Окно рядом с трибуной заткнули красной материей.

Тринадцать заседаний проводили делегаты. Подробно обсуждали и приняла программу работы партии на много лет вперед. Но по городу пошли разговоры о русских революционерах, которые собираются на

какие-то тайные совещания. До делегатов добралась бросовская полиция, выслала из столицы некоторых, в их числе известную революционерку Р. Землячку. Тогда все остальные переехали в Лондон.

Делегаты снимали залы в различных рабочих организациях и проводили еще двадцать четыре заседания.

Участники съезда хоть принадлежали к одной партии, но расходились во взглядах на многие вопросы. Одни из них были настоящими революционерами и группировались вокруг Ленина. Другие — оппортунисты, что по-французски — приспособленцы, соглашатели, — боялись решительных действий против царизма, к которым их звали ленинцы. Поэтому заседания проходили в жесточайших спорах. Крупская вспоминала о Ленине: «С самого начала съезда нервы его были напряжены до крайности... В Лондоне же он дошел до точки, совершенно перестал спать, волновался ужасно».

Ленин и его сторонники отстаивали интересы российского и международного пролетариата и смогли их отстоять. Программу, которую они разработали, съезд принял.

Была выполнена главная задача — та задача, которую провозгласил I съезд пять лет назад, в 1898 году: социал-демократы объединялись в партию. Об этой задаче Ленин говорил после II съезда: «Впервые удалось нам... собрать вместе десятки самых различных групп, зачастую отнюдь враждовавших друг с другом... пожертвовав всей и всяческой групповой особенностью и групповой самостоятельностью в пользу великого, впервые на деле создаваемого нами целого: п а р т и и».

ПЕРВЫЙ

А. Бережной, доктор филологических наук

СПОРЫ НА СЪЕЗДЕ

Советуясь с соратниками, Владимир Ильич разрабатывал его несколько лет.

Ленинцы хотели создать сплоченную, боевую, четко организованную, дисциплинированную пролетарскую партию.

Первый параграф Устава Ленин сформулировал так: «Членом партии считается всякий, принимающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций».

Из-за этого «личного участия» и разгорелся серьезный спор.

Кто такой член партии? Что он должен делать — просто записываться и помогать деньгами или еще вести работу?

«Лучше, — говорил Ленин, — чтобы десять работающих

К обсуждению Устава партии съезд приступил на двадцатом заседании. Устав — документ о том, какой должна быть партия.

ПАРАГРАФ

Оформление А. Гетманского

не называли себя членами партии (действительные работники за чинами не гонятся!), чем чтобы один болтающий имел право и возможность быть членом партии».

Делегат съезда Л. Мартов, оппортунист, и его сторонники придерживались противоположного мнения. Личное участие, настаивали они, совсем необязательно.

Когда стали голосовать, за формулировку Мартова оказалось 28 голосов, за формулировку Ленина — 22. Один человек воздержался от голосования. В Устав был записана формулировка Мартова.

Все остальные параграфы партийного Устава приняли точно таким, какими их предложил Ленин.

Часть оппортунистов, разгневанная, даже демонстративно ушла со съезда, и к его концу мартовцы остались в меньшинстве. С тех пор они стали называться меньшевиками, а Ленин и ленинцы, которых поддержало большинство партии, большевиками.

ПЕРВЫЙ ПАРАГРАФ



В ЕЖЕДНЕВНОЙ БОРЬБЕ

Полиции стало известно: у рабочих-подпольщиков Санкт-Петербурга появился новый руководитель. Конспиративная кличка — Старики. За Стариком были тут же пушенные филеры-соглядатаи. Однако он, несмотря на молодость, оказался весьма опытным и раз за разом уходил от слежки.

Однажды за ним шли особо старательные агенты. Они взяли под наблюдение все параллельные улицы, так что оторваться от «хвоста» обычным способом — через проходной двор — оказалось невозможно. Но Старики, учуяв секучку, вбежал в парадную дверь особняка и ушелся в кресло швейцара, загороженного газетой. А по улице растерянно металась потерявшие след филеры.

Конспирация — не увлекательная игра, а тяжелая ежедневная работа, большое искусство. Старики — Владимир Ильич Ульянов в совершенстве владел этим искусством, необходимым для революции.



ВО ИМЯ РЕВОЛЮЦИИ

Когда большевичку Инессе Арманд жандармы уведили в Таврическую тюрьму, у нее дома осталось пятеро детей: три девочки и два мальчика. «Начала ли Варя учиться?», начал ли Андрей? — писала Арманд из тюрьмы. «Или бы так хотелось, чтобы они не забывали французский язык...»

Инесса принадлежала к богатому семейству фабрикантов, владения Фирмы с миллионными барышами. Дети, уют — от всего она отказалась. Стела профессиональной революционерки, помешанной на Ленине. Коммунист не может печась о собственном счастье, если несчастием народ.

ПЕРВЫЙ ПАРАГРАФ



БЕСПРЕКОСЛОВНО

Перед Леонидом Красиным, одним из выдающихся деятелей подпольного ЦК, стоял юноша-студент.

«Вы помните, что должны быть готовы не только к тюрьме и каторге, но и к пыткам, и к смерти?» — «Хорошо. Я обдумал все и готов». — «Хорошо. У вас, кажется, в Тифлисе дядя?» — «Да». — «Поезжайте к нему. В течение недели будете ходить на главную площадь города в полдень. Потом вернетесь и доложите мне об увиденном». — «Это все?» — «Все».

Юноша был безмерно удивлен. Он мысленно готовился к арестам, пулям, а тут — «ехать к дяде».

Он поехал. И ежедневно появлялся на главной площади Тифлиса. И увидел однажды, как вооруженные люди дерзко напали на транспорт с деньгами.

Операцией руководил знаменитый Камо; деньги понадобились большевикам для организации побега пятерых смертников.

Если бы группа революционеров-боевиков погибла, студент стал бы единственным, кто мог доложить ЦК о подробностях случившегося...



НЕ ДУМАЯ О СЕБЕ

— За мной ходят, — сообщил товарищу Иван Кондратьев, руководитель гельсингфорских большевиков. — Видимо, будут брать.

— Так скрывайся немедленно!

— Сперва передам дела. Запомни: первый адрес...

Целый вечер товарищ заучивал адреса явок, складов листовок, литературы, оружия.

— Теперь — шифр: «Пустынной Волги берега чернеют серых юрт ряды железный фингогеша Щебальский».

— Что за чушь?!

— Тут весь русский алфавит: первая цифра — номер слова, вторая — номер буквы в слове. Например, «у» это 12, «о» — или 18, или 22, или 94...

Кондратьева арестовали назавтра. Скрыться он не успел. Но его организация продолжала работать так же четко, как и до его ареста.

ЧЕГО БОЯЛСЯ МАРТОВ

Из чего же состояла в то время работа в партии? Почему так отчаянно Мартов отстаивал свой параграф Устава? Чего боялся?

Царское правительство за революционную деятельность карает яростно, бесчеловечно. Об этом отлично знали собравшиеся на съезде. За плечами делегатов были и тюрьмы, и ссылки. Многие их товарищи по революционной борьбе уже были казнены, погибли в тюремных камерах, на каторге.

Да, личное участие в революционной работе было не просто тяжелым — оно было смертельно опасным.

В начале века революционеры не знали, конечно, в какой год и день будет свергнута власть помещиков и капиталистов. Но они предвидели революцию. Они твердо верили в победу рабочих и крестьян. И эта вера была сильнее смертельной опасности.

КАК УЧИТЬСЯ РЕВОЛЮЦИОНЕРАМ?

Становились революционерами рабочие, интеллигенты, крестьяне. Они горели желанием все силы без остатка отдать делу партии, но опыта, навыков работы у них не было.

Как сделать, чтобы царизм не выкашивал из партийных рядов смелых, преданных, но неопытных товарищей?

Как в столь жестоких условиях учить революционера в Сибири и на Волге, на Кавказе и в Якутии?

Эту задачу с успехом выполнила «Искра», созданная Владимиром Ильичем Лениным.

„ИСКРА“ УЧИТ

Общерусская нелегальная политическая газета «Искра» выходила с 1900 года. Владимир Ильич говорил: «Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но и коллективный организатор». Вокруг газеты может спланироваться и расширяться организация революционеров.

Стоит открыть любой из номеров «Искры» — и со страниц его предстанет вся тяжкая, смертельно опасная, изнурительная и прекрасная в своей цели работа членов партии.

ДЕМОНСТРАЦИЯ

Газета рассказывала: «Как готовиться к внутрисудебной политической демонстрации». Первое — выпустить прокламации не раньше чем за день или два до демонстрации. Второе — «назначить известное место (угол или № дома) для каждого завода или фабрики отдельно, если кучка демонстрантов будет человек в 40, если же менее — то одно место для 2-х заводов».

Почему важно собраться в кучки? Потому, что каждый, придя, увидит товарищей, единомышленников, а от этого станет увереннее.

А почему таких группок должно быть много? Чтобы полиции было трудно справиться.

ШПИОНЫ!

«Искра» предупреждала своих читателей о шпионах и провокаторах, если узнавала о них: «В Санкт-Петербурге по Екатерининскому каналу, д. № 45, кв. 17 проживает (следует фамилия — А. Б.). Его квартира наполнена нелегальной литературой, шрифтом, поддельными паспортами, печатками и пр. Приехал из Минска, где его знали за провокатора». Далее перечислялись приметы.

ССЫЛКИ

Пушкин писал когда-то о царе, сославшем декабристов: «Сто двадцать душ в Сибирь погнал...» А тут уже гнали в Сибирь тысячи... В условиях ссылки молодые неопытные революционеры доходили до крайнего отчая-

ния. А ведь и в ссылке можно работать! Многие ссыльные создавали марксистские кружки среди крестьян и рабочих.

И писал в панике некий фабричный инспектор своему губернатору в Архангельск: «Ссыльные в селе Кереть приобрели там такое значение, что по требованию их владелец завода вынужден был уволить от занятия 6 человек своих старых рабочих единственно только за то, что они не хотели участвовать в забастовке и слушать возмутительные речи ораторов».

РЕВОЛЮЦИОНЕР В ТЮРЬМЕ

А как вести себя революционеру, попавшему в тюрьму?

Владимир Ильич Ленин был превосходным конспиратором. К тому же и по образованию, и по опыту он знал организацию судопроизводства, тюремного дела. Ведь Ленин сдал экзамены за юридический факультет университета и работал адвокатом. Ленин всю систему царского суда знал изнутри. Кроме того, уже ко второму съезду партии Ленин за революционную деятельность сидел в тюрьмах, прошел через ссылку. Среди книг, которые он читал студентом, был, например, двухтомник «Тюремноеведение».

На страницах «Искры» и в специальных брошюрах появляются статьи о том, как держать себя на допросе. Это было очень важно знать революционеру.

„ИСПОВЕДЬ ПРЕДАТЕЛЯ“

В одном из номеров «Искры» читаем заголовки — «Исповедь предателя». «Прилагаемая «Исповедь», — объяснила редакция, — может дать представление о том, какой тактикой жандармы успевают иногда одурачить и довести до предательства малодушных и несознательных революционеров». И ниже «революционер» рассказывал, какие хитрые разговоры вел с ним товарищ прокурора: «Правительство само видит недостатки настоящего строя, но из любви к народу не желает ломать веками утвержденного порядка. Если бы рабочие удалили из своей программы политическую борьбу, то оно нисколько бы не мешало их деятельности. Легальным путем можно добиться гораздо большего, чем подпольной борьбой».

Послушал такие речи малодушный арестованный, посидел в камере, подумал и через несколько дней сообщил, что переменял свои убеждения. Тогда товарищ прокурора захотел узнать фамилии оставшихся на свободе революционеров с очень, казалось бы, гуманной целью: мы, мол, боимся, как бы по незнанию слишком сильно не покарать того, кто мало в подпольной работе участвовал. Это был очень хитрый юрист! Поэтому «Искра» и напечатала «Исповедь предателя» — в назидание неопытным и доверчивым!

ПОБЕГИ

С такой же целью печатала газета и разные сообщения о побегах. Можно подумать — просто заметка о побеге, но так подробно в ней описано, в какие время бежали, да где взяли лестницу, да как охранников оглушили, что ясна цель редакции: учтите, товарищи, запомните, применяйте в своих условиях!

В 1905 году на III съезде РСДРП первый параграф партийного Устава был исправлен — была принята ленинская формулировка.

Семьдесят лет прошло с тех пор, как в Лондоне спорили о первом параграфе партийного Устава. И давно уже ни для кого нет вопроса: что должен делать коммунист. Конечно же, бороться за дело партии всеми силами!

ПЕРВЫЙ ПАРАГРАФ



С ВЕРОЙ В НАРОД

Лето семнадцатого года — третьего года первой мировой войны. Россия хоронит четвертый миллион убитых. Промышленность — в разлуке, деревня — истощена. Не хватает хлеба, а тот, что есть, не успевают подвозить по изношенным железнодорожным линиям. Изнуренные голодом и непосильным трудом, массы готовы снести власть помещиков и капиталистов, обрекающую их на невыносимые страдания.

А кто, если это случится, будет управлять страной?

Со всех концов России съехались делегаты на I съезд Советов. Выразительно, с паросом обрисовав картину разрухи, один из лидеров меньшевиков театрально воскликнул:

— В России нет такой партии, которая бы сказала: дайте в наши руки власть, уйдите, мы займем ваше место.

— Есть, — ответил делегат съезда В. И. Ленин.

Большевики — единственная партия, которая не боялась ответственности перед народом, верила: освобожденный народ со всем справится и все преодолает.

ПОТОМ БЫЛА ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ, ПОБЕДНАЯ. И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА. И БОРЬБА С РАЗРУХОЙ. И ПЕРВЫЕ ПЯТИЛЕТКИ.

СОВЕТСКИЙ НАРОД РАЗГРОМИЛ ФАШИЗМ, СТРОИТ КОМУНИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

И ВСЕГДА, В ГОДЫ ТЯЖКИХ ИСПЫТАНИЙ И В БУДНИЧНОЙ, ПО ВСЕДНЕВНОЙ РАБОТЕ, УМ ЕГО, ЧЕСТЬ И СОВЕСТЬ — КОМУНИСТЫ.



Летом 1943 года 70 процентов всех танковых войск, имевшихся у фашистов на Восточном фронте, было стянуто к Курску. И 70 процентов всех самолетов! С меньшими силами в 1939 году гитлеровцы захватили Польшу, с меньшими силами оккупировали в 1940 году Францию, Голландию и Данию...

В районе Курска фронт изогнулся крутой дугой. Наши войска — Центральный и Воронежский фронты — уже были как бы полуокружены. Враги решили использовать здесь свой излюбленный прием — ударить с севера и с юга, за четыре дня замкнуть кольцо, затем уничтожить окруженных и в дальнейшем двигаться на северо-восток, выходя в глубокий обход Москвы.

Курский выступ так нравился немцам, сулил такой выигрыш, что Гитлер называл его «кинжалом, направленным в сердце России».

Официально же предстоящая операция именовалась «Цитадель».

Почему „Цитадель“

Мы должны отметить точность названия, придуманного гитлеровцами.

Советские войска и на самом деле стояли в «цитадели», в крепости. Правда, у нее не имелось стен, зубцов, башен. Но надежнее камня были траншеи, блиндажи, доты, подготовленные оружейные позиции, вырытые в землю по самую башню танки.

КУРСКАЯ БИТВА

ГЛАВЫ
ИЗ КНИГИ

Центральным фронтом командовал генерал армии К. К. Рокоссовский, Воронежским — генерал армии Н. Ф. Ватутин, Степным — генерал армии И. С. Конев.

Крепость площадью 550 км × 300 км

Половину апреля, весь май и июнь советские войска укрепляли свои позиции. К востоку от Курской дуги, протяженность которой была пятьсот пятьдесят километров, возвели восемь оборонительных рубежей, они простирались на глубину до трехсот километров. Не сдержав врага на первом рубеже, мы могли противостоять ему на втором, на третьем...

Вблизи переднего края работали войска, в тылу — население Курской, Орловской, Воронежской и Харьковской областей. Работу проредали огромную. Если сложить длину всех траншей, окопов, ходов сообщения, вырытых на Курской дуге, получится ров длиной от Москвы до мыса Дежнева на Чукотке — 10 тысяч километров.

Особенно тщательно строилась оборона на танкоопасных направлениях, ведь мы знали, что фашисты надеются протаранить оборону танковыми армадами. Возводились опорные пункты с большим количеством артиллерии. Для орудий и минометов было подготовлено почти пятьдесят тысяч окопов.

Участники Курской битвы в своих воспоминаниях непременно подчеркивают, что такая подготовка придавала нашим войскам твердую уверенность: немцы далеко не пройдут. И когда встал вопрос, нужно ли перед боями вывозить с Курской дуги жителей, то эвакуацию решили не проводить; риск для населения был самый минимальный.

Ячейки и траншеи

Константин Константинович Рокоссовский еще в начальных боях 1941 года обратил внимание на то, что наша пехота почти не ведет ружейного огня по наступающему врагу. Неприятельские атаки в основном отражает артиллерия. Почему так? Константин Константинович решил разобраться.

«Итак, — писал позже Рокоссовский, — добравшись до одной из ячеек, я сменил сидевшего там солдата и остался один.

Сознание, что где-то справа и слева тоже сидят красноармейцы, у меня сохранилось, но я их не видел и не слышал. Командир отделения не видел меня, как и всех своих подчиненных. А бой продолжался. Рвались снаряды и мины, свистели пули и осколки. Иногда сбрасывали бомбы самолеты.



Я — старый солдат, участвовавший во многих боях, и то, сознаюсь откровенно, чувствовал себя в этом гнезде очень плохо. Меня все время не покидало желание выбежать и заглянуть, сидят ли мои товарищи в своих гнездах или уже покинули их... Уж если ощущение тревоги не покидало меня, то каким же оно было у человека, который, может быть, впервые в бою!..»

В битве на Курской дуге применялась система не ячеек, а траншей, и это хорошо сказалось на стойкости нашей обороны.

Перехваченная внезапность

1 июля в ставке Гитлера состоялось совещание генералов, которые командовали операцией «Цитадель». Там было определено время ее начала — 5 июля. Это мы знаем теперь, после войны. Но и тогда, уже 2 июля, сутки спустя после совещания фашистских военачальников, наша агентурная разведка добыла сведения о том, что наступление будет между 3 и 6 июля.

Советские войска были приведены в боевую готовность. Начались усиленные поиски «языков».

Требовалось во что бы то ни стало узнать не только день начала наступления врага, но и час. Дело в том, что наше командование решило провести на обоих фронтах упреждающую артподготовку. Тысячи орудий и минометов должны были обрушить огонь на вражеские позиции в тот момент, когда пехота врага соберется в передней траншее, изготовившись к броску, когда сгрудятся танки на исходных позициях, когда артиллеристы выйдут из укрытий к орудиям.

Враг строжайшим образом охранял свой передний край. Он загордился густыми минными полями, про-

волокля, установил электрическую сигнализацию, пристреляя каждую ложбинку, кочку и открывал губительный огонь при малейших признаках тревоги. Специальным приказом фашистские командиры были предупреждены о предании военно-полевому суду тех, в чьих подразделениях солдаты будут похищены советской разведкой. Гитлеровское командование всегда придавало важное значение внезапности. Внезапно оно намеревалось начать и «Цитадель».

Ни на Воронежском, ни на Центральном фронтах добиться «языков» не удавалось. Случай, прямо сказать, невероятный. Напряжение от ожидания грозного часа достигло высшей точки, оно охватило всех — от командующих до солдат. Но вот, в ночь на 5 июля, тревога сменилась деловым ожиданием: на Воронежском фронте на нашу сторону перешел солдат-словак и рассказал, что наступление начнется утром 5 июля. А на Центральном фронте разведчики 13-й армии старший сержант Андрей Иванов, ефрейторы Федор Семенов и Александр Гузюнин все-таки добились «языков». После короткой ожесточенной схватки с немецкими саперами, которые делали проходы в минном поле, был схвачен ефрейтор Фермель. С большой бережливостью и осторожностью разведчики доставили пленного в штаб армии. На допросе немец назвал время начала — 3 часа утра.

Верить или не верить этому? Немцы были мастерами устраивать всякие ловушки, подбрасывать ложные документы, подставлять фальшивых «доносчиков». Только после изучения подробностей боя разведчиков с саперами (эти подробности трудно было инсценировать) решили, что мы знаем истинный срок.

И тогда в 2 часа 20 минут советская артиллерия открыла огонь по немецкому переднему краю.

Фашисты были застигнуты врасплох. Они не понимали, что происходит. Враг решил, что советские войска сами перешли в наступление. Солдаты были растеряны, командиры потеряли управление войсками.

Через два часа немцы привели в порядок войска и начали артиллерийскую подготовку. Еще через час — в 5 часов 30 минут — вражеская пехота и танки пошли на наши позиции: от Белгорода и от Орла — на Курск. Земля окуталась дымом и гарью. Небо потемнело от самолетов. Великая битва началась.

Сражение в воздухе

Нетрудно было догадаться, как противник начнет операцию «Цитадель» — нанесет удары, чтобы протаранить оборону, танками и авиацией; подобным образом немцы действовали и прежде. Теперь представь, что ты артиллерист или броневойщик. На твою позицию ползут «тигры», «пантеры», по ней бьют тяжелыми снарядами «фердинанды». Нелегко сражаться с бронированными машинами. А тут еще сверху посыпалась бомбы — это прилетели вражеские бомбардировщики. Совсем тяжело стало. Гораздо проще воевать с танками врага, если небо над тобой чистое.

Вот наше командование и решило до начала наземных сражений на Курской дуге выбить вражескую авиацию — чтобы потом было легче наземным войскам. В 1943 году мы уже могли ставить себе целью завоевать господство в воздухе — у нас было много первоклассных самолетов и опытных летчиков.

Всего с апреля по июнь немецкая армия потеряла 3500 боевых самолетов. Вот почему враг смог бросить на поддержку наземных частей в Курской битве только две тысячи самолетов — против трех тысяч наших.

Конечно, две тысячи самолетов тоже огромная сила. 5 июля они начали с воздуха (а танки на земле) взламывать нашу оборону на направлениях главных ударов — там, где на карте основания трех стрел. Север-

нее и южнее Курска разгорелись ожесточенные воздушные схватки.

Немцы вообще кичились своей армией, но своих асов они называли не иначе как «рыцари воздуха». «Рыцарь воздуха» украшал самолет какой-либо картинкой: головой тигра, змеи — что пострашнее; некоторые рисовали карточных тузов: треф, пик, — кстати, «ас» в переводе с французского и значит «туз». Еще в первую мировую войну звание аса давалось летчику, сбившему десять самолетов.

Ас очень опасен в воздухе. Вот что говорит об этой категории воздушных бойцов Александр Сергеевич Яковлев, конструктор знаменитых истребителей «Яков»:

«Асы — это своего рода воздушные снайперы, и отсюда своеобразие их тактики. Они свободны в выборе места и цели. Они не ждут противника, а ищут его, находят и уничтожают...»

Не каждый летчик, хорошо овладевший своей машиной, может быть асом. Для асы характерны спортивный дух, неукротимая жажда боя с воздушным противником. Огонь асы должны быть прицельным, точным, не на авось. Он должен уметь стрелять из любого положения самолета.

Черты асы нельзя приобрести ни в какой летной школе, ни в какой академии, — они приобретаются в бою.

За два года войны, в ее жарких боях, родилось много асов и в нашей авиации. Их самолеты тоже отличались от обычных — красные звездочки на фюзеляжах показывали число сбитых вражеских машин. Немецких асов Яковлев сравнивает с высокими, заносчивыми кинозвездами. А наши асы отличались скромностью, духом товарищества и коллективизма. В Курской битве они задавали тон.

Прямо удивительно, как много знакомых всем нам летчиков участвовало в битве на Курской дуге! Старший лейтенант Алексей Петрович Маресьев, тот самый, о котором написана книга «Повесть о настоящем человеке», после ампутации обеих ступней сражался здесь и сбил трех фашистов. Иван Никитин Кожедуб, ныне трижды Герой Советского Союза, а тогда еще молодой летчик, в первый вылет свой сбил немца, во второй вылет еще одного, в третий — двух. Старший лейтенант Александр Константинович Горовец в одном бою сбил девять «юнкерсов». Такое не удавалось никому — ни до, ни после этого боя.

«Девять самолетов сбить в одном бою! — пишет летчик А. В. Воровейкин. — Простой расчет показывал, что для этого нужно было произвести не менее девяти длинных очередей и столько же раз исключительно точно прицелился. На все потребовалось по крайней мере десять-пятнадцать минут. А противник ведь не на призыв, маневрирует и защищается. Однако факт — упрямая вещь: Горовец сделал то, что теоретически считалось невыполнимым...»

Летчик, ставший в одном бою асом, жил совсем недолго. Его настигли вражеские истребители и, беззащитного — не было ни одного снаряда, ни одного патрона, — сбили. Как же жаждала его пехота, на глазах которой он доблестно сражался и погиб!

Будущий космонавт Георгий Тимофеевич Береговой в дни Курской битвы летал на «Ил». Возвращаясь с четвертой за день штурмовки танков, он был подбит. Самолет загорелся. Пришлось прыгать. Летчики приземлились на нейтральной полосе. Тут же по ним ударили фашистские минометы. В ответ полетели мины с нашей стороны. Наши били все чаще, и в разгар стрельбы, прыгая на ухабах, вливая из стороны в сторону, к Береговому и стрелку Петру Ананьеву помчался «виллис». Старшина-танкист ватил в автомобиль стрелку, у которого обгорели ноги, помог забраться Береговому и донес их к своим.

Вот так воевали наши летчики на Курской дуге.

Сражение на земле

Посмотри еще раз на карту Курской битвы. На севере от Курска, где начинается Ока, где маленьким кружком обозначена станция Поньри, — пунктиром обведена «вмятина». Есть «вмятина» и на юге от Курска, где кружочком обозначена станция Прохоровка. Это территории, на которые удалось вклиниться гитлеровцам за неделю наступления. Как видишь, враг достиг очень малого. А замахнулся за четыре дня окружить оба фронта!

Но малые эти вмятины — на севере глубиной 10-12, на юге 30-35 километров — не должны дать повод думать о боях, проходивших там, тоже как о малых. Бои на клочках земли шли жестокие, кровопролитные. Фашисты на километр фронта бросали до сотни танков и до трех-пяти тысяч пехоты. Только герои при умелых действиях командиров, с хорошим оружием, на подготовленных оборонительных линиях могли сдерживать такой натиск.

Самое грозное и страшное сражение произошло у станции Прохоровки. Оно отмечено в истории войн как великая битва танков и самоходных орудий. С обеих сторон их было около 1500.

Немецкое командование после семи дней наступления начало сознавать, что битва проиграна. Провести нашу оборону с севера у немцев уже не было сил. Наступление с юга, от Белгорода на Обоянь, вдоль шоссе, ведущего к Курску, тоже не дало никаких результатов. Оставался еще один путь — пробиться к Курску через Прохоровку, вдоль железной дороги. (Найди Обоянь и Прохоровку на карте). Этой возможностью и решил воспользоваться генерал-фельдмаршал Манштейн, он командовал немецкой группировкой на юге.

Манштейн по-русски — «человек-камень». А вот Клюге — значит «умный». Генерал-фельдмаршал фон Клюге командовал немецкими войсками на севере Курской дуги. Умный Клюге, понеся огромные потери в людях и танках, перешел к обороне, а его твердокаменный коллега все лез на рожон. (Кстати, рожном на Руси в старину называлось острое копыя: самый его кончик).

Танки фашистов двигались широким всхолмленным полем между рекой Псел и железнодорожной насыпью. Впереди — тяжелые «тигры», за ними, как за щитом, танки других типов, самоходные орудия, бронетранспортеры с пехотой. На направление главного удара гитлеровский фельдмаршал отрядил до 500 танков, самоходных орудий, в том числе 100 «тигров» и «фердинандов»; еще до 200 танков наступали на Прохоровку с юга. Манштейн уже предвкушал победу — быстрое продвижение к Курску, захват (или обход) города, а затем соединение с войсками Клюге.

Можно представить, как оторопели гитлеровцы, когда вместо стрелков, изнуренных в минувшем бою, вдруг увидели перед собой идущую навстречу армада советских танков!

Нашими танками командовал замечательный военачальник Павел Алексеевич Ротмистров, в то время генерал-лейтенант, а ныне главный маршал бронетанков.



Советские саперы проделывают проход в проволочных заграждениях



На новую огневую позицию

вых войск, доктор военных наук и профессор. В его армии было 800 танков и самоходок.

Превосходя немцев в численности машин, мы проигрывали им в другом: наша армия имела всего 35 тяжелых танков и самоходных артиллерийских установок. Из 700 танков и САУ, которые встретились на поле боя с основной массой немецких машин, 200 были легкими. (Сто советских танков отражали удар, наносимый на Прохоровку с юга.)

Итак, утром 12 июля две лавины танков встретились и прошли в боевые порядки друг друга, как входят в промежутки зубья двух гребней. Сравнение с гребнями не дает, однако, представления о той страшной энергии, с которой сшиблись противники. Все вокруг — на многие километры — пришло в вихревое движение. Гусеницы моторов, лязгали гусеницы, били орудия, рвались снаряды и кипели яростью сердца танкистов. Столкновение танков, пожалуй, вернее сравнить со столкновением двух клубков картонки, посланных из огромных орудий навстречу друг другу. Оба клубка слились в один, непомерно огромный, и до самой ночи этот огромный клубок крутился, опалая землю, сжигая самого себя.

Окончание следует



ГДЕ НАЧИНАЕТСЯ МОРЕ

ИЗ ЗАПИСОК ОКЕАНОЛОГА

Евгений Попов

Рисунки В. Куприянова

В РЫБЬЕМ ЦАРСТВЕ

Случилось так, что в Гагры я прибыл значительно раньше других членов экспедиции. Поневоле пришлось вести себя подобно заправскому курортнику: загорать, купаться. Особенно увлекался я нырянием с ружьем, мечтал хотя бы увидеть, если не подстрелить, черноморскую красавицу — кефаль. Да где там! В воде безвылазно торчали тысячи таких же горе-охотников, как и я, и уж, конечно, несчастным рыбкам тут явно не хватало места.

Однажды вечером, возвращаясь с очередной «охоты», я встретил знакомого рыбака Гаеца.

— Послушай, геннавалье, зачем ты каждый день ходишь с моря без рыбы? — спросил он меня.

— Только потому, дорогой Гаец, что в Черном море нынче водятся не рыбы, а отдыхающие русалки.

— Зачем так плохо говорить о нашем море? Пойми, кацо, если в Черном не было бы рыбы, я не был бы рыбаком! — сердито ответил мне мой знакомый. — Хочешь, я подскажу, где водится рыба? Только пусть это будет совсем по секрету. Послушай меня и кати к устью реки Бзыбь. Там пока нет отдыхающих, но зато водится и кефаль, и сама царица-рыба — белорыбца. Только не спеши туда сразу. Дожди пошли, река плыва, иди через пару дней, вода чистой слезой будет. Сына своего, Ваню, подошло к тебе. Он на моторке тебя и доставит. И поможет. Да не забудь, белорыбца гуляет или поздним вечером, или совсем рано утром.

Я поблагодарил его, и мы расстались. Признаться, тогда я не верил в белорыбцу. Ведь за несколько дней мне не удалось поразить не только кефаль, но и ни одного бычка. И все же какая-то сила заставила меня на следующий день усиленно готовиться. Решил идти на охоту в легководолазное аппарате. Тогда еще этого не запрещалось. Проверил его, зарядил аккумулятор подводного фонаря, смазал ружье для подводной охоты и в томительном ожидании бесцельно бродил по городу.

Наконец наступил вечер. Ко мне зашел Ваню, и мы, захватив все необходимое, вскоре погрузились в шлюп-

ку. После традиционного и неоднократного дергания за шнур мотор наконец завелся и заурчал.

Огромный диск оранжевого солнца коснулся моря, и мне казалось, что он вот-вот зашипит, превратится в клубы белого пара. Но солнце погрузилось в море, и ничего не произошло, только небо и берег окрасились сначала в пунцовый, потом в фиолетовый цвет, и, наконец, все стало синим.

На подходе к устью мы увидели границу чистой морской и чуть мутноватой речной воды. Заглушили мотор и встали на якорь. Наступила приятная тишина, только шуршали о борт небольшие волны.

Мы сразу же приступили к подготовке подводного снаряжения. Ваню деловито осматривал ружье. Я вошел с дыхательным аппаратом.

Но вот, кажется, все готово. На прощание я помахал рукой, Ваню улыбнулся и пожелал мне ни пуха ни пера. Я погрозил ему кулаком, мысленно послал к черту и осторожно спустился в воду. Там была ночь, и все было черно. Но что это?

Перед самым носом вспыхнули брызги автогенной сварки и тут же погасли. Это фосфоресцировали путившиеся от меня наутек какие-то мальки...

Судя по давлению на барабанные перепонки, глубина увеличивалась, и, наверное, уже достигала пяти метров. Скоро должно быть и дно. Так и есть, через несколько секунд ноги встали на твердый грунт. Дергаю за фал, сообщаю Ваню о благополучном окончании спуска. Сигналю еще раз, прошу спустить и включить подводный электрофонарь. Ваню быстро выполняет мои просьбы. Фонарь зажегся рядом со мной. Его необычайно яркий луч выхватил из темноты изрядный клочок дна, осветил песчаную ярь, торчащий одиночным зубом камень и пеструю мозаику галечной россыпи.

Камень мне сразу понравился: чуть припудренный сероватым илом, он мог послужить прекрасным укрытием. Недолго думая, я перебрался к нему, встал на колени и поставил ружье на боевой взвод. За это время у фонаря собрался целый хоровод встревоженной рыбьей мелкоты. Они стайками сновали в луче света и, ослепленные, бесполое тыкались в стекло фонаря. В этой толкучке я заметил несколько жирных бычков,

перламутровых ставридок, не обошлось и без нахолившегося от злости колючими плавниками дракончика. Все они метались взад и вперед, как будто не могли вырваться из заколдованного луча. Наконец к фонарю подошла и первая кефаль. Вот она, оказывается, какая. Изящный слиток серебра да и только. Вскоре к ней подплыли еще несколько таких же рыбин. Они быстро отгеснили всю мелкоту на задний план, а сами тыкались в стекло фонаря, как будто хотели проникнуть внутрь «таинственного светила».

Беззаботная рыбашка у фонаря была неожиданно прервана стремительным вторжением какой-то крупной рыбы. Она бесцеремонно схватила на ходу небольшую ставриду и также исчезла во мраке подводной ночи.

Вероятно, это был катран — черноморский разбойник, который действует не хуже акулы, одно слово — акулий родственник. Ослепленные рыбы вряд ли заметили его вторжение, они по-прежнему светились у фонаря. Их становилось все больше и больше. Я торжествовал.

Появился один очень крупный экземпляр. Его-то и выбрал я первой жертвой. Навел ствол ружья, прицелился и только хотел нажать на спусковой рычаг, как увидел надвигающуюся тень огромной рыбы. Она подплыла к фонарю, повернулась боком, и я отчетливо увидел ее белоснежное брюхо. Белорыбца! Я смотрел на нее как зачарованный и был потрясен не только размерами, но и совершенством ее форм. Длинной она казалась никак не меньше моего роста. Серебристая

чешуя в трехкопеечную монету, красивая, аккуратная голова и мощные плавники. Ну и махина!

Сейчас передо мной собралось как бы все черноморское рыбье царство. Я не мог налюбоваться. Поневоле вспомнил тех, кто просиживает часами у своих аквариумов, и мне стало их жаль. Вот бы их сюда.

Тем временем белорыбца подплыла к фонарю, толкнула его оттопыренными губами и уплыла в сторону. Фонарь качался, луч света запрыгал по дну, освещая соседние участки дна. А когда его качание замерло, у стекла вновь засуетились рыбешки. Вернулись и кефали.

«Где же «чудо-юдо», неужели больше не покажется?» — волновался я.

Но она появилась, и не одна. Рядом с ней плыла другая белорыбца, поменьше. Войдя в луч, первая метнулась к фонарю. Меня откачнуло струей воды в сторону. Потом она развернулась, с силой ударила по фонарю хвостом. Он взлетел вверх и судорожно замигал. Белорыбцы кинулись за ним. Удар, еще удар! Легкий звон разбитого стекла, и все погрузилось в крошечную тьму.

И только тут я вспомнил о цели своего пребывания на дне, и, честное слово, мне стало стыдно за то, что я держал в руках ружье. Дал сигнал Ване и всплыл.

Кукан мой был пуст, а мне казалось, что он переполнен... Я улыбался — ведь то, что довелось мне увидеть, было куда ценнее самой удачной охоты. Ване смотрел на меня с нескрываемым сожалением, не понимая, чему я радуюсь.



РАДИ ЖИЗНИ

Уставшие и изрядно проголодавшиеся в дальнем маршруте, Олег и я возвращались в свой маленький лагерь на берегу Баренцева моря. С трудом преодолели последний участок вздыбленных льдин, обогнули срезанный волнами небольшой мысок и... о чудо, на нас неожиданно повесило давно забытым, но чертовски приятным запахом яичницы. И это на краю земли, среди полярных льдов, вдали от населенных пунктов! Не может быть! Не галлюцинация ли? Мы остановились и, как собачонки, поводили носами.

— И чего стоим, удивляемся! Яичницей-то несет из нашего лагеря, Сашка ее зажарил, — услышал я голос Олега.

— Но откуда он взял яйца? Весна только началась, и птицы еще не несутся...

— Значит, несутся, раз пахнет. Не рехнулись же мы с тобой. Давай не будем терять времени, бежим!

И мы, забыв об усталости, припустились к лагерю.

Наконец среди валунов показались две красивые палатки. Мы прибавили ходу и через несколько минут оба в изнеможении свалились у костра.

— Привет первопроходцам! Что с вами? Никак кто-то гнался? От вас пар валит, как из моего камбуза, — шутил Саша, помогая нам снять с плеч полные тяжеленные проб рюкзаки.

— Кончай издеваться и давай яичницу, — взмолился Олег.

— А, вот в чем дело — унюхали. Так это я мигом, — и Саша исчез в хозпалатке.

Вскоре он вышел, как заправский офицант, с полотенцем на руке и сковородкой, наполненной благоухающей яичницей. Мы набросились на глазунью с жадностью голодных волков. А Саша стоял в стороне и скромно улыбался. Когда же с яичницей было покончено и мы приступили к чаепитию, можно было удовлетворить, наконец, и свое любопытство.

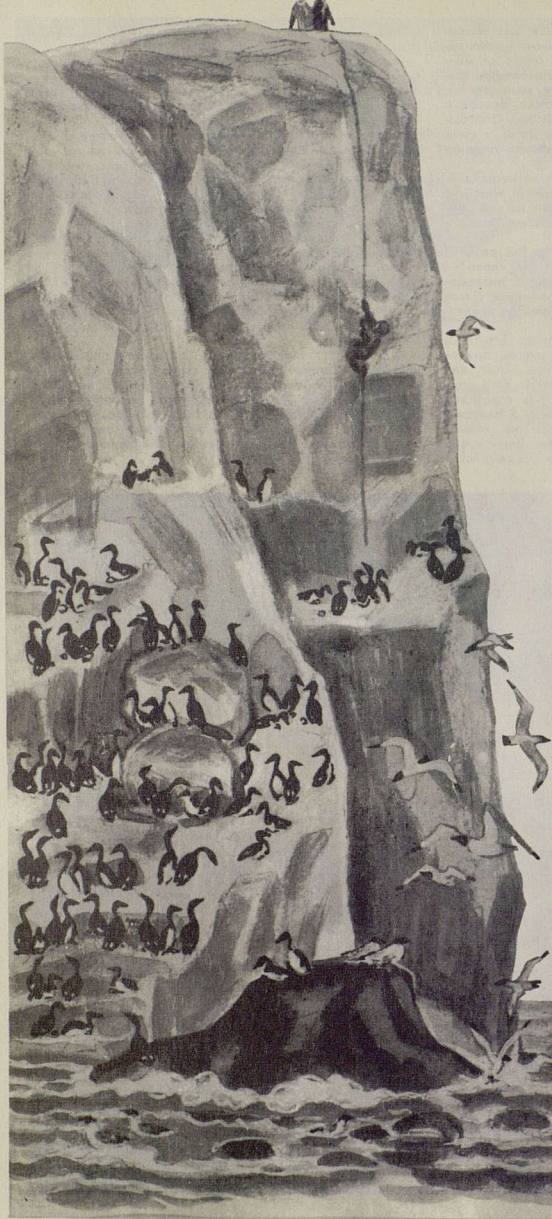
— Откуда достал яйца? Чьи они? — спрашивали мы наперебой.

— На ваши наивные вопросы постараюсь отвечать по порядку: достал я их, конечно, не в гастрономе, а на мысу, на птичьем базаре. Яйца эти принадлежат не курочкам-хохлаткам, а красавицам кайрам, потому что в эту еще студеную пору несутся только они, — Саша сделал паузу, молча показывая свои трофеи.

Яйца лежали в вырытой им ямке. Их там было еще не менее двух десятков. Они гораздо крупнее куриных и с голубовато-зеленоватым оттенком.

Саша взобрался на ближайший валун, истошно закричал:

— Товарищи, ешьте только яйца кайр! Они куда вкусней куриных! Одно яйцо кайры заменяет три ку-



рины или одну банку тушенки, которая давно вам осточертела, или три банки прокисших щей, на которые вы без отращения не можете смотреть!

К ночи неожиданно задул свирепый северный ветер. Небо заволочило стремительно несущимися вихреобразными облаками. Вскоре на нас обрушились снежные заряды, перешедшие в сплошную воющую пургу. Пришлось срочно закреплять палатки, увязывать оборудование и ящики с продуктами. Не забыли мы и засыпать песком яйца, иначе они замерзли бы. А самим пришлось забраться в спальные мешки. Сытный ужин, приятное тепло мешков сразу возымело свое действие, и мы под вой и свист ураганного ветра погрузились в безмятежный сон.

Пурга бушевала всю ночь и весь следующий день. Только к вечеру неожиданно, как и появлялась, она стихла, словно утонула в разбухшем море. Все это время мы почти безвылазно просидели в занесенной снегом палатке, усиленно уничтожая запас яиц.

Утром нас разбудили яркие лучи полярного солнца и неугомонные крики птиц, и мы, как выполнявшие из норы кроты, жмурясь от яркого света, удивленно смотрели на окружающий ландшафт, до неузнаваемости преобразенный пургой.

— Вот это да! Снова зима, — удивился Саша, расклевывая в сугробах экспедиционное оборудование.

Капризы Деда-Мороза длились недолго. Лучи вечернего солнца даже здесь, в царстве холода, рушили, растапливали и превращали в воду его снежные замки. К полудню потекли, весело переговариваясь, ручейки. С береговых скал извергались потоки воды. Весна быстро возвращала свои права.

— Товарищи, если так будет продолжаться и дальше, то к завтрашнему дню скалы на птичьем базаре наверняка очистятся от снега. И мы сможем отправиться на сбор яиц, — заявил Олег.

— Конечно, очистятся, только вряд ли мы соберем там яйца. В такую пургу и мороз кайры не могли оставаться на открытом для ветра мысе. Где-нибудь пряталось, — Саша усомнился в успехе нашего похода.

— Это точно, а попробовать надо. Может быть, нам повезет. По-моему, там должны оставаться хотя бы те кайры, которые до пурги несли яйца. Не могли же они их бросить или перелететь с ними в укромное место, — рассуждал Олег.

Утром мы все же вышли из лагеря и вскоре стали подниматься на мыс по отлогому, густо заросшему полярной березкой склону. Обитатели птичьего базара проснулись раньше нас. Похожие на пингинов своим

черным фраком, кайры степенно сидели на карнизе. Утконообразные чистики, крикливые чайки-моевки беспрерывно пикировали в бухту, с лету выхватывая из воды мелких рыбешек и снова взлетали ввысь. Беспорочные крачки с пронзительным криком стремительно носились над нами. Высоко над мысом степенно парили поморники и бургомистры. Эти пернатные разбойники изредка бросались вниз, нападали на моевок и отнимали у них добычу.

А вот и вершина мыса. Мы перебрались через забитую доверку снегом расщелину и неожиданно очутились на бровке обрыва. Усиженный птицами и потому бесельный, обрыв мыса снизу доверку был утыкан пестрой пернатой братией. Птицы сидели на едва заметных выступках, на расщелинах, нишах и карнизках. «Жипплотсади» явно не хватало, и все они, разбившись на колонии, плотно теснили друг к другу.

Саша нашел оставленную им веревку, проверил крепление и все подготовил к спуску сборщика яиц. Олег закрепил на груди рюкзаки и, как заправский альпинист, надел петлю на ногу, накинул веревку на плечо и начал спуск к карнизу, на котором размещалась колония кайр. Олег упирался широко расставленными ногами в стенку обрыва, потравливал хвостовой конец веревки и небольшими прыжками перемещался вниз.

Увидев в своем хозяйстве человека, птицы забеспокоились, стали взлетать и громко кричать. Встретившись бургомистрам, они не хотели уступать свои владения и не раз атаковали Олега, пытались нанести ему удары здоровенными крыльями. Он отмахивался от них и продолжал спуск. Еще несколько прыжков — и Олег встал на довольно ровную площадку карниза. Сидящая на голой скале кайра не взлетела и продолжала сидеть даже после того, как он подошел к ней.

Олег ткнул птицу ногой, но она не пошевелилась. Она была мертва. Под ней лежало замерзшее в лед и присыпанное снегом яйцо. Значит, птица, не желая бросить яйцо, самоотверженно его обогрела и сама замерзла во время урагана.

Олег осмотрел карниз — всюду на яйцах сидели мертвые кайры. Одна птица, расположившаяся у самой стены, не сидела, как другие, а стояла. У нее яйцо было зажатое между покрытых теплым пухом лап.

Вот она, настоящая забота о потомстве. Материнское самопожертвование ради спасения жизни будущих птенцов...

Олег еще раз посмотрел на мертвые изваяния птиц и, рассстроенный, начал спуск на береговую полосу.

Яичники нам больше не хотелось.

МАРТЫН С КУЛЬТАПКОЙ

Жарища в этот день стояла невероятная. Если бы на берегу не было отполированных до блеска гранитных «бараньих лбов» да обкатанных в шары огромных валунов, можно было бы с уверенностью сказать, что тебя занесло не на берег Финского залива, а каким-то ветром — в батумские субтропики. Редкий для наших широт день. Ни легкого дуновения ветерка, ни всплеска воды, ни шелеста листьев... Природа от духоты словно оцепенела. Неугомонные чайки-мартыны и те умолкли, дремали на белесых камнях, высунувшихся из воды. Иные уткнули головы под крыло и неподвижно покоились прямо на воде.

Я возился с регуляторной самописца-мореографа, на ленту которого фиксируются малейшие изменения уровня воды. Старался не шуметь, не хотелось тревожить окружавшее меня сонное царство.

Вдруг одна из сидящих на воде чаек закричала, забила по воде крыльями, завертелась, тщетно стараясь подняться в воздух. И тишины — как не бывало. Все разом проснулось, над заливом понесся гогот потревоженных мартынов. В сматении носились они вокруг бившейся на воде птицы. Попавший в беду мартын был, видно, не из слабого десятка: распластал по воде крылья и не поддавался невидимому врагу.

«Щучья хватка», — подумал я и опротивело бросился в воду на помощь чайке, но опоздал. Птица взмыла вверх, а на воде осталось медленно расплывавшееся кровавое пятно. Она пролетела надо мной, и я без труда разглядел только одну лапу, вместо другой торчала кровотокающая коротенькая культяпка.

Мартын с трудом дотянул до ближайшего камня и, почти падая, уселся, опустил крылья, вытянул шею, раскрыл клюв и тяжело дышал. Желая как-нибудь помочь бедняге, я поплыл к нему. Тот заметил мое приближение, поднял голову и, стремясь снова подняться в воздух, привстал, но тут же с криком свалился на камень. Тотчас над ним, взволнованно крича, появился другой мартын. Он то снижался над раненой птицей, то снова взлетал ввысь, как будто зовя ее за собой. Калека приподнялся на уцелевшей ноге, тяжело взмахнул крыльями... и полетел. Оба они долетели до берега и сели у края воды. Пострадавший сделал несколько скачков, и его культяпка оказалась в воде. Выходит, что чайки знают, как остановить кровотечение и ослабить боль.

Пока раненый принимал морские ванны, другой мартын беспокойно сновал вокруг него, беспрерывно издавая гортанные крики. Прошло довольно много вре-



мени, прежде чем обе чайки поднялись в воздух и полетели вдоль берега. Дотянули до мыса и скрылись за ним. Опустились на камни и другие чайки. Перестали кричать и, размокшие зноем, вновь погрузились в дремоту.

Закончив свою работу, я зашагал по берегу, поднимаясь на мыс и отсюда сразу же заметил своих чаек: они сидели на небольшой, едва выступавшей из воды песчаной косе.

Мартын с культияпкой спокойно лежал на боку, а его друг сидел рядом. Птицы меня не видели, и я спокойно мог наблюдать за ними. Как только больной мартын начинал шевелиться, здоровый немедленно вскакивал и, взволнованно покрикивая, хлопотливо бегал вокруг него. Успокоившись, вновь приближался к своему другу, садился рядом и водил клювом по его шее и спине. Когда же бедняга затих, перестал дергаться и, уткнув голову под крыло, вероятно, задремал, его страж осторожно отошел в сторону, взлетел и исчез в повисшем над заливом мареве.

Я продолжал наблюдать из своей засады, с волнением поглядывая на небо и, ожидая возвращения чайки. И не напрасно. Мартын появился совсем с другой стороны и стремительно снизился к все еще дремлющей птице. Но что это? В его клюве трепетала еще жи-

вая, только что пойманная рыбешка. Он уронил ее на песок подле больной чайки, а та, встрепенувшись, быстро схватила рыбешку.

Теперь было ясно, что помощь моя вовсе не нужна — с таким другом не пропадешь. Мне оставалось молча удалиться, чтобы не потревожить птиц.

...Месяца через два я вновь попал на то же место на берегу залива. Спустился с обрыва и зашагал по узкой полоске золотистого пляжа. На его нетронутой поверхности я заметил следы, отпечатанные только одной чайечей лапкой. Рядом виднелись неглубокие дырочки, а правее тянулись едва заметные штрихи. Э и следы петляли по всему пляжу, а рядом шел нормальный — двойной — след чайки.

Через несколько дней мне все же довелось увидеть мою неразлучную пару. Мартын с культияпкойковылся по пляжу, опираясь на кончик крыла, как на костыль. Клювом он выискивал в песке что-то съедобное и тут же проглатывал свою добычу. Его верный друг был рядом.

Я подошел поближе. Увидев меня, они сразу же поднялись в воздух и, немного отлетев в сторону, начали с веселым криком носиться один за другим, проделывая в воздухе головокружающие фигуры собственного высшего пилотажа.

СИЛЬНЕЕ СТРАХА

Наташа Пухова, пожалуй, ничем не отличалась от своих сверстников. Ходила в кино, чуть увлекалась танцами, любила спорт и, по мере своих возможностей, не забывала о моде. Успевала она и работать, и учиться на геофаке, на вечернем отделении. Наташа была у нас лаборанткой, обрабатывала экспедиционный материал: пробы грунта, эхogramмы, всякие карты и схемы со всех омывающих нашу родину морей. Анализировала их Наташа, чертила, рассчитывала. А вот самой побывать на море не доводилось: работы много, учеба...

Она просилась у начальства, чтобы ее в какую-нибудь экспедицию направили. Все нет да нет. И вот ей, наконец, повезло. В экспедиции, которой я командовал, необходимо было обрабатывать пробы грунта прямо на месте. Наташа покатила с нами на Черное море.

Устроились мы на длинной песчаной косе. Разбили четыре палатки. Спустили шлюпку на воду, поставили мачту с флюгером, соорудили нехитрую кухню и приступили к той работе, которую обычно океанологи называют исследованием прибрежной зоны.

Народу в экспедиции было мало — всего шесть человек, а план большой. Да народ-то все молодой, в основном зеленые студентки. Вот и пришлось всем с утра раннего до захода солнца бороздить пролив на шлюпке, выполнять промер глубин, собирать пробы

грунта, бродить по дну. В лагере оставляли одну Наташу. Девушке нужно было и обеды варить, и пробы грунта анализировать. Уставали и мы, и она. Но что делать? Надо. И мы работали под беспощадно палящими лучами солнца, на ветру и в дожде.

А тут еще серьезно заболел мой помощник и водолаз Петья Кузин. Воспаление легких. Пришлось срочно отправить его в больницу. Видно, пересидел под водой. Тут уж я совсем заматосился. Под воду ходил один. Других водолазов не было. Возвращаясь в свою палатку, полуживой валился на койку. Наташа уже сама принесла мне ужин.

Как-то поздно вечером лежал я на койке и, силясь уснуть, невольно прислушивался к трескотине ночных цикад. И вдруг уловил легкие всплески воды. Уж не вздумал ли кто ночью купаться? Прислушался. Всплески продолжались — где-то рядом с койкой. Я не выдержал, оделся и вышел из палатки. Луна освещала пролив и косу. Берег пустынен, на воде — тоже ничего.

«Наверно, дельфин балует», — решил я, собираясь уже вернуться в палатку, но тотчас увидел чей-то черный силуэт. Кто-то выходил из воды.

— Кто здесь! — негромко окликнул я. Он остановился и, не отвечая, решительнее зашагал по воде. Я

разглядел легководолазное снаряжение. В лунном свете черный гидрокостюм переливался серебром, плотно облекая ладную фигуру.

Неизвестный подошел ко мне вплотную и поднял с лица маску. Передо мной стояла Наташа.

— Что ты тут делаешь? — спросил я.

— Изучаю водолазное дело.

— Как ты могла сама, без помощи? Кто тебе разрешил ходить под воду? Ты же могла утонуть или заболеть кессонной болезнью, разорвать себе легкие!

— Изучала я все ваши премудрости действительно сама. Начала с теории. Вызубрила всю книжку по водолазному делу. Потом...

— Потом ты немедленно переоденься. В палатке поговорим. Вон как дрожжишь, замерзла, — перебил я.

Ожидая Наташу в палатке, я думал о том, как мне поступить. Вероятно, сначала следует наказать ее за самовольные действия, а потом помочь ей по-настоящему освоить водолазное дело.

Наконец появилась и Наташа. Я молча указал ей на стул. Она осторожно присела на край и, волнуясь, тихо заговорила:

— Так вот, я изучила устройство легководолазного аппарата. Днем, когда все уходило в море. Научилась собирать и разбирать его. На берегу надевала дыхательный аппарат. Много раз включалась в него, отрабатывала дыхание. Ну, а потом перешла к практическому освоению аппарата. Тут уж мне пришлось заниматься только ночью. Чтобы никто не видел. Да и некогда днем. Вначале ползала у самого берега. Потом забиралась все глубже и глубже.

— И тебе одной было не страшно?

устраняет различные неполадки, и убедился, что девушка действительно все безукоризненно выучила.

В обед, когда ребята вернулись с пролива, я рассказал им о водолазных успехах Наташи. Они обступили ее, поздравляли и, конечно, ей завидовали. Она в ответ молча улыбалась.

После обеда, оставив в лагере одного вахтенного, все мы вышли в пролив.

— Водолазу Пуховой приготовиться к спуску, — поддал я команду и сам начал надевать легководолазный аппарат.

— Есть приготовиться, — ответила четко Наташа, прилаживая дыхательный аппарат на груди.

Ребята помогли ей закрепить поясный груз. Она включила аппарат, надела маску и подала сигнал о готовности. Я осматрел ее и дал «добро» на спуск.

Как настоящий водолаз, она опрокинулась спиной за борт, обдала всех каскадом брызг и исчезла в мутноватой воде пролива.

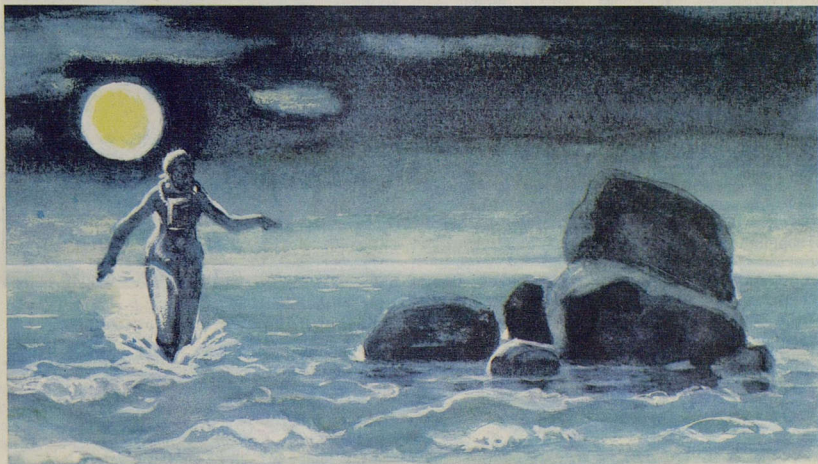
— Ну и Наташа! Обошла нас, парней. Надо же... — сокрушенно промолвил один из студентов, поглядывая на шлейф воздушных пузырьков, вырывающихся со дна.

— Ну, так догоняйте ее! Было бы желание, научиться можно.

— Желание есть! — в один голос закричали ребята.

— Только учите, занятия теперь будут проходить организованно. Первый урок назначаю сегодня вечером.

И я последовал за Наташей в воду, на грунт. Увидев меня, Наташа улыбнулась глазами и продолжала вести запись на специальной фарфоровой пластинке. Потом



— Вначале очень страшно. Даже у самого берега. Все казалось, что вот-вот кто-то схватит. Но тут ни осьминогов нет, ни акул, постепенно привыкла. Евгений Александрович, я могу заменить больного Петра. Ведь вам без него совсем худо?

— И для этого ты изучала водолазное дело?

— Для чего же еще? Вижу, что вы с такой нагрузкой долго не протянете, вот и решила помочь, — смущенно ответила она.

На следующий день я в море не пошел. Остался с Наташей. Проверил ее знания теории водолазного дела. Посмотрел, как она справляется с аппаратом, как

встала и двинулась вперед, а я, как экзаменатор, шагал за ней следом, следил за каждым ее движением, указывал, на что обратить внимание. Так вот прошагали по дну с полсотни метров. Наташа собирала пробы грунта, изредка, подергиванием сигнального фала, сообщала на шлюпку о своем самочувствии.

Понаблюдав за ней еще несколько минут, я одобрительно похлопал ее по шлему и пошел на всплытие: мое присутствие было излишне. Девушка неплохо справлялась одна.

— Ну как там Наташа?.. — спросили ребята.

— Будто водолазом родилась...



К 80-летию со дня рождения Владимира Маяковского

ПОЭТ - ХУДОЖНИК

В 9 часов вечера Маяковский сел в поезд на вокзале в Вера-Крус. Позади — полмесяца изнурительного плавания через Атлантический океан, предпоездная беготня, волнения, хлопоты. Впереди — три месяца странствий по городам Америки, встречи с писателями, художниками, революционерами, рабочими. Этот короткий ночной переезд — маленькая передышка перед большой работой.

Ему сказали, что дорога от порта Вера-Крус до столицы страны — Мехико — самая красивая в мире. И вот он стоит у окна. Ночь наступила сразу. Позднее, в очерке «Мое открытие Америки» Маяковский напишет:

«Проходящая мимо вагона тропическая ночь необыкновенна. В совершенно синей, ультрамариновой ночи черные тела пальм — совсем длинноволосые богемцы-художники. Небо и земля сливаются. И вверх и вниз звезды... Вверх — ...небесные светила, вниз — ползущие и летающие звезды светляков. Когда озаряются станции, видишь глубочайшую грязь, ослов и длинношляпых мексиканцев... Над всем этим сложный, тошноту вызывающий запах, — странная помесь вони газаolina и духа гнили банана и ананаса.

Я встал рано. Вышел на площадку. Было все наоборот. Такой земли я не видел и не думал, что такие земли бывают. На фоне красного восхода, сами окропленные красным, стояли кактусы. Одни кактусы».

Об этой же самой поездке он написал стихотворение «Тропики». Мы лучше знаем иные, публицистические стихи Маяковского, в которых его талант проявился с особой силой, и не всегда замечаем, сколь многое поэт умел увидеть и передать, как истинный художник, в стихотворениях-картинах.

Прочтем эти стихи:

Смотрю:

вот это —

тропики.

Всю жизнь

вдыхаю наново я.

А поезд

прет торопкий

сквозь пальмы,

сквозь банановые.

Их силуэты-

веники

встают рисунком тошненьким:

не то они —

священники,

не то они —

художники.

Аж сам

не веришь факту:

из всей бузы и вара

встает

растенье кактус

трубой от самовара.

А птички в этой печке
красивей всякой меры.

По смыслу —

воробейчики,

а видом

шантеклеры.

Но прежде чем

осмыслил лес,

и брег,

и жар,

и день я —

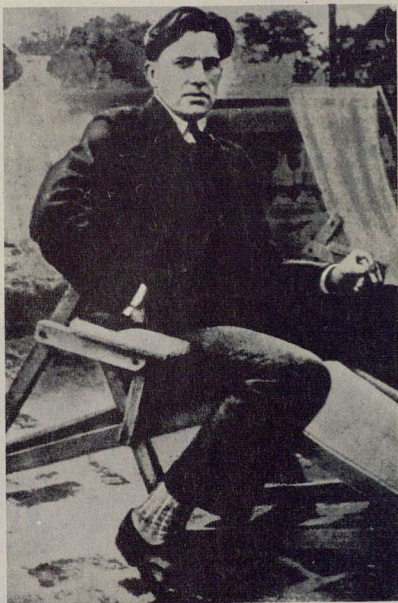
и день,

и лес исчез

без вечера

и без

предупрежденья.



В. В. Маяковский
в советском полпредстве в Мексике. 1925.

Где горизонта борозда?!
Все линии

потеряны.

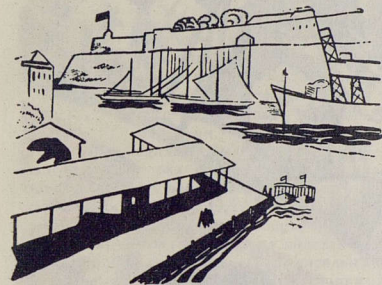
Скажи, которая звезда
и где глаза пантерины?

Не счел бы лучший казначей
звезды тропических ночей,
настолько ночи августа
звездой набиты

нагусто.

Смотрю: ни зги, ни тропки.
Всю жизнь вдыхаю наново я,
а поезд прет сквозь тропики,
сквозь запахи банановые.

Итак, нам представилась редкая возможность — сравнить стихи с реальными впечатлениями поэта.



Сразу бросаются в глаза повторяющиеся и в очерке, и в стихотворении детали и образы: пальмы, похожие на длинноволосых художников, невиданные кактусы (в очерке: «...не думал, что такие земли бывают», в стихотворении: «Аж сам не веришь факту»), яркие звезды.

Но посмотрите: вместо прозаического наблюдения «и вверх и вниз звезды», поэт рисует образную картину мексиканских ночей, которые «звездой набиты нагусто»; вместо обиходного выражения «небо и земля сливаются», он употребляет более яркое и выразительное — «где горизонта борозда?» Кактус в стихотворении — не просто кактус, а «труба от самовара», а



Рисунки
Владимира
Маяковского

жара уподоблена «печке». Эти сравнения помогают не только лучше представить то, что видел и чувствовал поэт, но и понять его внутреннее состояние.

В отличие от очерка, здесь не упоминаются вещи неприятные — грязь, вонь; зато говорится о красивых попугаях, о приятном, судя по смыслу строки, запахе бананов. Поэт не хочет замечать плохого, в эти часы у него хорошее настроение, он шутит, он благодушно поигрывает словами. Вслушайтесь, как шутливо звучит строчка: «А птички в этой печке...» Все стихи «нагусто набиты» игровыми, каламбурными, глубокими рифмами: наново я — банановые, день я — без предупреждения, потеряны — пантерины, августа — нагусто. Строчка же — «а поезд прет сквозь тропики» уже в самом своем звучании как бы содержит напористый ход поезда, слышите?

Эта звуковая насыщенность придает всему стихотворению цветистость, нарядность, приподнятость. Она как нельзя лучше соответствует цветистой и нарядной мексиканской природе. И в то же время как нельзя лучше передает душевную приподнятость самого поэта: ощущение бодрой силы, радости, полноты жизни. Недаром и в начале и в конце его повторяется: «Всю жизнь вдыхаю наново я». Повторяются и строки о мчащем сквозь пальмы, сквозь ночь поезде. Чувство движения, скорости — тоже чувство радостное, вызывающее подъем душевных сил.

Бывает, что неизвестная природа, громады гор и вековые леса подавляют, как бы принижают, человека. Но лирический герой стихотворения Маяковского «Тропики» насколько не теряет себя, а ирония, добродушный юмор говорят о внутреннем превосходстве человека, о силе, размахе, масштабах его личности.

В.А. Бахтин








Багадур

СКАЗКА



Ахмедхан Абу-Бакар

Было это в те дни, когда горцы-бедняки закаляли в амузчинских кузнях кинжалы и шашки, зарядили самодельным порохом кремневые ружья и выступили против тех, у кого были пушки, винтовки и добрые кони.

У горцев-бедняков было слово, которое звучало в тысячу раз сильнее пушки. Слово это объединяло всех вокруг себя и сверкало в горах как молния — СВОБОДА!

Слово это пробудило в горах богатырскую силу. С красными лентами на папах они бросились в бой — отчаянный решительный бой. Во главе их стоял седобородый старик Хабибулла. Горцы называли его комиссаром. Кривая сабля висела у него на боку и маузер в деревянной коробке.

По дороге через ущелье, Ая-Как двигались войска белогвардейского генерала Долгоносова. В его армию входили регулярные казачьи полки, отряды англичан и турок. Войска были разношерстные, как куски хлеба в суме у нищего.

Горцы укрывались за скалами и камнями и поджидали врага. И вот здесь-то, в ущелье, комиссар Хабибулла приметил среди партизан мальчика. Он тоже готовился к бою.

— Я бы на твоём месте, — сказал ему Хабибулла, — волосяной мячик по тропинке катал.

Из книги А. Абу-Бакара «Сказка о долине садов, о дедушке Хабибулле и о театре глиняных кукол», которую выпустил в свет издательство «Детская литература» в 1974 году.

Да, у горских ребят это одно из самых любимых занятий. Чабаны часто перегоняют овец по дорогам, заросшим колючками. Овцы цепляются за колючки боками, оставляют на них шерсть, а ребята собирают ее и скатывают мячи.

Но мальчик из отряда партизан не ответил ни слова комиссару, нахмурился.

— Где твоя мать? — спросил Хабибулла.

— Я сын свободы, — тихо и серьезно ответил маленький партизан.

— А отца своего помнишь?

— Отец мой погиб в бою, и мать тоже. Я долго рос и вырос, наконец, чтобы отомстить.

Таких ответов Хабибулле слышать прежде не приходилось.

— Как звать тебя?

— У меня нет имени.

— Да это Багадур, — сказал кто-то из партизан. — Такое у него прозвище, а имени у него нет. Он хорошо поет. Споёт что-нибудь, Багадур.

— «Велик мой дом — небесный свод...» — начал петь Багадур, но голос его сорвался, он замолчал, долго смотрел на высокие горы и, наконец, снова запел:

Велик мой дом — небесный свод,

Трава — моя постель.

Я рос под говор горных вод

И жаворонка трель.

В бою погиб родной отец,

В бою погибла мать.

Они мне боль своих сердец

Успели передать.

Со мной дружил и снежный барс,

И гордый

Горный тур.

Восходит над горами Марс,

Готовься, Багадур!

Смертельный враг перед тобой,

И к бою он готов.

Пусть грянет бой!

Пусть грянет бой!

Под звон стальных клинков!

Врагу недолго ждать

И жить.

В бою погиб отец.

Я долго рос, чтоб отомстить,

И вырос наконец.

Внимательно слушали горцы песню Багадура, а выслушав, долго молчали и снова разошлись по своим местам. Поджидая врага, они вспоминали слова этой песни.

— Долгоносов может пойти другим путем, — сказал один из партизан комиссару. — Напрасна тогда наша засада.

— Я тоже тревожусь, — сказал Хабибулла. — Не беспокойтесь, — сказала Багадур. — Врар идет по этому ущелью.

— Откуда ты знаешь? — спросил комиссар. — Вон оттуда, — ответила Багадур и показала рукой на высокий орех, который рос у входа в ущелье. — Я забрался на макушку и поглядел на равнину.

— На макушку? — недоверчиво спросил комиссар. На это дерево было очень трудно забраться.

— Не верите? — усмехнулся Багадур. — Вот посмотрите: это орех, единственный орех, который вырос в этом году.

— Это дерево очень старое, — заметил комиссар. — Оно уже десять лет не дает плодов.

— Значит, это последний плод, — сказала мальчик. — Прежде чем погаснуть, свеча ярко вспыхивает. Это дерево скоро погибнет.

Ответы мальчика каждый раз удивляли комиссара.

— Сколько тебе лет?

— Не надо удивляться, комиссар, — ответила Багадур. — Бывает, что и дерево рано цветет. — Бывает, бывает, — подтвердила комиссар. — Но жал, недолго плодосити такое дерево.

Он внимательно посмотрел на мальчика, а потом спросил:

— И много у них людей?

— Очень много. Но войско персидского шаха было в три раза больше, а горцы все-таки победили.

— Чьи это слова? — вспыхнула неожиданно комиссар. — Почему ты говоришь чужими словами?

— Разве это чужие слова? Мой отец так говорил, а теперь так говорит наша земля.

— Прости, друг, — сказала комиссар и обняла своего воина. — Ты прав! Так говорит наша земля!

— У них есть пушки.

— Плохо дело. С пушками нам таятаться трудно. Надо созвать военный совет.

На совет собрались самые мудрые и самые храбрые горцы. Они долго думали, как бороться против пушек, но ничего дельного придумать не могли.

— Послушай, Багадур, — спросил комиссар, — а где находится у них пушки? В голове или в хвосте колонны?

— В хвосте.

— Этот хвост надо бы отрезать.

— Хотите отрезать хвост? — спросил неожиданно Багадур.

— Да, сынок.

— Ореховое дерево растет над обрывом, а обрыв над самой дорогой. Надо подрубить дерево и обрушить его на дорогу как раз перед тем, как пойдут по ней пушки, — отрезать эмный хвост. Пусть погибнет старое ореховое де-

рево геройской смертью. Мы вот из этого ореха, — тут Багадур достал из кармана орех, — я вырашу новое дерево. Молодое и крепкое.

— Ну, что ж, мальчик, — сказал комиссар. — Ты прав. Надо подрубить ореховое дерево так, чтобы оно держалось на волоске, а когда надо будет — мы обрушим его. Пока противник будет возиться, расчищая дорогу — пушки застрелят, и мы нападём на пехоту.

Патризы внимательно выслушали слова комиссара.

— Молодец, Багадур, — переговаривались они. — Светлая голова.

Посовещавшись еще немного, все разошлось по своим местам, а комиссар послал нескольких патризов к старому ореху, потом подозвал Багадур.

Вот тебе пистолет, — сказал он и протянул Багадур пистолет, изготовленный харбускими мастерами. — Не беда, что он однозарядный, но врагам стрелять трудно. Будь осторожен, сынок.

Враг между тем приближался.

На дороге уже клубилась пыль и слышен был стук копыт, лязгание металла.

Вскоре показались передовые отряды белогвардейцев, они спокойно скакали по дороге, не подозревая о засаде. Серебряные погоны офицеров горели под солнцем.

Патризы затанцевали за высокими камнями и все как один смотрели на ореховое дерево, склонившееся над обрывом. Оно было огромное, с широкими корявыми ветвями, ствол его был искривлен, и на нем зияли огромные черные дупла. Только лишь на самой макушке его зеленело несколько веток.

Вот дерево дрогнуло, накренилось и с грохотом, увлекая за собой камни, рухнуло с обрыва на дорогу. Следом понеслась вниз каменная лавина, песок, земля, валуны.

И как только развеялся немного пыль, из-за скал вырвались джигиты и обрушились на головные отряды противника. Дрогнула под ногами земля. Со склонов и обрывов полетели на врага камни и пули.

В первые же минуты белогвардейцы растерялись. Офицеры, которые ехали впереди, были сразу перебиты меткими выстрелами — серебряные погоны сверкали теперь в пыли.

Растерянность белогвардейцев прибавила уверенности патризам, а уверенность в бою — половине побед.

Но вскоре белогвардейцы оправались от неожиданного нападения, их солдаты спрятались за камнями. Началась перестрелка. А запас патронов у патризов был невелик.

— Беречь патроны! — приказал комиссар.

Когда начался бой, Багадур был рядом с комиссаром, а потом вдруг исчез. Несождално Хабибулла увидел, как мальчик, прыгая за камнями, ползет по склону горы. За собой он та-

щил по земле солдатский ранец. Багадур собирал патроны.

Вот он подполз к белогвардейцу, который ничком лежал на земле, и стал отстреливать его патронами. И вдруг тот повернулся, взмахнул книжалом.

Багадур метнулся в сторону. Пистолет он хранил в рукаве бешмета. Он взмахнул рукой, и рукоятка сама опустилась ему в ладонь.

Гриная выстрел — книжал выпал из руки белогвардейца.

Багадур пошел дальше, и пули, как осы, завывали над ним, прижимали его к земле.

— Вернись, Багадур! — кричала Хабибулла.

Но Багадур был далеко и за грохотом выстрелов не услышал голоса командира.

Ловкий и гибкий, он извивался между камнями и скоро набрал столько патронов, что уже еле их тащил. Только тогда он вернулся к своим.

— Молодец, Багадур, — сказали горцы. — Выручил.

Опорожни ранец, Багадур снова пошел на дорогу.

— Назад! — кричала комиссар. — Вернись немедленно. Приказываю!

Но Багадур то ли не услышал приказа, то ли решил сходить в последний раз. Он полз по дороге, собирая патроны, а иногда вдруг вставал на ноги и быстро перебежал от камня к камню. Белогвардейцы заметили его и сообразили, что он делает.

— Подстрелите! — приказал генерал Долгонос.

Захлопали выстрелы, пули с визгом ударились о камни, но мальчик был словно заколдован.

— Подайте мне карабин, — приказал генерал. Он выскочил из-за скалы и прицелился в Багадур, и в тот же момент увидел его комиссар, вскинул свою кремневку.

— Эх, если сейчас не послушаешь ты меня, кремневка, то можешь вообще не служить, — сказал он и нажал курок.

Два выстрела грянули одновременно.

Пуля Хабибуллы насковз пробила белого генерала, он рухнул на скалу — покатились по пыльной дороге папаша с ковардой.

Но и генеральская пуля не пролетела мимо — она ударила Багадур под сердце. Патроны выпали у него из рук, и медленно опустился Багадур на землю.

Увидев это, застонал комиссар от горя.

— Вперед! — крикнул он и поднялся во весь рост.

— Ура! — закричали партизаны и бросились в атаку. Как лавина покатились они с горы, смеяли вражеские ряды.

Комиссар подбежал к Багадур, который неподвижно лежал на земле.

Он был еще жив, когда комиссар поднял его на руки. Если б сейчас появился волшебник с кувшином живой воды!

Горы нахмурили свои брови, слезы потекли из ледников, и у ног комиссара возник родник. В этот момент Багадур закрыла глаза и больше никогда не открывала их.

Когда отремел бой, горцы выкопали у родника могилу и похоронили Багадур. На могилу они положили большой камень и написали на нем:

*«Здесь лежит сын свободы.
Имя его неизвестно,
А прозвище — Багадур»*

Ударила над могилкой прощальный запл. Время приходит и уходит, день идет за днем, год за годом. И вот над могилкой выросло дерево — молодой крепкий орех. Только тогда вспомнил комиссар, что в кармане Багадур был тот единственный орех старого дерева. Вспомнил комиссар слова Багадур:

— Я выращу новое молодое дерево. Да, Багадур сдержал свое слово. А тот, кто держит свое слово, — настоящий мужчина. Слава Багадур!

До сих пор у родника в Долине Садов растет над могилкой Багадур ореховое дерево. Большое и раскидистое, оно украшает долину, и в наших Сиратинских горах говорят, что тот, кто съест орех с этого дерева, станет сильным, крепким человеком с бесстрашным сердцем.

Слава Багадур! Удивительная в роднике вода. Летом она холодна как лед, а зимой тепла. И говорят в наших Сиратинских горах, что вода эта — целебная. Тот, кто попьет из родника, жить будет долго и счастливо.

Слава Багадур! А тот, кто не ел ореха и не пил воды из родника, а просто прошел мимо, покосившись изоглавному камню, — тот всегда будет любить родную землю, как любил ее мальчик, имя которого неизвестно, а известно только прозвище. Слава Багадур!



Перевод с
русского
Я. Ковалев

Рассказы о тракторе „Кировец“



В. Арро

главы
из
книги

Что монет „Кировец“

ДТ-54 пашет четырехкорпусным плугом, а «Кировец» ведет за собой сразу восемь лесовозов.

ДТ оставляет вспаханную полосу в полтора метра шириной, а «Кировец» — около трех метров.

Пошел дождь. ДТ забуксовал. А «Кировец», как и в чем не бывало, работает. Да как работает!

Измельчать почву плутильником — так сразу полосу шириной в двадцать метров.

Сеть легла — так тринадцать гектаров за час. Перевозить груз — так целый поезд из прицепов весом в двадцать одну тонну.

Спасение прииска

Однажды в прииске в чукотском поселке Баранка поступила радиограма:

— Команде горючее! Через несколько дней остановятся автомашины и бульдозеры. Дизельная электростанция перестанет давать ток. Срочно горючего!

Горючее на прииск доставлял из портового города Певека. Певек ответил:

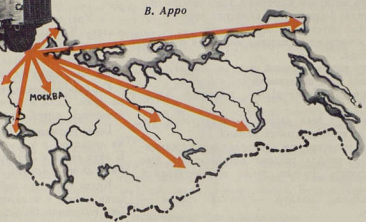
— Трасса в нерабочем состоянии. Большие заносы. Погода не благоприятствует. Продеритесь, сколько монете. Принимаем меры.

Прииск дал новую радиограму:

— Ради б, но долго не продеритесь. Через несколько дней все сгорит голодом. Попробуйте ускорить. Певек ответил:

— Высылаем колонну. Ждите. Колонна «Кировцев», нагруженная цистернами с горючим, ушла в полярную ночь. Ее сопровождали чехи бульдозеры.

В первых же километрах машины поехали в пугру. Фары пробивали снежную бурю только на десять мет-



Где он работает

Если найти на карте те места, где работают — и не только в поле — новые трактора, то можно хорошо изучить географию Советского Союза.

На строительстве сибирских ГЭС «Кировцы» возят тяжелые грузы.

В Белорусии и Крыму осушают заболоченные земли.

В Казахстане прокладывают дороги.

На аэродромах Москвы таскают тяжелые самолеты. Помогают прокладывать газопровод Тюмень — Омск в Западной Сибири, строят атомную станцию в Запелерее.

А на Чукотке... На Чукотке с их помощью добывают золото. На трактор навешивают ком бульдозера, и он поедает на промывку содержимое золотого пески.

ров. По еле уловимым признакам водители нащупывали колею. Стоило сблизиться — и трактор уползал в снежных сугробах так, что колес не видно. Тогда в дело вступали бульдозеры и отпугивали машину.

Прошли сутки. Прииск спрашивал:

— Вышли ли трактора! Певек отвечал:

— Трактора идут.

Прошли сутки. Днев и ночью двигались колонна, каждый метр давался с трудом. Водители спали тут же, в кабинках.

На газовых плитах готовили себе обед.

Прошли третьи сутки. Певек радировал:

— Как там у вас? Еще держитесь! — Держимся, — отвечал прииск. — Экономим каждую каплю.

«Кировцы» одолели трассу на десятые сутки. Рудник был спасен.

Поиск в степи

Летом степь — как паровая, каждая травинка от зноя, от безводья, от сухого отравления готова вспыхнуть огнем. А это страшное дело. Проходила машина, везла круп и

седелки. Что-то случилось у нее в двигателе, замесилась, заглохла, но ничего, дальше пошла. И не заметил шофер, как из выхлопной трубы вылетела искра.

Какая-то былинка задела, от нее другая, и — побегал по травам огонь.

А в степи огонь всегда ветер. А ветер огню, как известно, первый друг и союзник.

И вот стали они вдвоем носиться по степи, жечь народный хлеб. Дым повалил, треск стоил, пепел в воздухе носится, а огонь мчится по степи со скоростью курьерского поезда!

Тут и ринулись наперерез пожару «Кировцы». Развернувшись боевым порядком, возникли восьмикорпусные плуги в землю и пошли пахать!

Осповодили огонь полосу шириной в десять метров. Огонь попытался перескочить — не смог. Думал искрами забросать спасенное поле, — не получилось. Потерял еще много колосов, побегал, тут ему и конец пришел. Много беди натворил, но мог бы и больше.

С тех пор в некоторых совхозах летом назначается дежурный «Кировец-пожарник», с плугом наготове.

„Кировец“ за рубежом

Однажды иду по заводу, смотрою — необычные автобусы стоят перед заводоуправлением. Марка вроде бы была — Львов, а покрашены в белый и красный цвета и на боку по-английски написано: «Слэзгопи».

А я понимаю чужого по-английски и еще больше от этого удивился. Ведь «Слэзгопи» это — классная комната. Странные качества классы. Заглянул внутрь, а там по стенам развешены схемы: схема системы смазки, схема системы питания, схема системы охлаждения, и наверху — знакомый силуэт «Кировца». Мимо проходил рабочий. Он, видно, тоже был озадачен. И спрашивал у шофера: что, иностранцы приехали!

А шофер отвечает: — Какие тут иностранцы. Мы сами теперь иностранцы. Едем Европу учить. «Кировцев» за границу поставляем.

И тогда я представил, как это будет.

Соберутся немецкие или, допустим, венгерские крестьяне, обступят невнятный трактор. Да, собственно, зачем гадать? Вот письмо из Германской Демократической Республики. Пишет на Кировский завод тракторист Эдмунд Боденшук:

«Дорогие советские друзья и товарищи! Первого мая я принимал участие, сядя за рулем К-700, в большой демонстрации в нашем районном центре — Магдебурге. Как и несколько недель тому назад, на полях нашего кооперативного хозяйства, в ведении которого находится два трактора К-700, он вызвал удивление и восхищение. Мне хочется сказать рабочим-кировцам: это трактор высшего класса!»

Такую же оценку «Кировца» получила на международном выставке сельскохозяйственных машин в ГДР. Он выдержал конкуренцию с машинами многих зарубежных фирм и был награжден золотой медалью.

Переключки трактористов

Давайте же проведем переключку трактористов страны. Пусть высказываются.

Говорит тракторист Шерстник из Целиноградской области:

— Тянет, жай зверей! Поставь передо мной машину всех марок, я сдуру только за К-700. Он удобен, в кабине тепло, светло, чисто.

Говорит тракторист Бететкин из Прибайкалья:

— Для нас старается подобрать самую трудную работу — и правильно. Направляю туда, где запущена земля, где почва потяжелее. Бывает, полагается такая горка, что машина на нее еле забираться, а мы

тянем за собой восьмикорпусный плуг. Потихоньку, на первой передаче, но справляемся.

Говорит тракторист Нагорный из Сибиря:

— Где десять лет не пахлось, туда и посылают К-700. Я раньше работал на других машинах, — никак-го сравнить! Я на новом тракторе сутки подряд могу работать!

Говорит тракторист Анатолий Булда из Целиноградского края:

— Отличная машина! Мощная, маневренная, быстрая! Только вот питьевая вода в бачке нагревается — жарко. Нужно о термосе подумать.

Говорит тракторист Давид Ашен-Бернер из Павлодарской области:

— Мы проводим на тракторе весь

день, газеты к нам идут долго. Товарищи конструкторы, подумайте о радиоприемнике!

Еще просьба

В Ставропольском крае мне показали лучшего водителя «Кировца». Он в это время распахивал поле.

— Вот подождите к нему, — посоветовали, — уж кто лучше него машину знает.

Подождал я, пока «Кировец» поравнялся со мной, и махнул трактористу. Он спрыгнул вниз, мы поехали. Покинул. Зовут Владимир Ивановичем.

Я стал ему объяснять, что так, мол, и так, интересно. А он молчал. Я тоже замолчал. Жду. Молчим оба. Вдруг он говорит:

ДРУГАЯ ПРОДУКЦИЯ ЗАВОДА



ТАНКОГРАД

Во время Великой Отечественной войны завод Кировского завода был отправлен в тыл, на Урал. Она стала основой огромного танкостроительного предприятия, названного Танкоградом.

Кировцы выпускали здесь свой тяжелый танк «КВ». Такого напряжения и такого подполья рабочие завода еще не знали. Многие выполняли две, три дневные нормы, потом появились ударники, которые делали десять норм за смену. И, наконец, токарь Борис Тарев сумел выполнить двадцать норм за 6 часов 15 минут.

Это понятие. Работали ведь для фронта, для скорейшего разгрома врага.

Вместе с экипажами танков испытывали только что сделанные машины на танкодроме. Потом грузили их в эшелоны, и командиры один за другим докладывали директору:

— Шелопу, сделанную Кировским заводом, после испытания в полной боевой готовности принял!

Шелопу уходил на запад, и через несколько дней танки шли в бой.

А на заводском дворе уже формировался другой эшелон.

Танки «КВ» были первоклассным оружием, приближавшим нашу победу.

— А чего стоять, поехали.

Вот, думаю, хорошо. Теперь разговоримся. Влез в кабину, сел рядом с ним. И пошли мы переплывать поле. Едем, покачиваемся. А я, между прочим, жду, когда тракторист найдет высказывать свое мнение о машине. Молчал он, молчал, потом, наконец, говорит:

— Вот видишь: сидишь, как царь на троне...

Ну, думаю, дальше, дальше. А он снова замолчал.

— Еще-то что-нибудь скажите, Владимир Иванович!

— Да я же говорю, сидишь, как царь на троне. Только покачивает.

И снова молчит.
Ничего, видно, от него дельного не добьешься. И то хорошо, что на тракторе покатали. Поблагодарил я тракториста и пошел.

Вдруг он меня окликает:

— Пстой, — говорит, — забыл тебе сказать. Сидишь, как царь на троне, только покачивает...

Что это он, смеется надо мной?

А он продолжает:

— Вот я и говорю, на взгорках амплитуда большая, ты скажи там кому следует, пусть амортизаторы сделают.

Что ж, у каждого своя манера давать советы.

ЗА ДВА ИСПЫТАТЕЛЬНЫХ ГОДА В КОНСТРУКЦИЮ ТРАКТОРА БЫЛО ВНЕСЕНО ЗНАЕТЕ СКОЛЬКО! — ДВЕСТИ ШЕСТЬДЕСЯТ ОДНО ИЗМЕНЕНИЕ! А В ТЕХНОЛОГИЮ, ТО ЕСТЬ В СПОСОБ ЕГО ПРОИЗВОДСТВА — ВОСЕМЬСОТ СЕМЬДЕСЯТ ЧЕТЫРЕ.

И еще будут!

Конструкторы собрали результаты всех испытаний — всевозможные цифры, графики, дневники, замечания, предложения — и решили, что у К-700 должно появиться потомство. Да не одно дитя, а целых три!

Первое. К-701 — сельскохозяйственный трактор с двигателем мощностью не 220, а 300 лошадиных сил! Чтобы глубже пахал. Чтобы больше поднимал. Чтобы быстрее бегал.

Второе. К-702 — трактор промышленный. Он будет тягачом и строителем. Если нужно — погрузчиком, если нужно — скрепером или бульдозером.

Третье. К-703 — трактор лесной. Он заберется в тайгу, в лесные чащи и будет вывозить древесину. Сам подтанкет хлысты, сам нагрузит. А если понадобится — и дорогу себе сделает.

Опытные образцы этих машин уже изготовлены и испытаны. Они, каждый в своем деле, незаменимы. Специалисты говорят в один голос: скорее делайте!

Последнее

А «Кировцу» уже заготовлено место в музее. И даже известно кому. Тому, у которого в паспорте и на радиаторе написано «№ 250».

Мне даже немного грустно стало, когда я об этом узнал. Наверное, потому, что считается: раз музей — значит, дело прошлое.

«Кировец» № 250 был изготовлен в день сороклетия выпуска «Фордзона-Путливца» № 1. Вот поэтому ему, наверное, и выпала такая честь — представлять в музее всю свою долбестную братию.

Сейчас, когда я пишу эти строки, он работает на полях целинного совхоза «Адамовский».

А когда готовая книга о «Кировцах» попадет вам в руки, он вернется в Ленинград и займет место на пьедестале в музее Октябрьской революции.

Будете в Ленинграде — придете туда, осмотрите ветерана, потрогайте его обветренные бока, полистаете бортовой журнал. И, наверное, вас еще удивит его богатая статья. Но вот когда в музей придут ваши дети и внуки, «Кировец», скорее всего, вызовет у них уважительное снисхождение.

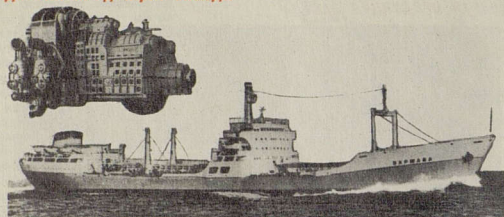
— Какой большой, — скажут они. — Какой странный.

— Какие у него колеса нелепые. — А мощность всего две сотни лошадиных сил.

Потому что настанет время новых машин, которые будут восхвалять человека.

И это, конечно, правильно.

ДРУГАЯ ПРОДУКЦИЯ ЗАВОДА



СЛУЧАЙ В КРАСНОМ МОРЕ

Турбины, выпущенные Кировским заводом, зажгли лампы, пустили станки и машины во многих районах страны: в Карелии и в Средней Азии, в Армении и на Северном Кавказе, в Заполярье и на Урале, в Грузии и на Сахалине.

Турбинными установками Кировского завода оснащены многие суда: атомоход «Ленин», «Юрий Гагарин», «Варшава», «София», «Хирург Вишневский», «Ленинский комсомол»...

Несколько лет назад, когда Суэцкий канал еще действовал, один советский танкер проходил через этот канал. Как новичок, он должен был, по традиции, пропустить весь караван иностранных судов и войти в канал последним. Так он и сделал.

Когда он вышел в Красное море, первых судов уже почти не было видно.

И тогда капитан скомандовал: «Полный вперед!»

И вдруг советский танкер стал обгонять судно за судном. Капитаны ничего не понимали — ведь их корабли тоже шли полным ходом.

Наш танкер, обогнав корабли, вежливо раскланялся со всем караваном — на мачте его взвились флажки: «Счастливого плавания!»

В машинном отделении танкера трудилась новая турбина с маркой Кировского завода.

Оформление А. Орлова

Евгений Николаевич Никифоров работает в Ленинградском речном порту тринадцать лет. Каждое утро он поднимается по лестнице на свой кран в небольшую кабину.

Поворот рычага вправо, поворот рычага влево, на себя, от себя... Несколько одинаковых движений, которые за смену, как подсчитали, крановщик повторяет 10000 раз. К концу смены устают руки, от напряженной позы затекают ноги, немеет спина. В кабине грохот, тряска.

Но вот однажды к Евгению Николаевичу пришли ученые из Ленинградского института водного транспорта. Они показали ему небольшой ящик с маленькими кнопками и миниатюрными рычажками.

— Это пульт управления, — сказали ученые. — С его помощью вы можете командовать краном не из своей кабины, а, скажем, с берега или прямо с судна.

На самом кране ученые установили блоки специального программного устройства, от которого к пулту тянулись тонкие проводки.

Никифоров сначала просто не поверил тому, что услышал. Однако повесил на грудь легонький пульт-ящик и забрался на портал крана — чтобы лучше видеть судно с грузом. Повернул крайний рычажок. Стрела крана двинулась в сторону судна. На высоте ветер раскачивал грейфер — мощные челюсти, которыми захватывают груз, — и сдвигал его в сторону. Евгений Николаевич медленно поворачивал рычажок, направлял грейфер точно на груз.

— Наше устройство — полуавтоматическое, — объяснили ученые. — Часть работы выполняет человек, часть — электронный автомат. Захват груза — непосильная для пульта работа. Ветер все время меняется, поэтому и колебания у грейфера всегда разные. Только человек может точно его нацелить. Ну, а с остальным наше устройство само справится. Пожалуйста, поверните вот этот рычажок.

Никифоров повернул соседний рычажок, и тут включились блоки, установленные на кране. Точно по зашифрованной в них программе стрела крана повернулась, наклонилась над судном, грейфер захватил груз и перенес на склад.

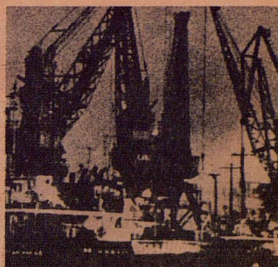
Четыре года советские ученые разрабатывали систему дистанционно-программного управления кранами. Первое испытание прошло успешно. И вот новая задача: нельзя ли управлять одновременно двумя кранами?

Ведь крановщик свободен, пока работает автомат. В это время он может захватить груз вторым краном.

Проверили. Да, один крановщик может управлять двумя кранами. Скоро так и будут работать крановщики во многих портах нашей страны.

Пульта дистанционно-программного управления, какой сделали ленинградцы, нет ни в одной стране мира.

ДВА БОЛЬШИХ КРАНА И МАЛЕНЬКИЙ ПУЛТ



Т. Чесанова

Фото
Е. Сияверса



Рисунки Г. Ясинского

В первом выпуске нашей игры («Костер» № 3, 1973 г.) мы познакомили вас с двумя друзьями, Таиром и Володькой. Живут они в южном городке, где с одной стороны — синие Кавказские горы, а с другой — Каспийское море. Внешне мальчишки очень разные, но характерами схожи, как братья. И если одному придет что-нибудь в голову, другой поддержит обязательно.

Таир услышал, как за столом папа сказал, что в их городе — кристальная честность у населения. И забудь какой-нибудь рассеянный человек прямо на улице сундук с драгоценностями — ничего с этим сундуком не случится.

Конечно, как вы понимаете, эту мысль надо было проверить. Правда, сундука с драгоценностями не нашлось. Зато был новенький чемодан у Володькиной мамы.

Ребята натолкли в чемодан старых газет, сунули для веса гирию и поволокли на людный перекресток, где находится парикмахерская дяди Арчила. Опыт начался.

Только успели мальчишки поставить чемодан, как хлынул ливень. Володька и Таир спрятались под развесистым каштаном. Дождь быстро кончился, они вернулись на перекресток и, к великому ужасу, обнаружили, что чемодан исчез. А напротив, в парикмахерской, дядя Арчил, размахивая бритвой, что-то возбужденно рассказывал своему клиенту.

На этом история обрывалась и читателям предлагалось дописать, что же случилось дальше.

Чего только не напридумывали наши читатели!

Больше всего нам понравилось, что почти никому не пришло в голову обвинить жителей городка в нечестности. С чемоданом происходили разные истории, в каждом письме была своя выдумка. Наиболее удачными нам представляются окончания рассказа «История с чемоданом», присланные Светланой Федяниной и Ларисой Гурьяновой.

Вот что они написали:

Светлана ФЕДЯНИНА

г. Целиноград

...Володьке пришла мысль, что дядя Арчил говорит именно о чемодане. Он ткнул пальцем Таира и указал глазами на дверь парикмахерской.

Ребята подбежали к дому, и вот что они услышали.

— Только что на дороге стоял! — воскликнул дядя Арчил. — Новенький, красивый! Такие вещи на дороге не валяются. На секунду отвернулся — и вот тебе, чемодан исчез! Умопомрачительные вещи происходят в нашем городе!

Дядя Арчил долго еще изумлялся, а Володька и Таир уже уныло плелись по улице.

— Вот мы с тобой никогда чужого не брали, а наше кто-то взял, — негодовал Володька.

— Ну, конечно, — пробурчал Таир, — а что три дня назад двадцать копеек на дороге подобрал и купил мороженое? Не мы ли?

— Но это же не чемодан!.. Моя мама на днях уезжает в командировку. Представляешь, пойдет она чемодан с полки доставать, а его там нет. Будет мне взбучка!

Вдруг Таир двинул его кулаком в бок и зарорал: «Чемодан!» Действительно, по другой стороне улицы шла женщина и держала такой же точно чемодан. Расталкивая прохожих, ребята со всех ног бросились за женщиной. Рассмотрев чемодан получше, Володька остановился.

— Тоже мне — Шерлок Холмс нашелся! Тот же совсем другой!

И друзья снова поплелись по улице. Яркое светило солнца, лужи высохли, деревья тихо шумели.

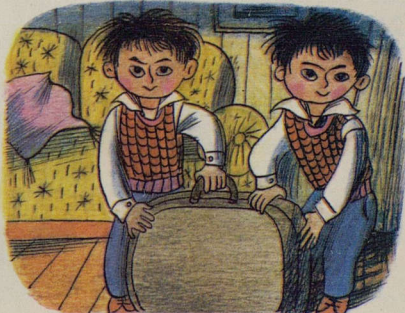
Таир и Володька проходили мимо городской доски объявлений. Таир взглянул на нее, и вдруг его осенило.

Ребята кинулись без весты пропавшем чемодане.

...А чемодан в это время преспокойно стоял в маленькой комнатке, которая принадлежала двум братьям-близнецам. У них были мама, папа и очень добрая бабушка.

Вечером, когда семья была в сборе, малыши-близнецы выволокли чемодан и просто-душно заявили:

— Мы его нашли.



Взрослые оцепенели. Мама трагическим голосом сказала:

— Никогда не думала, что мои дети могут украсть.

Папа, придерживая спадавшие очки, бросился за валерьянкой. Близнецы пытались что-нибудь сказать в свое оправдание. В конце концов они приняли крайние меры, то есть заревели в три ручья. Папа отправил их спать. Когда ребята скрылись за дверью, бабушка сказала:

— А я верю, что чемодан они нашли.

— Я тоже хотел бы верить, — ответил папа и позвал маму.

Втроем они сели писать объявления о найденном чемодане.

...На следующее утро с одного конца города объявления расклеивали братья близнецы, с другого конца — Володька и Таир.

Когда близнецы подошли к городской доске объявлений, появились Таир с Володькой.

Четверо ребят прочитали друг у друга объявления и от радости бросились обниматься.

Весь город читал эти объявления. А папа Володькин очень удивился, увидев свой адрес. Придя домой, он сразу же полез на полку. Чемодан был на месте.

— Что это значит? — спросил он у входивших в дом Таира и Володьки и подал им объявление.

— В нашем городе кристальная честность у населения, — ответил Таир и весело улыбнулся.

Лариса ГУРЬЯНОВА

г. Казань

...Володька дернул приятеля за рукав:

— Давай расскажем дяде Арчилу. Может, что-нибудь посоветует.

Вскоре оба стояли перед стеклянной дверью, над которой крупными буквами было написано: ПАРИКМАХЕРСКАЯ.

Посреди небольшого, залитого светом зала стоял дядя Арчил. Друзья глянули — и обомлели: он держал в руках чемодан. Тот самый. И рассказывал:

— Смотрю — чемодан! И вокруг никого. Ясное дело — ливень... Куда вот теперь его деть? В милицию или в бюро находок? Кто же, интересно, его потерял?

Наступила минутная тишина. Затем какой-то гражданин с намыленными щеками произнес:

— Может, кто из командировочных посеял?

В разговор вмешалась невеста откуда взявшийся и наверняка начитавшийся детективных романов кудлатый мальчишка в очках. Смерил чемодан взглядом и заявил:

— Чемодан потерял шпион!

Тут какой-то парень предложил открыть чемодан.

— Неудобно как-то... — неуверенно возрадил дядя Арчил.

Но после непродолжительного спора чемодан все-таки решили открыть.

То, что все увидели, было совсем неожиданно. Чемодан доверху был набит старыми газетами!

— Это конспирация, — глубокомысленно изрек кудлатый мальчишка. — Под газетами наверняка что-то есть. Все шпионы так делают.

Дядя Арчил покопался в газетах и извлек медную гирию.

— Спортсмен, наверное, потерял, — сказал намыленный гражданин.

— Шпион! — не сдавался кудлатый.



— Спортсмен!

— Шпион!

— Спортсмен!

Дядя Арчил захлопнул решительно крышку и сказал:

— Отнесу в милицию. Там разберутся.

Надо было срочно спасать положение. Володька выступил вперед:

— Это наш чемодан!

— Ваш?! — мохнатые брови дяди Арчила поползли вверх.

Таир поспешил другу на помощь:

— Да, наш.

Взрыв смеха был ему ответом. Таир нахмурился. Ну что тут смешного? Совсем не смешно. Ни чуточки!

Перебивая друг друга, приятели рассказали всю эту историю.

Дядя Арчил крикнул:

— А ну, забирайте свой чемодан и — геть отсюда!

Володька и Таир подхватили чемодан и вышли из парикмахерской. Кудлатый мальчишка ошалело смотрел им вслед.

А впереди задорно подмигивало озорное солнце, и все так же высились над городом четыре разноцветных этажа: зеленый, синий, голубой и белый.

А вот как заканчивает рассказ сам автор писатель ИЛЬЯ ДВОРКИН.

...Володька и Таир одновременно поглядели на парикмахера дядю Арчила.

Внешность его была устрашающей, несмотря на маленький рост и хрупкое телосложение. Усищи—во! Развеваются по ветру! Нос—во! Как клюв горного орла. В руке бритва, как шашка, сверкает. Приезжие люди боялись у него бриться. Но любой мальчишка в городе знал, что более доброго человека, чем дядя Арчил, на свете нет.

Володьку вдруг озарило. Он хлопнул себя рукой по лбу и закричал:

— Таир! А что, если чемодан убрал дядя Арчил? Чтобы не мок под дождем.

Таир, ни слова не говоря, бросился через дорогу. Так и есть! Чемодан спокойно стоял в углу парикмахерской.

— Спасибо, дядя Арчил! — пробормотал счастливый Таир и потащил чемодан к выходу.

Но дядя Арчил стал в дверях, раскинув руки и приподнявшись на цыпочки, будто собираясь танцевать лезгинку.

— А ну, поставь чужой чемодан, пацан! — прокричал он.

Таир с достоинством поглядел на него:

— Это мой чемодан.

— Наш, — подтвердил Володька, — вы не беспокойтесь.

Дядя Арчил схватился за голову.

— Люди! — закричал он. — Кто видел, чтобы у таких сопливых мальчишек был такой роскошный чемодан крокодиловой кожи! Таирка, положи, говорю, чужую вещь!

Таир и Володька пытались объяснить, в чем дело, но дядя Арчил уже не слушал, его занесло.

— О, люди! Люди! — восклицал парикмахер. — Идите сюда! Какой позор! Дети таких приличных родителей хотят присвоить чужой чемодан! Люди, позор, говорю я!

На весь этот шум пришли любопытные старики из кофейни и постовой милиционер.

Дядя Арчил сложил руки на груди и за-

стыл — весь скорбь и отчаяние. Старики грустно качали головами.

— Что это вы здесь театр устраиваете, дядя Арчил? — сердито спросил Таир. — Говорят вам — наш чемодан, значит, наш.

— Все слышали? — обратился дядя Арчил к зрителям.

— Слышали, — печально сказал самый старший седобородый старик. — Горе их родителям! Позор!

— И ты, кацо, слышал? — вкрадчиво спросил дядя Арчил у милиционера.

— Глухой я, по-твоему, да? — ответил милиционер.

— А тогда, если ты не глухой, vedi, куда надо отвести, этих малолетних преступников! — громовым голосом закричал дядя Арчил и попытался закинуть полу парикмахерского халата, как плащ или тогу.

И тут Володька не выдержал и расхохотался.

Все повернулись к нему с недоумением, а у дяди Арчила сделался такой вид, будто его обидели.

— Значит, чужой чемодан? — спросил Володька.

— Чужой! Кто-то забыл на дороге. Такой, понимаешь, рассеянный человек! — убежденно сказал парикмахер.

— Ха, рассеянный! А знаете, что в этом чемодане лежит? — продолжал Володька.

— Этого никто не знает, кацо, никто! — дядя Арчил помахал пальцем. — Кроме хозяина! Но его нет!

Таир положил чемодан на бок, присел рядом.

— Там лежат старые газеты и еще медная гирия, — мрачно сказал он, — глядите!

И шелкнул застежками.

Некоторое время все озадаченно молчали. Потом дядя Арчил присел рядом с Таиром, поворошил газеты, приподнял гирию.

— Ничего не понимаю! — прошептал он. — Может быть, я заболел? Скажите мне вы, безумные дети, зачем вы засунули туда эту дурацкую гирию царских еще времен?



Чем дальше он слушал объяснения Володьки и Таира, тем ярче лицо его заливал кирпичный румянец.

— Так, — сказал он наконец. — Слышали? Это значит, они нашу честность проверяли! В нашем городе! Приманку выставили — чемодан...

Володьке давно уже было не смешно. Таир стоял, опустив голову. Затея их показалась вдруг глупой и обидной для других людей.

Володька хотел что-то объяснить, но дядя Арчил не дал, он сунул ему в руку чемодан и подтолкнул к двери.

— Идите, идите, — сказал он. — Нехорошие люди.

Вот как окончился печальный опыт с чемоданом.

А теперь прочитайте новый рассказ ИЛЬИ ДВОРКИНА и попробуйте сами дописать его конец.

Охота на дикого кабана

Жизнь шла своим чередом, и через два дня Таир и Володька помирились с дядей Арчилом. А затем произошло волнующее событие: дядя Арчил выиграл в лотерею охотничье ружье.

Со своей новенькой двустволкой дядя Арчил не расставался ни днем, ни ночью. Отправляясь на работу, он вешал ружье на плечо, в парикмахерской ставил ружье в угол и время от времени заглядывал в стволы — не запылились ли.

Он уже твердо решил пойти на охоту и застрелить дикого кабана.

Брея, дядя Арчил размахивал бритвой и объяснял всем желающим, как он это сделает. Он пойдет страшному кабану навстречу, твердо посмотрит в дикие его глаза и выстрелит прямо в кабанье сердце!

Таир и Володька потеряли покой. Они целыми днями крутились вокруг парикмахерской и подлизывались к дяде Арчилу.

— Дядя Арчил, а ваше ружье, ваша замечательная двустволка, она центрального боя или не центрального? — начинал Володька умильным голосом.

— Центрального, дорогой, самого центрального, — отвечал дядя Арчил.

— Этого просто не может быть, чтобы центрального! — подхватывал Таир.

Дядя Арчил переставал шлепать бритвой по точильному ремню.

— Как не может быть, а? — грозно спрашивал он. — Значит, я вру? Ты кому это говоришь, дорогой, а?

— Ну, конечно, все может быть, — поспешно соглашался Таир. — Дайте ружье, сейчас посмотрю и точно скажу!



Таир деловито проходил в заветный угол, где стояло ружье, но дядя Арчил преграждал ему путь.

— Таирка! Не трогай оружие! Не смей к нему прикасаться, кому говорю!

Сознание того, что человек собрался охотиться на кабана, а их не берут, было непереносимо! И ребята начали правильную осаду.

После школы Володька и Таир шли к парикмахерской и усаживались на крыльце.

— Ты представляешь, Володька, — начинал громко Таир, — что может случиться с неопытным человеком на охоте! Да если еще зверь такой опасный! Клыки — во! Щетина — во! Жуть, подумать страшно!

— Еще бы! — отвечал Володька замогильным голосом. — Я как вспомню ту историю... волосы дыбом!

— Какую такую историю?! — не выдерживал дядя Арчил. — Что вы еще выдумываете? Что вы от меня хотите, несчастные? Все равно на охоту не возьму!

— Да вы не волнуйтесь, дядя Арчил, — отвечал Володька таким приторным голосом, что самому становилось тошно. — Мы просто так разговариваем. Вспоминаем кое-что. Вы ведь не охотник. Вам не понять...

— Я не охотник, да? — дядя Арчил потрясал ружьем. — А вы, значит, охотники? А где ваши ружья? Мое — вот оно! Да мне и ружья не надо! — распался дядя Арчил. — Что такое кабан? Кабан — это просто свинья, только пока еще дикая! Да я с одной вот этой бритвой против него могу выйти! Да...

— Вы что, его брить собираетесь, дядя Арчил? — невинно спрашивал Таир.

Дядя Арчил останавливался, как конь, налетевший на препятствие.

— Ах так! — зловеще говорил он. — Смеяться?! Вон отсюда, паршивцы! Чтoб ноги вашей не было! Уже хотел вас взять — теперь нет, ни за что!

ЗДЕСЬ МЫ ПРЕРЫВАЕМ НАШУ ИСТОРИЮ. ЧТО ЖЕ СЛУЧИЛОСЬ ДАЛЬШЕ? ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ, РЕБЯТА!

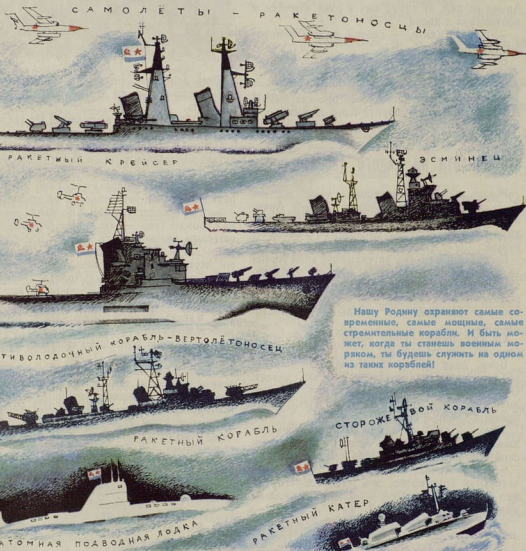


МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией капитана второго ранга С. Сахарова

Оформление Р. Попова

Год издания 17-й



Нашу Родину охраняют самые современные, самые мощные, самые странственные корабли. И быть может, когда ты станешь военным моряком, ты будешь служить на одном из таких кораблей!

ЭСМИНЕЦ В ГОСТЯХ У ПИОНЕРОВ

В день сета юных моряков пионерлагеря «Орленок» мы замесили в море слугу корабля. Это был эсминец. Он подошел и встал на рейде. Вот так сюрприз! Оказалось, что он пришел к нам в гости! Мотоботы доставили нас на борт корабля. В первый раз я увидел совсем близко мощные торпедные аппараты и орудия. Мы побывали в кубриках, боевой рубке, машинном отделении, оружейных башнях. На корабле служат моряки из раз-

ных республик и городов Советского Союза. Нашлись и наши земляки — ленинградцы. А из другой страны были гости из «Орленка». Они рассказали нам о службе и о недавнем походе.

Мы, олята, никогда не забудем своих друзей-моряков!

Саша Антонов, Ленинград



ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

Американские ученые конструируют подводное судно для археологов, которые намерены исследовать морское дно разных морей и океанов в поисках затонувших старинных кораблей. «Альков Сипрубу» — так

будет называться это судно. Его механические руки смогут поднимать грузы весом до двухсот тонн и длиной до двадцати метров. До шести тысяч метров сможет погружаться этот глубоководный аппарат.

БАХТЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Рыбачи из местного Клуба юных моряков Комсомольска-на-Амуре прислали в редакцию «Бахтенный журнал» шлюпочного перехода Комсомольска-на-Амуре — Николаевск-на-Амуре. Мы печатаем его с сокращениями.

11 июля 1972 г.

Идем вниз по Амуре. Места красивые. Много дубки, черемухи, лопухи и цветов — жемчужки и красные саранки. Два раза устраивали гонки на дистанцию десять кабельтовых. Выиграла шлюпка № 1 — 1 кг конфет... Показалось село Шелехово, названное в честь Г. И. Шелехова, основателя Форта-Росса (близко от современного Сан-Франциско). Вскоре недалеко от громадных гор увидели строящиеся города Лунный и Ягодный, на правом берегу, на высоком и красивом месте. Это новостройки с прекрасными дворцами и

высотными зданиями — среди дремучей тайги... Амур дальше очень стеснен горами и глубок. Жители нам сказали, что в штырь Черный мыс бывает страшно. У всех ребят было возмужденное состояние. На Черный мыс миновали благополучно.

15 июля.

Причалили в Циммермановке. Нас толпой провожали мальчишки, а мы



шли строем в военно-морской форме. Циммермановка — старинное поселение. На берегу Амура стоит памятник погибшим партизанам.

16 июля.

Возле Быстринска Амур очень широк. Сильные водовороты. Ветер за-

дул крепко. Мечты срублили, идем на веслах. Надели спасательные пояса. Перекат прошли благополучно. Увидели село Калинское. Живет здесь



народ уличь. Встретили нас очень хорошо. Мы помылись в деревенской бане. Вечером в местном клубе поставили небольшой концерт для жителей. Потом мы угощали копченой рыбой.

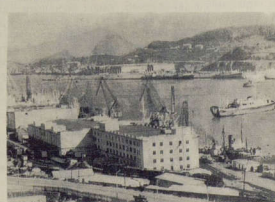
17 июля.

На ночлег остановились в зимовье охотников. Людей — никого. Оставленные продукты словно ждут пуги. На морях расстелены шкуры медведей. Мы ничего не тронули. Только переночевали.

Окончание следует

НАША ПОЧТА

«Я живу в порту Находка. К нам приходят корабли из многих стран мира. Однажды я насчитал больше тридцати иностранных флагов. В нашем городе есть судоремонтный завод, на котором моя мама работает уже двадцать лет. Даже названия кинотеатров



у нас «морские»: «Альбатрос», «Воля», «Прибой», «Буревестник». Посылаю вам фотографию нашего города-порта.

Игорь Потапов, Находка.

С ВЫСТАВКИ ПИНГВИНА



«МОЙ БРАТ МОРЯК»

Рисунку Фазиля Латифуллина, 11 лет, Татарская АССР, с. Елахово

ЗОРКИЙ ДЕД

Магомед-Загид Аминов

Дедушке, наверно, двести лет,
Но очки носить не хочет дед,
Говорит: «К чему носить стекло?
Мне, друзья, с глазами повезло:
Вижу, как из-под ноги моей
Поволок личинку муравей...»



Без бинокля дед мой на заре
Разглядит теленка на горе.
Вроде задремал, а все равно
Видит он, как я бегу в кино,
Даже через стены видит он,
Как меня за партой клонит в сон.

Усмехаясь, повторяет дед:
— Я недаром прожил столько лет:
Говоришь, дружок, или молчишь —
Правды от меня не утаишь,
Уши есть и у стены, дружок,
И глаза имеет потолок...

Дедушка мой смотрит из-за гор,
И в Москве он видит каждый двор.
Если на закат посмотрит дед,
Скажет он, какой придет рассвет...

Если уж такой хороший дед,
Пусть живет на свете триста лет!

Перевела с лакского
Елена Аксельрод

ХИТРЫЙ ДЕД

Борис Кагермазов

Как-то Масхуд торопился из школы
Очень взволнованный, очень веселый.
Деду он крикнул, примчавшись домой:
«Дедушка, знаешь, я сильный какой!
На физкультуре в решающей схватке
Я пятерых положил на лопатки.
Ну а потом еще
Раза четыре
Выжал на грудь тяжеленную гирию.
Вот подрасту — и таким силачом
Стану,
Что будет мне все нипочем!»

Дед головой покачал, промолчал;
В поле наутро Масхуда он взял.
«Сено копнуть мы возьмемся с тобою,
Нам для двоих это дело простое».
Смотрит старик, улыбаясь на внука:
«Силу свою покажи мне, а ну-ка!»
Взялся усердно за дело Масхуд —
Честно трудился пятнадцать минут.
Только сложил он копну кое-как,
Начал другую — и тут же обмяк.
Ноги не держат, и нет уже силы,
Стали как будто свинцовыми вилы.
Смотрит на деда Масхуд —
Ну а тот

Ровные копны рядами кладет.

Снова за вилы берется Масхуд,
Думает:
«Ох и нелегкий же труд!»
Думает дед, хоть и жаль ему внука:
«Впредь хвастуну это будет наука!»

Перевел с кабардинского
Сергей Вольский



Рисунки Н. Муратова



Далеко-далеко в темном лесу жила-была Маша, по прозвищу Мураша. Вот однажды муравьи и говорят ей:

— Машенька, Мурашенька, мы на работу пойдем, а ты здесь подомовничай, подмети, по воду сходи, печь истопи.

Сказали и пошли.

А Маша надулась, к стене повернулась и ну приговаривать:

— «Подмети» — стану я! «По воду сходи» — как же! «Печь истопи» — вот еще! Возьму-ка я ореховый посошок, пойду гулять на зеленый лужок.

Гуляла-гуляла и дорогу домой потеряла. Заблудилась. Бродила-ходила, а солнце тоже не стояло на месте, оно ушло за реку. Заря побледнела, земля потемнела. Остыла трава, выпала роса. Холодно стало Маше, страшно Мураше. Сунулась она туда, кинулась сюда и увидела мышиную норку. Заглянула, а там светло, там тепло. На столе вместо лампы — светильчок, в печи гнилушка зеленым огоньком светится. На печи чайник поет-шумит, под лавкой мышата спят, на лавке зеркальце блестит. А перед зеркалом сама хозяйка-мышь. Нацепила на хвост голубой пошок, надела на голову зеленую шляпку, натянула на лапки красные перчатки.

— Ах, Машенька! Ах, Мурашенька! Я к друзьям на свадьбу спешу, а ты здесь посиди, за моими детками присмотри, светляка чаем угости. Принесу тебе пирога с капустой.

Сказала и убежала.

А Маша надулась, к стене повернулась и ну приговаривать:

— «Здесь посиди» — стану я! «За детками присмотри» — как же! «Светляка чаем угости» — вот еще! Возьму-ка я свой ореховый посошок и пойду гулять на серебряный лужок.

— Не ходи, солнце давно зашло, — сказал светляк.

— Под-у-умаешь! Солнце зашло, зато луна взошла.

Взяла посошок и пошла.

А небо черным-черно, ни звезд, ни луны, туча по небу ползет, тень по земле стелется. Шла Маша, шла и оступилась, в ямку упала, посошок потеряла, нос разбила и заплакала:

— Муравьи плохие, мышь злая, одна я на всем свете хорошая, милая, пригожая...

А мышь в это время со свадьбы домой шла, пирог с капустой несла. Услышала плач, оглянулась, подошла поближе и увидела Машу.

— Машенька, Мурашенька, протяну я тебе свою серую лапку в красной перчатке, ухватись и вылезешь из ямы.

— Как же!

— Машенька, Мурашенька, спущу я тебе свой хвостик с голубым пояском, уцепись и выберешься наверх.

— Стану я!

— Машенька, Мурашенька, сломлю-ка я ивовый прутик, повешу на него свою зеленую шляпку, сядишь туда, я тебя вытащу.

— Вот еще!

— Ну и оставайся, где хочешь.

Кинула ей мышь пирога с капустой, а сама побежала к своим деткам.

Маша пирог съела, надулась, к стене повернулась и только было начала ворчать-приговаривать, но тут как хлынул дождь из тучи! Залило дождем все ямы и овраги, подхватила вода Машу, понесла Мурашу вон из леса.

Куда? Не знаю. Может, вы когда-нибудь ее повстречаете? Пожалуйста, накройте, обогрейте, а бранить не надо. Она и сама теперь, должно быть, поумнела.

Рисунок Б. Семенова



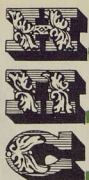
Идею ведет писатель Н. Сладков
ормание А. Азмиши и А. Харшака
в зоопарке

ЗАЙЧИКИ

Случилось это еще зимой. В клетке сидели белки-зайцы: бело-фарфоровые, с черными кончиками ушей и чудесными темно-ореховыми глазами. Посетители зоопарка наперебой старались протиснуться к клетке. Протиснувшись, каждый непременно ах и что-нибудь говорил. Девушка в высоких сапожках сказала: «Ах, какая миленькая шапочка получилась бы во-он из того беленького! Старик в валенках тоже крикнул: «Ой, не могу! Дайте мне скорее ружье — руки чешутся!» Дядя в яловых сапогах вспоминал: «Это страй, сколько я эти косы за собой еле перебила! Парень с сигаретой на губе присел на корточки и спросил: «А что, если косу дым в нос пускать?» Ах...

Тут к зайцам, растолкав лапками ноги взрослых, протиснулась маленькая девочка. Увидев фарфоровых зайцев, она испугнулась руками и тоненько вскрикнула: «Зайчики вы мои беленькие, какие же вы красивенькие!»

Все вокруг вдруг замолчало, посмотрели на девочку и разошлись.
Н. Сладков



апоминаем: Продолжается
сбор лекарственных трав.

росим не брать в лес охотни-
чьих собак. В лесу много бес-
попощных лесных малышей.

оветует осторожно обращать-
ся в лесу с огнем.

из красной книги

АЗИАТСКИЙ ОСЕЛ, он же — в нашей стране — КУЛАН, он же — ДЖИГИТАЙ

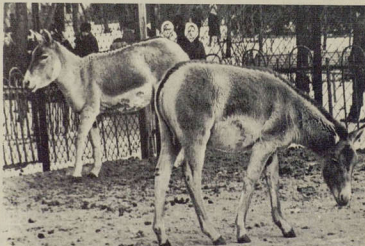
Издавна на куланов охотились: красива и прочна их шкура, вкусно мя-
со. Тягли стада куланов.

Сейчас мы знаем их наперечет, чуть не по головам: восемьсот куланов сохранилось в Туркмении, около сотни живет на острове Барс-Кельмес в Аральском море. Их тут вывели специально, чтобы сохранить и раз-
вести. Итого — почти девяносто; это много! Мы гордимся тем, что их уже столько на территории нашей страны!

За пределами СССР небольшие стада диких ослов уцелели в Афгани-
стане, Монголии и Северо-Западном Китае.

В зной и стужу кохуют по степным просторам их табуны: самцов-
жак и ослиц с детенышами. Дикие ослы очень пугливы, они уносятся от опасности со скоростью шестьдесят километров в час. Только лишь сто-
бом из-под копыт!

Немаловажная роль в сохранении куланов принадлежит зоопаркам: из
125 куланов, содержащихся в 18 зоопарках мира, 30 родились в неволе.



Подходишь к ним — и любишься. То, внезапно сорвавшись, как по-
жидом, мчатся по кругу, сбивая песок. То вдруг начнут катиться по зем-
ли на спине, раскозвасив, отхлестывая и давая шероховатые и покусыва-
ющие друг друга.

Не верится, что эти сильные и по-совому красивые животные совсем не-
давно были на грани исчезновения.

Е. Лисов, В. Левин,
работники Ленинградского зоопарка

ЛОВИСЬ, РЫБА

ОКОЛДОВАННЫЙ ОКУНЬ

Я плыву по озеру на плоту. На
темных отравленных елов покатыва-
ются белоснежные кушечки. Те са-
мые, которые называют еще белыми
лилиями или русалочками. Цветами.
Или, совсем уж по-сказочному, одо-
лень-травой.

Листья кушечки со скрипом трут-
ся о шершавые бревна. Озеро
сплошь выстлано круглыми листь-
ями. Только кое-где сияют окна чи-
стой воды. В такое «окно» я и опу-
стил свое поплавочко.

Как мне хочется поймать рыбу!
Рыбы радом, они «чмокают губами»
под листьями, но не хотят трогать
мое наживку. В отчаянии я танцую с
сказочной одоленей-траве, срываю ее
и шепчу прямо в белые лепестки:
«Одолень-траве, одолей ты мне
окуна полосатого, щучку зубатую!
Или хоть ерша колоченого...»

И — о радости! — поплавок по-
танцуся, волоча за собой водяные
устики. Стал тонуть и нырнул! Я под-
секаю — на крючке окунь! Полоса-
тый, большой — какого прорас!

Я принимаю его к себе, он колотит
востром, колел колоченым мне
живот, но я радостно хохочу. «У ме-
ня окунь!» — ору я. Приятель мой
ловит рыбу с берега. Он слышит и
тоже кричит: «А у меня уже во-
семь!»

Ну и пусть, думаю я, пусть восемь.
Зато у меня не простой окунь, а
околдованный! Такой целой дюжины
стоит.

А. Змиш

МИГ



СОВУ ПО ГЛАЗАМ ВИДНО

Фото А. Луктанова



Возможно, о том, думаю ли мы на тем, что он способен думать. Если
так, пусть успокоится: человека издалека занимает вопрос о «разуме жи-
вотных. Недавно, как вы знаете, на эту тему был снят замечательный до-
кументальный фильм.

НО, МОЖЕТ БЫТЬ, ОН ДУМАЕТ НЕ ОБ ЭТОМ?

А, например, о том, что непало бы нам сообщить в «Зеленые страни-
цы» о случаях «осмысленного» поведения ваших домашних (и не только
домашних!) птиц и зверей.

Пишите нам о сообразительных кошках, умных собаках, мудрых лоша-
дах, хитрых воробьях, доверчивых синицах и так далее! Некоторые из
ваших рассказов, самые интересные, между прочим, могут пригодиться и
ученикам.

Конверты пометайте: «Зеленые страницы», КУЛАНУ.



Продолжаем публиковать прислан-
ные вами лесные пословицы и при-
веты погоды.

Римма Шатова из г. Лабинска:
«Погоду можно угадать по кошке.
Если кошка спит, закрыла нос ла-
пой, — будет холодно, а если нет —
будет тепло».

Татья Савкова из г. Гайны:
«Соль отмерзла — к дождю, роса
с вечера — к хорошему дню, лес без
ветра шумит — к дождю, снег бла-
стит — к морозу».

Гали Пайшина из г. Томска:

По рубу занятый я геодезист, пу-
тешество по стране с теодолитом и
нивелиром. Встретяю много интерес-
ного. Как-то я жил в доме дорожно-
го мастера. У него было стабиль-
уток. Он привез их малютками из
инкубатора и поселил вместе с кроль-
чоком. Детки сошлись характер-
ами и так подружались, что во-
дой не разлить. Так вместе и вырос-
ли. Забавно было видеть стаю мате-
ри уток и с ними... крошка! Сест-
рышки и братцы-крошки.

Раз утром их выпустили погулять
во двор. А посреди двора уже сидел
чел-кот. Доверчивый кролик, под-
скокил к нему и стал цокотать у него
ухом, припадывая играть. А дурной
кот закатил ему ни с того ни с сего
оплеухи! И тут вся стая уток дру-
жно кинулась на обидчика. Кот со
страху на макушку дерева изобраа-
л! Вот что значит дружба с деть-
ства.

Сальмиченко К. И.,
пос. Каменный

ЖДЕМ НОВЫХ ПИСЕМ!



БОРЗОВ ТАРТАНЕ

Впервые мы встретились с Валерием Борзовым три года назад, в Ленинграде. Шел по Невскому проспекту парочка, и многие легко сбросили его. Даже не верилось, что этот медлительный в жизни человек еще вчера на матче СССР — США так стремительно, рывком, вылетел со стартовой дорожки резинавая дорожка стала от поступи его могучих ног.

Два спринтера экстра-класса, два американских рекордсмена вышли на старт, чтобы впервые в истории легкой атлетики проиграть спортсмену из СССР. Програв, они очень удивились, а свое поражение объяснили случайностью. Они еще не знали, что уже выносили оружие, которое сделало Борзова пока непобедимым.

«Молния на тартане» — так после олимпиады в Мюнхене окрестили любителей легкой атлетики этого спортсмена. За соревнованиями тогда наблюдало около миллиарда зрителей. Естественно, когда объявлялись фамилии победителей, каждый составлял свое мнение о спортсмене. Как отметили многие, олимпийский бег Борзова был действием артистичным. А его бистатейный финиш запомнился всем. Борзов чуть отступил и, углубившись, что делал, мягко, эластично сбросил скорость и закончил бег внешне спокойно, с поднятыми вперед руками, — как на тренировке. Это была жесткая краду победа советского спринтера над американцами.

Почему же Борзов не «выключил» полную скорость? Потому что он выступал не только ради этого дня. Но и ради будущего. Потому что невероятная скорость не мог позволить себе пустить в дело просто так; иной характер, иные воспоминания его.

Специалисты говорят: ему удалось одержать психологическую победу уже перед стартом. Спокойствие, выдержка, привлекательное отношение к своим соперникам — это тоже оружие, которое Валерий умело пользовался. Но оно не главное.

«Молния на тартане» породила шум среди звезд неба. Американские спринтеры оказались позади Борзова на обеих дистанциях — 100 и 200 метров. Сенсация! Нат. Обойсая тот, что считал успех Борзова неординарным. Его победы на олимпийской дорожке ждали многие и помогло ему стать сильнейшим спринтером мира его главное оружие — МыСБ.

Конструировать это оружие не один, а со своим тренером, Валентином Васильевичем Петровским. По вечерам они уходил в лабораторию и создают... скорость. Это работу они ведут в Киевском институте физкультуры, где 23-летний Борзов усиленно тренируется. Плотные рывки формально запустят эти терзатели — так расчеты удаля отталкивания при беге. Геометриче-

ские фигуры (в школе их называют «параллелограммом сил») — это ведутся поиски правильного наклона толкательной при разгоне.

После победной финиша на олимпиаде на пресс-конференции Валерий был задан такой вопрос:

— МИСТЕР БОРЗОВ, СКОЛЬКО КЛАССОВ ШКОЛЫ ВЫ ОКОНЧИЛИ?

— Я окончил институт, — ответил Борзов. Корреспонденты удивленно переглянулись. Зачем, мол, бегать «истометровку», если за печатки институт, спринтер-робот, спринтер-машинка. Они привели к этому, конечно, и не помнят многого. Борзов — спринтер нового типа, и, выпитывая у Валерия его «секреты», зарубежные корреспонденты часто этого не понимают.

Про то, что в детстве он ничем особым от сверстников не отличался, говорить не буду. Потому что он отличался. У Валерия отличные природные данные. Спринтер в нем угадывался легко — во время первых же школьных стартов в Ново-Каховске, где жила семья

Борзовых. Отличником он не был, но и в двенадцатый не ходил. Бегал за школу и почти всегда побеждал на состязаниях.

С каждым годом он все увереннее отвоюет у времени короткие секунды. Валерий считает: внешние рекорды спринтера не предел, человеческие возможности. В то же время человек видит свою задачу не только в том, чтобы пробовать «сотку» за 9,9—9,8 секунды. Надеж можно больше ребят приобщить к спорту. Поэтому так часто встречается Борзов со школьниками. Одна из таких встреч ребят с самыми быстрыми человеком на нашей планете произошла в Киеве. После того, как Валерий рассказал о своем спортивном пути, ребята задавали ему много вопросов.

Ученик шестого класса 182-й школы Саша Безбородко спросил Борзова:

— КАК СТАТЬ ЧЕЛОВЕКОМ!

— Вопрос не простой, — ответил чемпион. Его мне задают на всех встречах. Это и понятно. Стремление стать сильным и, что скрывать, знаменитым мечта многих.

Вот и у меня так было. Спал и видел себя хористом спортсменом. Вырос я в Ново-Каховске и до позднего вечера пропадаю в парке «министерство» спортивные площадки. Там мы и в футбол играли, и бегали наперегонки, а зимой увлекались хоккеем, лыжами. Вот такое разнообразие принесло мне позднее много доброго. Было, конечно, отличная физическая подготовка — в прошлом я прошел в те годы. Поэтому мечты мечтали, а всегда надо что-то делать, словом, трудиться надо и в спорте.

Мне часто пишут ребята с просьбой поделиться секретами подготовки к соревнованиям. Как легко и интересно жилишь бы в спорте, будь у нас такие вот «секреты», способные дать новичкам большие победы. Как бегим мы пеллы, бы тогда чемпионы, рекорды. Понравился мне какой-нибудь симпатичный мальчишка, вот я и открыл бы ему все тайны, а он, глядящий, через год-другой стал знаменитым спортсменом.

Детство на самом деле все обстоит куда сложнее. Сколько существует спортсменов, столько и стилей, столько и способов подготовки. Думаю, что главное в спорте — это найти свой талант.

Отсюда не прорыв, ведь день не беговой дорожке, но часа два — три обязательно посвящая тартану. Тренировки бывают у меня и обещанные, и в конце концов в душе мне не надо, — это зависит от поставленной задачи. Бывает и дни отдыха.

Боясь слова, что последние слова могут оказаться

лазейкой для подлей. Поэтому горючу их, признаюсь, что когда некоторые бегуны пытались скопировать мою систему, всем им она принесла очень разочарования. В спорте каждый должен пройти свой путь, и не все сразу.

А вот Костю Павлова из этой же школы заинтересовало другое:

— КОГДА ВЫ ПОБЕТЕ МИРОВОЙ РЕКОРД!

В Мюнхене я боролся за победу. У меня была сильнейшая в мире: ведь у легковесов нет мировых чемпионов. Конечно, будь соперники посильнее, такие, как выходящие в недалеком прошлом американские спринтеры Боб Хайес или Томми Смит, мой результат был бы другим.

А мировые рекорды трудно поддаются прогнозам. Для того, чтобы побить рекорд, нужно немало усилий. Тут и высокая степень подготовки бегуна, и сильная конкуренция, и состояние здоровья, погоды... Но последнее слово должна сказать и природа. Спринтеру приходится стартовать иногда два-три раза в день. Если появится средство, позволяющее восстанавливать работоспособность бегуна в перерыве между стартами, то результаты возрастут. У меня есть такая мечта — побить мировой рекорд — 9,9 секунды. Как только узнаю, что это безнадежно, я оставлю большой спорт.

— БЫЛИ ЛИ ТРУДНЫЕ МИНУТЫ В ВАШЕЙ ЖИЗНИ!

задал вопрос Витя Шимлык, ученик пятого класса 191-й школы.

— Летом 1966 года я находился в прекрасной форме. Мои результаты росли от старта к старту. У нас с тренером затеяли было надежды войти в состав сборной СССР. И вдруг — нежданная случайность. Во время тренировочного забега на дорожке неожиданно выскочил мальчишка. Чобы не столкнуться с ним на большой скорости, я свернул в сторону и... упал, как подкошенный. Результат плачевный — разрыв мышц бедра.

— Вот и все, — говорил я себе, лежа на больничной койке. — Ты еще ничего не сделал в спорте, а с беговой дорожкой нужно уходить. Обидно до слез было. А ведь еще врачи говорят: год на три забудь о спорте, молодой человек! Что этот срок значит для спринтера, понятно для каждого. Жизнь наша в спорте намного короче, чем, скажем, у бегунов на дальние дистанции. Ну, и пришел.

А потом узнал о мужестве Валерия Брумель, о том, что он начал прыгать после тяжелых операций стопы. «Это же настоящий подвиг!» — подумал я, — а ты раскис — чаша пустая». Этот спортсмен с большой буквы теперь и находился как будто рядом со мной. Его воля, его упорство стали для меня примером, помогли мне через год выйти на дорожку стадиона.

После беседы ребята «назвали» чемпиона в плотное кольцо. Поткнувшись, руки с беговыми тетрадками, листками. Каждому хотелось получить автограф олимпийского чемпиона.

Не торопитесь, — сказал Валерий Борзов и лужено улыбнулся, автограф — при одном условии.

После триумфа на дорожке олимпийского стадиона Борзову прямотаки не давали проходу. Олимпиады, мюнхенские, гулявшие в своем парке, могли увидеть любопытную картину: спортсмена в тренировочном костюме с буквами «СССР» на груди окружили немецкие школьники. А потом ребята, чтобы получить автограф русского чемпиона, начали выполнять упреждение членистого: приседание на одной ноге. Состоро соперничества не принесло результатов — никто из немецких ребят не смог освоить задание.

Условия не для мысленных школьников чемпионы поставили. Деточки, против их мнимостного браву, не потеря равновесия. Мальчишки: подтянулись на перекаленные раз. Честно говоря, в этот раз не ребята смогли получить автограф олимпийского чемпиона.

Виктор Кордовский

* До Валерия Борзова только олимпиады европейским бегунам удалось победить американских спринтеров на Олимпиадах. Это сделал в Риме Армин Хари из ФРГ.

* Сильнейшие бегуны на 100 метров развивают скорость до 40 км/час.

* Всего три человека в истории легкой атлетики до Борзова добивались спринтерского золотого дубля на Олимпиадах — победы на 100 и 200 метров: в 1912 г. Р. Крейт, в 1936 г. знаменитый Джессис Оуэнс, а в 1956 г. — Боб Морроу. Все трое американцы. Борзов первым из европейцев повторил этот рекорд.

* В Украинском издательстве «Веселка» выхлонт книга Валерия Борзова. Она называется «Юношник продолжает секунды». В ней идет речь о десяти годах спортивной борьбы за доли секунды, о людях, помогавших Валерию бегать быстрее чемпионов.

Оформление А. Данилова
Фото А. Наумкова



БОБРОВ О ХОККЕЕ

В 50-х годах, когда хоккей с шайбой делал у нас свои первые шаги, когда не было еще залитых светом, прекрасно оборудованных спортивных арен, в Москву приехала английская спортивная команда.

На стадионе под открытым морозным небом собрались тысячи зрителей. Звук притоптывающих ног — признак мороза, отчетливо слышался над трибунами.

Английские львы («Львы» — это было название команды) выехали на поле для разминки. Пробыв, однако, на льду минут пять, они как-то незаметно, один за другим, вернулись в раздевалку. Стадион недоумевал, в чем дело.

Оказалось, что московский морозец показался им непереносимым холодом. И пришлось много сил потратить на уговоры, прежде чем они вышли все-таки на поле.

Об этом эпизоде, как и о многих других, комических или, наоборот, драматических, напряженных эпизодах истории советского хоккея, рассказывает замечательный наш спортсмен-футболист, затем хоккеист, позже тренер Всеволод Бобров. Из его книги «Рыцари спорта» мы узнаем о трех поколениях советских хоккеистов, которые принесли нашей стране столько спортивных трофеев.

«Вихрь на льду», «советская карусель», «снежная лавина», эти слова из отчетов зарубежных журналистов находят подробное описание и объяснение в этой книге. Всякий, кто болел за нашу команду перед экраном телевизора, с интересом прочтет эту книгу.

В. Бобров. «РЫЦАРИ СПОРТА». М. «Советская Россия», 1971.



ЦИРКАЧ-СПОРТСМЕН

Что такое «бенефис» борца? Лет сорок тому назад, когда борьба еще не считалась особым видом спорта, а была цирковой профессией, о таких «бенефисах» писали на афишах, вывешенных по городу.

Вот прославленный богатырь выходит на арену. Утихли аплодисменты, и представление начинается. Смертельно опасная схватка с медведем или быком, а то и с трехметровым удавом закипала перед взволнованными зрителями. Знаменитые силачи ломали подковы, рвали цепи, носили на плечах сорокаведерные бочки с водой, гнули железные балки.

Но шли годы, и многие богатыри стали спортсменами. Александр Григорьевич Мазур, автор книги «Жизнь борца», установил тогда особый рекорд. Он на сорок втором году жизни стал абсолютным чемпионом мира по классической борьбе. Его жизнь была полна увлекательных состязаний и замечательных достижений. Сегодня это уже история советского спорта.

А. Г. Мазур, «Жизнь борца» (Воспоминания чемпиона мира по классической борьбе). М. «Советская Россия», 1972.

ЗАПИСКИ СУДЬИ

Кто не знает подтантового, с белым отложным воротничком, в черном спортивном костюме человека, без которого не обходится ни один матч «большого футбола»? С ним вместе на поле приходит справедливая и честная спортивная борьба.

Но, наверное, не всякий задумывался, насколько это сложное и тонкое искусство — футбольное судейство. Каждый болельщик обязательно подметит малейшую ошибку судьи и сочтет себя вправе громко кричать, свистеть или даже топтать ногами, а попробуй-ка пригласить его на поле для судейства. Что тогда начнется на поле? Подумать страшно!

О своем многолетнем опыте судейства, о том, как к нему пришел авторитет судьи мирового класса, рассказывает в своей книге «Судья» показывает на центр» Тофик Бахрамов, один из самых прославленных наших судей на зеленом поле.

Он пишет о том, как труден этот путь, на котором неизбежны ошибки, неудачи, как постепенно приходит доверие и уважение спортсменов и зрителей.

Начинал Бахрамов свое судейство когда-то как судья на матчах... дворовых команд.

Конечно, и поле было маленькое, и футболисты едва достигали ему до пояса, но футбол есть футбол и законы справедливости в спортивной борьбе одни. Кто знает, не станет ли кто-нибудь из сегодняшних читателей его книги таким же прославленным арбитром?

Федор Чирков

Т. Б. Бахрамов «Судья показывает на центр». М. «Физкультура и спорт», 1972.

БЕЛЬЧОНОК

Что он думает, бельчонок,
рыжий полуприручонок,
по стволу спускаясь вдруг
и орех беря из рук?

„Ел вчера, а нынче пусто
в животе моем опять.
Полустрашно, полувкусно,
а дают — так надо брать!

А не то как раз синица —
не успеешь удивиться! —
как вчера — с налету — хап
мой орешек из-под лап!“

Вот что думает бельчонок.
И, как рыжевый бочонок,
он толстеет на глазах,
забывая всякий страх.

Он раздумывает, вроде,
о синице, о погоде,
об орешке, о сосне,
и навряд ли — обо мне...

Нонна Слепакова

Рисунок Т. Соловьевой



ОБЖОРА

Пришел Обжора в кабачок,
Он голодом терзаем.
— А ну, скорей бычка бочок
Зажарь-ка мне, хозяин!

— Во всем хозяин кабачка
Послушен вашей воле,



Но только нет у нас бычка,
Бычок пасется в поле.

— Тогда скорее на обед
Зажарь бедро косули!
Или косули тоже нет?
Косуля не в лесу ли?..

— Да, сударь, полон лес косуль,
Но все стрелки — из местных —
Уже давно
Ни стрел, ни пуль
Не шлют в косуль прелестных.

— Тогда жарь
Любую тварь —
Цыпленка, поросенка!..

— Их, сударь, нет у нас.
— Жарь,
Тогда мне хоть мышонка!..

— Я рад бы вам его подать
С огрызком хлебной корки,
Но, как нарочно, вылезать
Не хочет он из норки.

— Терпенье лопнуло мое!
Подай хоть эту корку...

— И рад бы, сударь, но ее
Унес мышонек в норку.

Владимир Лифшиц
Рисунки И. Казаковой





ХОТЕЛ БЫ Я ВЫУЧИТЬ ПТИЧИЙ ЯЗЫК

Кто знает,
О чем
На зеленой опушке
Беседуют сойки,
Щеглы и кукушки?
О чем они спорят,
Щебечут, воркуют?
О чем тараторят,
Поют и кукуют, —
И слышны
То пенье,
То клекот,
То крик?
Хотел бы я выучить
Птичий язык!
Хотел бы я птички заботы понять,
Хотел бы их крики и споры унять,
Хотел бы от хищников их охранять,
Хотел бы их песни вовсе распевать!

Интересно, от кого это он?
— Шу-шу-шу! — слышалось в траве. — Шу-шу-шу!..
И вот рядом с кустом, шипя и извиваясь, показалась длинная Змея.
Ежик притих, притаился.
А Змея все ближе и ближе. Видно, тоже под кустик направилась. В тень, в прохладу.
Сытая, ленивая, она ползла медленно-медленно, точно черный ручеек струился.
Глядя на нее, Ежик проглотил слюнки, усмехнулся и подумал: «Вот глупый Зайчишка! Змеи испугался...»

Семен Козан

Рисунок Г. Воскова



7

ЕЖИК, КОТОРЫЙ ЛЮБИЛ ДУМАТЬ

В жару Ежик любил отдыхать под кустом ежевики. Темно, прохладно, и главное — никто не побеспокоит. Куст колючий-колючий, точно Ежикин брат. Только большой и зеленый.

Лежит себе Ежик под кустом и думает. О чем? Обо всем. Что придет в голову — о том и думает.

Сквозь негустые ветви просвечивает голубое-голубое небо.

Ежик думает о небе.

Странно, небо такое большое, как земля, может, и поболее, а ведь нет на нем ни травинки, ни кустика. Попробуй спрыска. Поэтому, наверное, и мечутся птицы в нем и кричат испуганно.

Нет, Ежик не завидует им. И в небо ему совсем не хочется. Ну разве что подняться разок, поглядеть вокруг — и снова на землю, под кустик.

Чуть поодаль виднеется большой-большой дуб. Стоит себе на холме, у самой реки, тихо, спокойно стоит, а потом как зашуршит листвой. Точно увидел что-то страшное, зашумел испуганно.

Ему бы спрятаться под кустом. Да нельзя. Куда такому великану!

Выбежал на пригорок Зайчишка. Еле дух перевел. Сел, посидел, сладкий корешок пожевал. А потом замер, настороженно поводя ушами. И как-как задал стрелочка.



Я птицам сказал бы:
Спасибо вам, птицы —
Чечетки, щеглы,
Коростели, синицы!
Без вас, голосистых,
Веселых, крикливых,
Нам было бы очень
тоскливо!

Екатерина Карганова

Рисунки
Т. Капустиной

3

ЗА ТИТУЛ ЧЕМПИОНА!

Отборочный этап близится к концу, сегодня его предпоследний тур. Кто еще не набрал заветных 50 очков, открывающих дорогу в финал должен нажать на педали!

Боевое задание шахматистам.

А. Белые: Крд6, Фf3, Лс2; черные: Крд4, Мат в 2 хода.

Б. Белые: Крh5, пп. е7, g7; черные: Крh7, п. h6. Мат в 3 хода.

Боевое задание шашистам.

А. Белые: е5, f6, g1; черные: а5, h2.

Б. Белые: е5, f6, g1; черные: а5, h2, h8.

В этих этюдах-близнецах белые выигрывают.

КОМИТЕТ „ВОПРОС—ОТВЕТ“

«Я часто читаю о том или другом шахматисте, что он «попал в цейтнот», «играл в цейтноте». А что такое этот цейтнот — не знаю. Объясните, пожалуйста!» — просит Сеня Кожевин.

Цейтнот это нехватка времени на обдумывание ходов. Вот двое играют турнирную партию — могут ли они думать над ходами бесконтрольно долго или время для раздумий ограничивается? Да, ограничивается! Каждому «отпускается» по 2 часа на совершение сорока ходов. Если у шахматиста истекли его 2 часа, а он не сделал сорока ходов, то ему засчитывается поражение.

Представь, что твой противник продумал уже 1 час 56 минут, а сделал 26 ходов. Значит, он обязан за оставшиеся 4 минуты успеть сделать еще 14 ходов. Времени на их обдумывание у него явно недостаточно — он в цейтноте!

ЧУДЕСА В ШАШЕЧНОМ РЕШЕТЕ

— Внимание, внимание! Говорит и показывает знаменитый факир-маг На Ду Валкин! Никакой ловкости рук, а тем более, мошенства. Обыкновенное чудо, основанное на остроте ума!

Я раскладываю шашечную доску. Я ставлю четыре белые простые шашки на е3, на f2, на f4 и на g3.

Я ставлю две черные дамки на с1 и е1. Еще я ставлю семь простых черных шашек на с7, е7, f6, f8, g7, h6, h8.

Да, да! И не вздумайте предположить, будто я ошибся! Все именно так: у белых только четыре простые, а у черных их семь и еще две дамки. А теперь — минутку...

Абс и Вгредэ,

Чья же тут победа?!

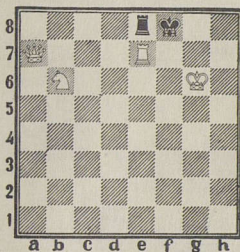
Все ясно: выигрывают белые! Кто же из вас, доблестные рыцари, найдет выигрывающие ходы?



НА ПОЛИГОНЕ

Как всему миру известно, основное оружие архебковцев это быстротат. Из него они ведут прицельный огонь по вражескому королю.

Сегодня на нашем полигоне проводится очередное испытание нового образца быстротата. Условия стрельбы — на диаграмме.



Рыцари! Вы приглашаетесь на линию огня! Ваша цель — черный король. Белые начинают, и — ба-бах! — мат, как можно быстрее!

КОЛОНКА РЫЦАРЕНКА

Ты скоро будешь переведен в рыцари. Готов ты к этому?

Белые: Крf6, Фa6; черные: Крh6.

Дать мат ферзем и королем для

тебя, конечно, уже пустяковое дело. Но здесь его надо объявить очень быстро — в два хода. Поэтому нужна точность. Прояви-ка ее!

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 5 решаются так.

Турнирные. Шахматы — А. 1. Сg7! С: g7 2. Фе6+! Или 1... Сb2 2. Сb2! Или 1... Крг8 2. С: a1. Б. Если ход белых, то они выигрывают — 1. Крb5 Крf4 2. Крe6! Крe4 3. Крe5! и т. д. Если же ход черных, то — ничья: 1... Крf4 2. Крb4 2. Крe3! 3. Крe3! Крe4 1. Крe2! Кр: d4 5. Крd2 — белые заняли оппозицию и не пропустят черную пешку в ферзи. Шашки — А. 1. fe3! 2. dc3! 3. fe5 4. hg3X. Б. 1. cd4! 2. dc7! 3. dc5 4. ef4 5. cd2X.

Для рыцаря — 1. Фg8+! Чудеса в решете — 1. Крb1! Тренировочная кабина. Первая — 1. Фh8! Вторая — 1. Фa1! и тогда 1... Крe5 2. Фa7+! 1... Крe5 2. Фc3+! 1... Крe3 2. Фg1+! 1... Лe3 2. Лg5! Третья — 1. Кe5 b5 2. Кc4! bc 3. Ce1! c3 4. b4 c2 5. b5X.

ПРИКАЗ № 7

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕК-КОМ, приказываю:

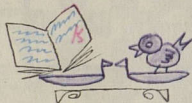
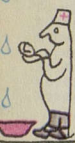
§ 1. Сражающимся за титул чемпиона, а также рыцарям — отослать рапорты (без конвертов — на почтовых карточках!) до 1 сентября.

Шахмат-адмирал Ферзберри



ПРОВЕРЬТЕ ВАШУ НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТЬ И ПАМЯТЬ

В эту игру можно играть и одному, и группой. Перепишите себе в тетрадь таблицу, напечатанную на этой странице. Затем каждый участник подставляет в пустую колонку числовые значения, которые ему кажутся наиболее точными.



1. Сколько весит слон (в тоннах)?
2. Какова высота стандартного 5-этажного дома в метрах?
3. Какова средняя скорость пешехода (км/час)?
4. Сколько весит кирпич (в килограммах)?
5. Сколько воды помещается в ванне длиной 150 см (в литрах)?
6. Сколько ударов в минуту делает пульс здорового человека?
7. Сколько бензина расходует «Москвич» на 100 км пути (в литрах)?
8. Сколько весит воробей (в граммах)?
9. Какова средняя скорость спортсмена-лыжника (км/час)?
10. Сколько весит ученическая тетрадь в 12 листов (в граммах)?
11. Сколько человек всего, сидя и стоя, помещается в городском автобусе?
12. Какова длина нити в стандартной катушке для швейной машины (в метрах)?
13. Каков диаметр 5-копеечной монеты (в миллиметрах)?
14. Сколько весит футбольный мяч (в граммах)?
15. Сколько весит железный шарик диаметром 1 см (в граммах)?

Сумма

Затем сложите написанные вами числа и посмотрите ответы внизу.

Выглядывает тот, чья сумма ближе всего к числу 1200. Если у вас сумма получилась в пределах 1100—1300 у вас хорошая наблюдательность. Если же она сильно превышает эти границы, то наблюдательность и память у вас слабая.

Ответы на задания № 6

1. О ЧЕМ ШУМИТ ЛЕС? — из ну-мерованных букв составляется при-зыв: ДРУЗЬЯ, СОХРАНИМ ЛЕС ОТ ПОЖАРОВ.
2. ГОЛОВОЛОМКА. В цепочке можно прочитать не менее 60 слов.
3. ЧЕМОДАН С НАКЛЕЙКАМИ. Если бы Демьяша действительно

ехал только с востока на запад, то наклейка Берлина не могла бы ока-заться поверх наклейки Парижа, Нью-Йорка — поверх Чикаго, Сан-Франциско поверх Сингапура, Токио поверх Мехико, Тегерана поверх Сиднея, Сиднея поверх Баку, Бомбея поверх Тегерана, так как все эти го-рода восточнее один другого.

СОДЕРЖАНИЕ

НАВСТРЕЧУ X ВСЕМИРНОМУ ФЕСТИВАЛЮ	1
Шуркина стратегия повесть И. Нерцева рисунки Ю. Шабанова	11
Первый параграф очерк А. Бережного рисунки А. Гетманского	24
Курская битва главы из книги А. Митяева	28
Где начинается море из записок океанолога Е. Попова рисунки В. Куприянова	32
Страна Поэзия К 80-летию Вл. Маяковского	38
Багадур сказка А. Абу-Бакара рисунки Ю. Бочкарева	40
Рассказы о тракторе „Кировец“ главы из книги В. Арро	44
А что дальше? литературная игра, ведет И. Дворкин рисунки Г. Ясинского	48
Морская газета	52
Деды всякие нужны стихи Б. Кагермазова и Магомед-Загио Аминова рисунки Н. Муратова	54
Маша-Мураша сказка А. Гарф рисунки Б. Семенова	55
Зеленые странички ведет Н. Сладков	56
Молния на таргане очерк В. Кордовского фото А. Науменко	58
Библиотека КОСТИ ТЕРКИНА	60
Уголёк журнал для малышей	61

Арчебек
ша:

Зам. главн

Редакция
Л. С. Ко
А. И. По
Р. П. Пог
рова, Н. Е
това, секр
Н. А. Хов

Художник-р
М. С. Бело

Рукописи,
Адрес ре-
Таври

М-15997. 1
Формат 60X
Тираж 600

Ленинградск
Союзоплигр
митее Сов
издательств
15



«ГИДРОГРАФ»

ВСЕМ!

ВСЕМ!

ВСЕМ!



ДОНЕСЕНИЯ КОМАНДИРОВ ОТРЯДОВ

Высокие вышки из бревен, которые установлены на побережьях, на возвышенностях, — это знаки общесоюзной геодезической сети. Они нужны для точного составления географических карт и являются «опорой» (гидрографический термин) всех гидрографических исследований.

Командир отряда «Луч»
Вера Наумова

Участников экспедиции «Гидрограф» и всех читателей нашей «Коски» поздравляю с Днем Военно-Морского Флота.
Начальник экспедиции «Гидрограф»
контр-адмирал Н. Скосырев.

Мы идем по берегу моря. Встречаем много планктона. Планктон пригоден в пищу. Его можно ловить сачком из газа или марли, отжав, употреблять в пищу сырым.

Отряд «Дежневцы»,
Приморский край



ПРЕДПИСАНИЕ ПИОНЕРСКИМ ГИДРОГРАФИЧЕСКИМ ОТРЯДАМ, СОВЕРШАЮЩИМ ЛЕТНИЕ ПОХОДЫ

Предлагаем во время похода фотографировать или зарисовывать средства навигационного ограждения, которые будет встречать отряд. Снимок (рисунок) должен быть четким, размером 9×12 см. На обороте указать название СНО (средство навигационного оборудования), его окраску, форму, материал, из чего сделано СНО. Указать точное место установки относительно ближайших населенных пунктов. Собранные вами материалы будут использованы в Извещениях мореплавателям и для уточнения лоции.



ПРИКАЗ № 5 ПО ЭКСПЕДИЦИИ «ГИДРОГРАФ».

1. Доложить в штаб о самом интересном, что вы узнали о Камчатском полуострове.
 2. Оформить и выслать в штаб дневники и отчеты ваших гидрографических походов.
 - а) отрядам, проводившим поход в июле, отчеты выслать до 1 сентября;
 - б) отрядам, которые будут проводить поход в августе, — до 1 октября.
- Примечание: к отчетам можно прилагать различные интересные «морские» находки, сделанные на берегах морей, рек или озер.



СООБЩЕНИЕ ПРЕСС-ЦЕНТРА ЭКСПЕДИЦИИ

В редакции «Морской газеты» состоялась встреча юнкоров с командующим экспедицией «Гидрограф» контр-адмиралом Николаем Васильевичем Скосыревым. Командующий рассказал ребятам о работах советских гидрографов, о важности гидрографической службы для военно-морского флота, для плавания торговых и рыболовных судов.



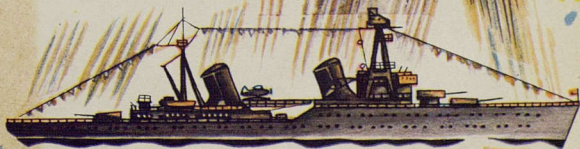
Нас трое. Мы живем в одном доме, учимся в одном классе, дружим с самого детства. Все мы мечтаем стать океанологами, потому что это интересная и увлекательная работа...

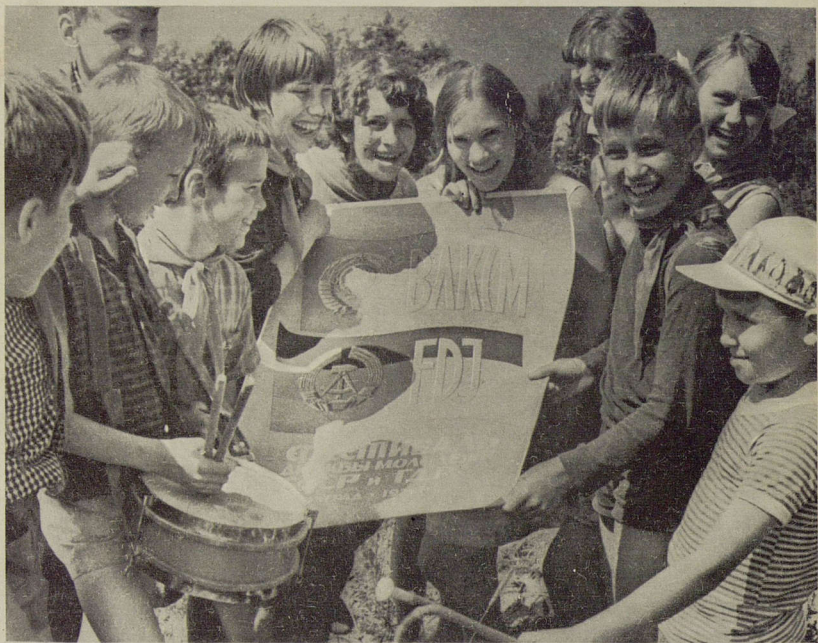
Отряд «Катамаран-8», Москва

Пишет вам экипаж подводной лодки «Мечтатель». Название нашей подлодки связано с тем, что все ребята с нашей улицы мечтают после школы поступить в военно-морские училища. Об этом мечтает даже наш

юнга (ему всего лишь шесть лет). Но несмотря на это, мы зовем нашего юнга «Бывалыч». Мы стараемся во всем походить на настоящих моряков, завели судовую журнал, учим азбуку Морзе, учимся вязать морские узлы.

Экипаж «Мечтателя», Подольск
Московской обл.





Этот снимок фотокорреспондент Михаил Харламов сделал летом прошлого года в Ленинграде, где проходил Второй фестиваль дружбы молодежи СССР и ГДР. Радостными были эти дни советских и немецких ребят!

С нетерпением ждут новых встреч юные друзья на фестивале в Берлине.

«Пионерская республика имени Вильгельма Пика» примет посланцев из сорока детских организаций мира. Каждый будет участвовать в празднике «Пусть всегда будет солнце».

